

НФ

КИБЕРПАНК

ХОРРОР

ФЭНТЕЗИ

реальность фантастики

№2 2010

Повесть:

Екатерина Хайрулина
«КРЕЧЕТ И ЗИМОРОДОК»

Рассказы:

Ярослав Вееров
«ЖУТКО ИНТЕРЕСНОЕ
ЧТИВО»

Федор Чешко
«СО СТОРОНЫ»

Ольга Чибис, Гуля Риф
«ИЗ КОЖИ ВОН»

Критика:

Лев Гурский
«НЕ СОВЕТУЮ,
ГРАЖДАНИН... СЪЕДЯТ»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 2 (78) 2010

Проза

1. Екатерина Хайрулина / КРЕЧЕТ И ЗИМОРОДОК 4
2. Александр Григоров / ЧЕТЫРЕ КВАРТАЛА 69
3. Анна Семироль / СКАЗАТЕЛИ 88
4. Майк Гелприн / ПРИДУРОК 104
5. Олег Андрос / ЗДЕСЬ ПОБЫВАЛИ ЛЮДИ 114
6. Алекс Мустейкис / ПУТЬ ПРОГРЕССА 124
7. Ярослав Веров / ЖУТКО ИНТЕРЕСНОЕ ЧТИВО 132
8. Федор Чешко / СО СТОРОНЫ 138
9. Марина Ясинская / ЗВУКОРЕЖИССЕР 143
10. Олег Пелипейченко / ФОРУМ
(Из серии «Как это было на самом деле»). 148

Детская страничка

11. Ольга Чибис и Гуля Риф ИЗ КОЖИ ВОН 150
12. Юлиана Лебединская КОТЕНОК И СНЕЖНЫЙ ФЕЙ. 168

Критика

13. Генри Лайон Олди,
Андрей Валентинов ЛИТЕРАТУРНЫЕ БЕСЕДЫ 172

Рецензии

14. Kkk72 ФАНТАСМАГОРИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ 185
15. Иван Попов ГОСПОДУ ВИДНЕЙ. 188

Кинопортал

16. Лев Гурский «НЕ СОВЕТУЮ, ГРАЖДАНИН... СЪЕДЯТ» 191
17. Павел Бойко ВОЗВРАЩЕНИЕ СО ЗВЕЗД 196

Новости фэндома

18. Михаил Назаренко Новости фэндома 199

ЕКАТЕРИНА ХАЙРУЛИНА

КРЕЧЕТ И ЗИМОРОДОК

...тому же, кто убьет мерзкую богопротивную тварь, будет выдано из казны Ордена Святого Георгия сто флоринов золотом, а также будет даровано отпущение грехов. В случае смерти охотника, его семья получит компенсацию в размере десяти флоринов, а самому ему будет даровано отпущение грехов посмертно...

1

Покойники висели тут, на развилке, уже давно, обветшалые, изношенные, у одного на плече сидела крупная ворона, серьезно приглядываясь — как бы половчее клонуть. Торопиться вороне было некуда — покойники не убегут. Хайме стоял, не в силах отвести взгляд.

— Красавцы, не правда ли? — раздался за спиной насмешливый голос.

Хайме едва не подпрыгнул от неожиданности.

— Вот мы висим на рели вшестером, плоть отпадает от костей кусками...¹ — сказал незнакомец.

— Почему вшестером? — удивился Хайме. — Их же четверо.

Незнакомец фыркнул, махнул рукой.

— Шел бы ты отсюда, парень, — сказал он. — Нечего на мертвых пялиться. Оставь их.

Он был уже не молод, лет так сорока или больше, невысокий — едва ли не на голову ниже Хайме, и сложен не в пример тоньше, легче, без той основательности, хоть и вполне крепко. По-старомодному длинная котта, явно выдавшая лучшие времена, бледно-голубая, тонкой шерсти, густо засалена и залатана на разные лады. Зато вот ремень знатный, видать еще с тех же лучших времен — широкий, с литыми медными бляхами, к такому ремню только рыцарского меча и не доставало. Был бы меч, Хайме точно бы сказал — благородный господин, уж очень легко и непринужденно он стоял по колено в грязи, уперев кулаком в бок, небрежно придерживая другой рукой здоровенный тюк за спиной. Уж очень звонко в глазах сверкала насмешка, снизу вверх, но словно бы свысока.

Хайме нерешительно переступил с ноги на ногу, покосился на висельников, поправил на плече внушительного вида рогатину. Незнакомец следил за ним с интересом.

¹ Франсуа Вийон, «Баллада повешенных».

— Рогатина-то тебе зачем? На медведя собрался?

— На дракона, — буркнул Хайме, чувствуя, как начинают краснеть уши. Незнакомец сухо и почти обидно рассмеялся.

— Вот с этой штукой? Ей ворон хорошо пугать.

— Не твое дело.

— Ладно, — он пожал плечами. — Значит, еще увидимся.

Повернулся и, насивистывая, зашагал по дороге.

А Хайме еще долго стоял, не решаясь последовать за ним, и лишь дождавшись, пока фигура незнакомца скроется за поворотом, направился в Гельт.

* * *

— Следующий!

Звучный голос распорядителя королевской охоты, венатора² Иефа ван Фламме, эхом разнесся по ратуше. Хайме вздрогнул.

В ожидании своей очереди он скромно забился в угол, стараясь не привлекать лишнего внимания, и всецело посвятил себя созерцанию величественной сцены страшного суда на противоположной стене. Как и полагалось, здесь черти весело гнали грешников в бурлящее пекло. К своему удивлению, среди грешников Хайме обнаружил герцогов, кардиналов и даже самих пап в высоких тиарах. Неужели и их тоже? Но вот поразмыслить над картиной не удалось: нужно было идти. Желающих немного, и он, похоже, последний.

Хайме с надеждой огляделся. Сутулый слуга, шаркая, прошел мимо и скрылся за дверью. Больше никого. Пора.

Набычился изю всех сил, делая шаг вперед.

За огромным дубовым столом сидели двое. Первый — венатор Иеф, внимательно изучающий что-то в кипе бумаг — лысеющий, грузный, с блестящими капельками пота на лбу. Второй — Бенедикт де ла Гарди, гельтский приор Ордена Святого Георгия³, выглядевший на фоне венатора неправдоподобно маленьким и тощим, словно сушеная слива. Приор так же внимательно изучал цветные витражные блики на стенах и откровенно скучал, сцепив узловатые пальцы.

Хайме застыл в нерешительности.

— Имя? — потребовал венатор.

— Я известен как Черный Кречет.

Сдавленно булькнув, Иеф поднял глаза от бумаг, окинул парня придирчивым взглядом.

— Где это ты известен?

Хайме тяжело засопел, пытаясь найти слова. Так долго придумывал

² Венатор (от лат. *venatio* — «травля диких зверей») — охотник, ловчий — почетная должность при королевском дворе.

³ Орден Святого Георгия Суринаского или драконоборцы — один из старейших рыцарско-монашеских орденов, учрежденный в 1048 году Карлом Отважным. С 1274 года основные силы ордена базируются на Святой земле.

это имя — у каждого охотника должно быть что-то особенное, яркое. Он придумал себе. И теперь было стыдно — на «Кречета», и уж тем более на «Черного», белобрысый и простоватый парень похож не был никак.

— Настоящее имя? — венатор презрительно скривился. — И чего вас всех в птички-то тянет, а? Чужой славы захотелось?

Хайме набрал воздуха в грудь, едва удержавшись, чтоб не зажмуриться.

— Хайме ван Мейген, экойе, — громко сказал он.

Имя венатора заинтересовало, он склонил голову на бок, рассматривая.

— Ван Мейген? — причмокнул, словно пробуя на вкус, вопросительно поднял бровь. — Сын Хендрика?

Хайме неуклюже кивнул, вслух ответить толком не вышло.

— Я думал, его сына зовут Филипп...

— Филипп мой старший брат.

Задумчиво пошевелив подбородком, венатор достал мятую тряпочку, протер лоб.

— Младший сын младшего сына, — усмехнулся он чему-то своему, — что ж, понимаю...

Хайме вот ничего толком не понимал, только чувствовал, как ноги подкашиваются. Казалось, ничего не выйдет, зря он сюда пришел. Сейчас посмеются и прогонят вназад. Откинувшись на спинку кресла, венатор внимательно рассматривал его, хмурия выцветшие брови, и вдруг весело хмыкнул.

— Так Кречет, значит? А летать умеешь?

Приор нервно вздрогнул, глянул с подозрением. Хайме так и не понял — была ли это шутка или серьезный вопрос о чем-то... странном?

— Я... я... — стиснул зубы, озираясь по сторонам.

Приор расслабился, махнул рукой, видимо, опасения не подтвердились.

— Хорошо, — наконец согласился венатор. — А скажи-ка мне, Хайме, много ли драконов ты убил?

Хайме тяжело слотнул, решаясь идти до конца.

— Много.

— А точнее? Одного, двух? Целую дюжину?

— Это важно?

Стоило огромных усилий остаться на месте и не броситься скорее бежать из ратуши. Венатор вздохнул, покачал головой, на его лице красноречиво застыли разочарование и тоска.

— Да нет, пожалуй, нам сойдет каждый... — сказал он. — Слушай, Хайме, у тебя хоть оружие-то есть, а? Хоть какое-нибудь? Или, может, ты праведник, и дракона святым словом крыть будешь?

— Не богохульствуй, Иеф, — лениво одернул приор, морща нос. — Давай, записывай, да пойдем обедать, пора уже.

Венатор снова тяжело вздохнул, поскреб подбородок, потом взял со стола заготовленные разрешение и пропуск, вписал имя, щедро капнул сургуча и протянул приору. Тот не глядя ткнул печатью и утомленно зевнул.

— Слушай, Хайме, ты хоть представляешь, куда лезешь? — напоследок поинтересовался венатор, щуря глаза.

— Представляю.

Несколько секунд он смотрел на парня, словно раздумывая: отдавать — не отдавать?

— Эх, ладно, держи. Может чего и выйдет... Или еще передумаешь, — махнул наконец рукой. — Так! Кто там еще, желающие есть?! Подходи!

Хайме порывисто выхватил бумаги и быстро зашагал к двери, желая наконец скрыться с глаз, а лучше провалиться сквозь землю.

— Ульрих Целем, — четко раздалось за спиной.

Хайме дернулся, крутанулся назад. У стола стоял все тот же, утренний незнакомец. Венатор смотрел на него с нескрываемым интересом, а приор вдруг разом подобрался и оцетинился, словно дворовый пес.

— Ты в своем уме? — зашипел он.

— А что, у тебя уже есть приказ о моем аресте? — удивился незнакомец.

— Со дня на день...

— Вот когда настанет тот день, тогда и поговорим, — усмехнулся тот. — Записывай меня.

Он держался все с той же спокойной уверенностью, и на приора смотрел, пожалуй, не с большим почтением, чем утром на Хайме.

Венатор подался вперед.

— Ты не сможешь получить денег, Зимородок, — холодно произнес он, — даже если убьешь дракона. Тебя повесят. Или зажарят — как повезет.

— Ты во мне сомневаешься, Иеф?

Тот сощурил глаза.

— Я не сомневаюсь в Святой Церкви.

— Зря-я ты во мне сомневаешься, — Зимородок подошел ближе, оперся руками о стол и весело подмигнул приору. — Мне же будет даровано отпущение грехов. Ведь так?

Приор побледнел. Кажется, даже позеленел, резко осунувшись, отчего и без того худое лицо заострилось, словно у покойника.

Венатор долго смотрел Зимородку в глаза, недоверчиво хмурился, шевеля бровями, и вдруг затрясся, пытаясь сдержать смех.

— Хитер! — наконец выдал он, утирая проступившие слезы.

— Пиши, — кивнул Зимородок.

* * *

Дальше Хайме не слушал. На негнущихся ногах он выскочил из ратуши под весеннее солнце, глубоко и с облегчением вздохнул. Все! Разрешение получил, теперь дело за малым... Об этом малом пока думать не хотелось. Ну его... В то, что выйдет убить дракона, верилось с трудом.

Но и отступать уже поздно.

Стайка воробьев дружно купалась в неглубокой лужице, распушив перышки, толкаясь и азартно чирикай, радуясь наступившему теплу.

В брюхе урчало, а вот в карманах звона отродясь не водилось, лишь пара медяков. Поэтому прогуливаться, наслаждаясь красотами Гельта, Хайме не собирался, лучше сразу двинуться в путь. Если уж свое брюхо не удастся набить, то хоть драконье, лишь бы поскорее.

— Эй, посторонись!

Где-то за спиной взревела труба.

Его грубо толкнули локтем в бок. Хайме охнул, закутил головой, стараясь понять.

Из-за угла показалась безмолвная процессия монахов-доминиканцев в надвинутых на самые носы капюшонах, так, что и лиц не разглядеть. Народ резво расступался, давая дорогу, Хайме пихали со всех сторон, и он поспешил отступить подальше, к стене соседнего дома. За монахами, гулко громяхая на каждой колдобине, ехала телега, запряженная двумя волами. На телеге стояла клетка... Хайме долго вглядывался, но так и не смог разобраться, человек это одетый в лохматую шкуру или зверь, испуганно вжавшийся в самый угол.

— Вот горе-то, — сдавлено буркнули у самого уха, тихо совсем, но Хайме услышал.

— Какое горе?

Буркнувший дернулся, совсем не ожидая вопроса. Хайме тоже не ожидал — случайно вырвалось, уж очень интересно стало, что происходит. Тот замялся нерешительно.

— Так ведь эта...

— А кто это? — Хайме показал на клетку.

— Это? Так ведь это... Ну, оборотень, значит, выходит...

Хайме испуганно перекрестился — вот, святые угодники, чего только не увидишь! Правильно Филипп говорил: лучше в город не соваться, там нечисти всякой... Спаси и сохрани!

— А куда его?

Человек почесал под шапкой вихрастую макушку. Он тоже, кажется, был не местный, не городской... деревенский, скорее...

— На костер, знамо дело. Куда ж еще. Эх, жалко, хороший паренек был...

— Оборотень хороший? — изумился Хайме.

Оборотней он никогда не видел, но слышал многое. Человек глянул с сомнением, поджал губы и тяжело вздохнул.

— Тильберт это, младшенький сын гуртовщика, — поведал неохотно. — Смышленный паренек был, учтивый такой... Бывало, вот, встретишь на улице, а он: «Здравствуйте, дядя Йост, как поживаете?» А на дудочке как играл, заслушаешься! А так, что он псом иногда оборачивался, так это не со зла ведь! Это он с братьями овец пас... Пастушок ведь был... Эх... овцы-то его как слушались...

Цокнул сокрушенно, покачал головой.

Хайме смотрел во все глаза, пытаясь сообразить — стоит ли верить? Нет, наверно, не стоит, оборотень как-никак! Оборотень это, у-у...! Вон и на костер его. На костер зазря никого не будут! На всякий случай начал бормотать про себя: «Верую». Так, от дурного глаза, от неприятностей...

— Мы вот тут эта... просить ходили за мальчика, — между тем говорил человек, словно наболело, прорвалось. — Никому он плохого-то не делал, что зазря душу губить? А? Как думаешь? Нет, говорят, бесовское отродье! Убирайтесь, говорят! Смотрите, говорят, как бы самих на костер не отправили... Что делать, так и ушли. Вона как оно все...

Вона как.

За процессией шел маленький человечек с большим носом, в двухцветном черно-красном колпаке, и дудел в трубу.

* * *

И все же одно место Хайме не мог не навестить — Гельтский собор Святого Петра. Он был здесь однажды, с братом, давным-давно, но до сих пор живо оставалось ощущение восторга от чуда открывшихся вдруг небес, ощущение света, льющегося с вышины...

Столько всего случилось за последние дни. Хайме терялся вдалеке от дома, среди круговерти большого города. А молитва всегда помогала унять разбушевавшиеся чувства, успокоить разум, принести тепло и радость душе.

У низких, уходящих в глубину дверей портала толпился народ. Хайме стащил шапку, осторожно протиснулся внутрь и замер, ожидая, пока глаза немного привыкнут к полутьме после яркого апрельского солнца. На последние деньги раздобыл свечку — надо бы поставить, помолиться... Все вокруг казалось такое... такое...

Хайме робел с непривычки.

Он всегда был очень набожным, тетка Каталина приложила все усилия, чтобы воспитать мальчика в строгости и послушании... Нет, она любила его, как родного! Может, потому и воспитывала. После того, как мать Хайме умерла при родах, а отец погиб где-то в далеких песках Хиджаза, тетка жалилась и взяла бедных сироток к себе. Своих детей у Каталины все равно не было. Филиппу она позволяла делать все, что угодно, и даже не бранилась почти, когда он убежал с мальчишками в город, посмотреть как там... Их, конечно, поймали по дороге, а дядя Густав тогда снял ремень и от души отлупил Филиппа по голому задку. Филипп выдержал молча, но потом жалобно всхлипывал всю ночь, а тетка Каталина всю ночь не отходила, сидела рядом и поила незадавшегося искателя приключений горячим отваром с душицей и зверобоем.

А вот Хайме долго не разрешали ходить дальше ворот. Лишь по воскресеньям, едва ли не за руку, тетка водила его в церковь, строго следила, чтобы

он не забывал исповедоваться веселому и добродушному отцу Франциску, который при виде Хайме всегда хмурился и допрашивал, кажется, с особым пристрастием. Словно ожидал подвоха.

Тетка Каталина вздыхала.

— Смотри! — грозила она мальчику тонким морщинистым пальцем, по поводу и без. — А то закончишь, как твой отец!

Хайме обижался и никак не мог понять, что она имеет в виду. Сама-то тетка никогда не объясняла, только страдальчески закатывала глаза и заставляла молиться во спасение заблудшей души. Хайме молился, но понять не мог. Закончить, как отец? Отец был рыцарем, сражался в Палестине, Сирии и Египте, он был героем и погиб как герой — так говорили все! Хайме никогда не видел его, да и Хендрик наверняка даже не знал, что у него родился младший сын. Младший сын младшего сына...

Хайме потрянул головой, отгоняя воспоминания. Шагнул вперед... Захватило дух!

Свет наполнял собой все! Насквозь пронизывал сотни цветных витражей, разбегаясь по гладкому серому камню россыпями драгоценных бликов — рубин, изумруд, сапфир и солнечный янтарь... Алтарь тонул в этом янтаре, почти осязаемом... Казалось, можно подойти и потрогать свет рукой! Тонкие пучки колонн — высокие, стройные, словно корабельные сосны, устремлялись в недостижимую высоту, теряя вершины среди облаков. Да! Казалось, над головой лишь небо! Стены обходных галерей исчезали меж поднебесных витражей, янтарь растворял их без следа. И только тонкие косточки нервюр, изогнутыми стрелами теней расчертившие своды, заставляли поверить в рукотворность этих небес.

Хайме долго стоял, не решаясь даже вздохнуть... Несмелые звуки шагов его казались почти кощунством.

И долго потом стоял на коленях у алтаря.

Господи! Дай силы пройти до конца, не испугаться, не свернуть... Дай силы, Господи!

А уже собираясь уходить, вдруг заметил, как из полутьмы бокового нефа сверкают глаза. Подошел... И едва ли не вскрикнул от ужаса. Откуда здесь! Нет! Всего лишь статуя, сделанная так искусно, что, казалось, чудище вот-вот пошевелится, вздрогнет, шагнет из мрака в лучи янтарного света. Нет, не шагнет.

Перед Хайме стоял каменный виверн. Чуть припав на левую лапу, вытянув длинную шею и как-то неуклюже сложив одно крыло за спиной. Второе крыло готово вот-вот раскрыться... Хайме присмотрелся. Крыло было сломано. Это скульптор сделал его таким, даже видно торчащую кость. На левом бедре глубокая рана, каменное копьё у зверя под ногой — наверное, вырвал и в ярости растоптал! Только в оскаленной пасти ярости нет, лишь до боли стиснутые зубы. А в каменных глазах застыла тоска. Взгляд, устремленный в небо.

Раненый виверн не шагнет в лучи света — в тени ему безопасней. И сломанное крыло не даст взлететь. Пожалуй, зверь навсегда обречен прятаться здесь, старательно избегая взглядов святых с цветных витражей — они не одобряют.

* * *

— Зимородок, стой!

Венатор заметил еще издалека, плюнул на все, заорал — сил догонять уже не было. И так весь город обегал — выйдя из ратуши, охотник как сквозь землю провалился. И вот наконец увидел на углу, у площади. Сейчас свернет и потом ищи его в толпе.

Зимородок остановился, ожидая, пока взмокший и запыхавшийся венатор поравняется с ним.

— Надо поговорить, Уль, — в полголоса сказал тот. — Я же просил подождать, куда ты пропал?

— Да парнишка тот, — Зимородок махнул рукой, — хотел кое-что посмотреть.

Венатор кивнул, вытер пот со лба.

— Ладно. В «Хромого Циклопа» пойдем? Тут недалеко.

В харчевне было светло и просторно, это только к вечеру наберется посетителей. Впрочем, широкой популярностью харчевня не пользовалась, здесь собирались, в основном, те, кто ценил тишину, сытный ужин без изысков и приятное общество. А то ведь подешевле всегда можно перекусить в «Пьяном Драконе», по соседству, а подороже (то есть, по-благородному) — так это за углом, в «Трех Грешниках».

Здесь чистенькие окошки, которые каждое утро заботливо протирает розовощекая толстуха Матильда, скобленные до блеска столы и жареная картошка со шкварками. Еще темное, чуть горьковатое пиво особого сорта. Где хозяин такое берет, только черт, пожалуй, и знает.

Сам он (в смысле хозяин, а не черт) в белоснежном переднике выбежал на встречу, радушно улыбаясь.

— Мессир венатор! Прошу вас! Давно у нас не были...

— Давно, — степенно согласился Иеф. — Нам, как обычно, только карасиков, пожалуй, не надо.

Хозяин с готовностью кивнул, проводил их к уютному столику в глубине зала, и уже через минуту, словно сама собой, на столе возникла запотевшая бутылочка терпкого каталонского вина, а вслед за ней — блюдо с сыром и крошечными тминными булочками.

— Сейчас рябчиков подадут, — заверил хозяин.

Венатор довольно крикнул, вытянув уставшие от беготни ноги, сам разлил вино по бокалам, попробовал и одобрил. Потом, прищурившись, глянул на Зимородка.

— И как тебя утраздило, Уль, — полюбопытствовал он.

Тот фыркнул, пожал плечами.

— Седина в бороду, знаешь ли...

Венатор страдальчески сморщился.

— Да, знаю... Однако ж, здоров был тот бес, который в ребро! Напал на епископа, на глазах едва ли не всего Дзюдзеле! — Он хмуро пожевал губу, разглядывая старого друга. — Думаешь тебе это сойдет с рук, а? Да если б не та папская грамотка, тебе б давно уже греть пятки в пекле.

Зимородок взял тминную булочку, разломил, вдыхая аромат свежего хлеба, чуть помедлил и отправил половинку в рот.

— Его преосвященство отделался парой синяков и легким испугом, — сказал с ухмылкой.

— Уль!

— Да знаю я, — он отмахнулся, вздохнул. — Но ты хочешь сказать, я должен был отдать им Якоба?

Прищурился, глядя венатору в глаза.

Иеф шумно засопел, покачал головой. Якоба отдавать не хотелось, разве можно таких на костер! Ведь на вес золота! Да и человек хороший, хотя, конечно, Иеф не слишком близко его знал. Но тогда не смог ничего придумать, отошел в сторону. А сейчас... Не нравилось ему это дело, ох как не нравилось. Зимородку так легко не выкрутиться.

— С отпущением грехов тут не выйдет, Уль, ты перешел черту. Святые отцы давно уже на тебя зуб точат, а тут такой повод! Отпущение тебе даруют посмертно, радостно и от чистого сердца.

— Я знаю, — спокойно согласился Зимородок, принялся хрустеть второй половинкой булочки, взял кусочек сыра.

Венатор сердито сдвинул брови, выругался про себя (ругаться вслух Иеф давно уже себе не позволял, да, давно... Пожалуй, с тех пор, как вернулся из Святой земли и повесил меч на стену).

— Я думал, ты уедешь, заляжешь на дно. Думал, в ближайшие лет так десять тебя больше не увидеть. Что ты делаешь здесь?

Зимородок поднял бокал.

— Жениться хочу.

Венатор тоже было взялся за вино, но едва не подавился, закаплял. На широком лице застыло нехорошее выражение.

— Ты в своем уме, Зимородок?

Тот не спеша отпил, покрутил бокал в руке.

— Знаешь, Иеф, — сказал задумчиво, — мне надоело бегать от них. То одно, то другое... Я ведь собирался купить землю, построить дом, уже место подобрал, у реки. Если б не Якоб...

— Рябчики, господи!

Хозяин появился из-за спины, торжественно поставил на стол новое блюдо. Рябчики были отменные, золотистые, сочные, с хрустящей корочкой. Иеф потянул носом и немного пришел в себя, потянулся,

добыл себе хороший кусочек... Но подумал, и есть пока не стал, только налил еще вина, выпил залпом, почти не чувствуя вкуса, покосился на Зимородка.

— Так что ты собираешься делать? Уехал бы, взял бы Марту с собой.

— Не могу. Меня будут искать, ты же знаешь, что это за жизнь. А у Марты двое детей... Какие тут бега? Слишком глупо.

Зимородок тоже взял себе рябчика, спокойно, со вкусом принялся за еду, обстоятельно обгладывая косточки. Венатор хмуро наблюдал за ним, молчал. Что-то и кусок не лез в горло. Нервы? Старость?

— Знаешь, Иеф, — сказал Зимородок наконец, — кто-то из нас двоих должен сделать глупость. Иначе не выйдет. И конечно, по традиции, глупости буду делать я. Марта пока не знает...

— Что ты задумал?

— Если церковь официально признает мою смерть — искать не будут. Венатор едва сдержался, чтобы не плюнуть разочарованно.

— Они никогда не поверят, пока не увидят твое бездыханное тело собственными глазами, пока собственными пальцами не потыкают!

— Угу, — серьезно согласился Зимородок, хрустя косточками. В глазах сверкнули азартные огоньки. — Я убью дракона и вернусь.

Венатор вытаращился оторопело, нехорошее предчувствие шевельнулось в животе.

— Тебя зажарят на костре!

— Нет. За нападение меня должны бы колесовать. Я уже договорился с Якобом... Ну, ты понимаешь?

Зимородок облизал жирные пальцы, улыбнулся широко, во весь рот, как ни в чем не бывало.

От этой улыбки венатора прошиб холодный пот.

— Ты? — едва слышно выдавил он.

— Именно.

— Да ты совсем сдурил?!

— Ага. Ты ж меня знаешь.

— Я не стану в этом участвовать!

— Это ничего не изменит. Хотя без тебя придется туго.

Тяжело дыша, венатор вытер лоб, лицо разом посерело, осунулось. Он с трудом подавил в себе желание вскочить на ноги и начать ходить туда-сюда, размышляя, — давняя дурная привычка. И очень долго молчал.

— Может, просто уедешь? — спросил тихо. Спорить тут бесполезно.

Зимородок шумно выдохнул, уставился в стол. Огоньки в глазах вдруг погасли, возраст как-то особенно отчетливо проступил на лице.

— Не могу, — и в голосе впервые скользнула горечь. — Знаешь, Иеф, она молодая красивая женщина, вполне состоятельная, вдова... Боюсь, если я вернусь через пару лет, она уже найдет другого...

Снова заглянул в глаза венатору.

— А мне надоело искать красоток по кабакам... У Бергеса, вон, внуки уже... Я тоже хочу.

Глотнул еще вина и вдруг усмехнулся, беззаботно махнул рукой.

— Да ладно, Иеф, в самом деле! Все выйдет как надо.

Иеф все-таки плюнул, витиевато выругался, вопреки всем собственным правилам. Но спорить больше не стал.

Еще долго сидели тогда, обсуждая детали.

2

Снег недавно стаял, и дороги основательно развезло. Грязь уныло хлопала под ногами вязкой жижей, дождь с самого утра то переставал, то снова принимался моросить, развозя дороги еще больше. До Ветряных Холмов — высоких и неприступных, что обступают Гельт с севера полукольцом, было три дня пути. Хайме устало брел вперед, не глядя по сторонам, взгромоздив на плечо рогатину.

Сзади раздался чавкающий перестук копыт.

— Эй, охотник!

Он не стал оборачиваться, прекрасно узнав голос: эти трое цеплялись к нему еще в городе.

— Эй, не слышишь, что ли?

Всадники догнали и остановились, преградив дорогу. Им было весело.

— Вот этой штукой ты собираешься в дракона тыкать? Или в твоей деревне крупнее козы зверя не водится? Да он твою палку одним пальцем перешибет! — гоготали они.

— Что вам надо? — огрызнулся Хайме.

— И откуда такие тупые недоноски берутся? — пегий остроносый всадник радостно заржал.

Хайме стоял, стиснув зубы. Он давно привык к подобному обращению и ввязываться в драку не собирался. Все равно бессмысленно: один против троих конных и хорошо вооруженных.

— А может, он оборотень? — хитро предположил другой, в шляпе с пером. — Может он сейчас перекинется какой бесовской тварью, сожрет дракона, да и нас заодно? Вон как зыркает!

Снова начали ржать.

— Чего молчишь-то? — поинтересовался остроносый. — Онемел? Слышь, как там тебя?

— Кречет, — подсказал другой.

— Кречет! Во-во! Кочет он облезлый, а не Кречет. Вон, ты смотри как нахохлился! Сейчас налетит, загорланит, заклюет еще!

Они еще долго забавлялись, Хайме угрюмо молчал, скрипя зубами. Потом им надоело, и обдав на прощание грязью из-под копыт, поехали дальше, к Холмам. А ведь будут на месте куда раньше, так еще и дракона убить успеют, пока он дойдет.

Хайме вздохнул. В брюхе уныло урчало с голоду, но кроме последней краюхи хлеба в ближайшее время ничего не предвиделось.

Поплелся следом.

* * *

Краюху он таки съел, устраиваясь на ночлег. Хотел оставить часть на завтра — не вышло. Живот сводило, а вокруг только голые безлюдные поля. Да и были бы не безлюдные, все равно ни монетки в кармане.

Вечером увидел огонек вдалеке, подошел, постоял в стороне, потоптался. От костра пахло теплом и еще просто умопомрачительно пахло вкусной сытной едой. Невысокий человек сидел один, спиной к Хайме, сосредоточенно чистил какую-то железку. Что именно, видно не было.

Приблизиться Хайме так и не решился, прошел мимо.

Недалеко ушел.

— Эй, ты! А ну стой! — велел хриплый, сорванный голос.

Хайме остановился.

— Карманы выворачивай.

— У меня ничего нет.

— Давай-давай!

Перед ним возникло пять заросших грязных громил. Вожак криво ухмылялся, поигрывая тяжелым топориком, белесый шрам дохлым червем пролегал по его щеке.

— У меня ничего нет, — серьезно повторил Хайме.

Отступать было некуда. Он понадежнее перехватил обеими руками рогатину, целя острием вожаку в грудь.

— Не подходи, — грозно прошипел сквозь зубы.

Вожак засмеялся, щеря редкие зубы, белесый червь задержался, извернулся — смотреть было неприятно, до мурашек.

— Да у мальчика-то зубки! — легко, без замаха, рубанул по рогатине, ломая пополам. Хайме даже не успел опомниться. Охнул, отступая назад.

— У меня ничего нет.

Сжался, вцепившись в обломок древка, честно собираясь драться до последнего, хоть голыми руками, и прекрасно понимая, что ничего ему не светит. Все. Это конец. Глупо как — пойти на дракона и помереть по дороге от рук разбойников. Хайме готов был расплакаться с досады, но вместо этого лишь неожиданно зарычал. Вышло так впечатляюще, что вождь замер. На секунду... Хайме попятился.

И тут же звонкий свист у самого уха. Вожак грузно, без единого звука осел в грязь. Между глаз бесстыдно торчала короткая арбалетная стрела. Остальные зашевелились, попятились.

— Следующий! — раздалось из-за спины, и Хайме узнал голос Зимородка. Вслед за голосом заскрежетала взводимая тетива.

Желающих больше не нашлось — с парня многого не возьмешь,

а связываться с вооруженным опытным человеком им не очень-то хотелось, слишком уж красноречивым оказалось приветствие. Разбойники тихо скрылись в темноте.

Хайме наконец выдохнул. Обломок рогатины нервно задергался и едва не выпал из вспотевших от напряжения ладоней. Хайме подумал и бросил: толку-то что.

— Спасибо, — он повернулся к спасителю, облизывая пересохшие губы.

— Шел бы ты домой, — усмехнулся Зимородок, и ни слова больше не говоря, направился к костру.

Нерешительно потоптавшись на месте, Хайме побежал следом.

— Подожди.

Зимородок разрядил арбалет, завернул аккуратно в промасленную тряпицу, уложил на место.

— Есть хочешь? — предложил через плечо.

— Хочу, — Хайме ответил раньше, чем успел все осознать.

Он ел долго и жадно, основательно вымакивая кусочком хлеба остатки похлебки из миски, до последней капли. Зимородок сидел напротив, чуть склонив голову на бок и с интересом наблюдал. Хайме старался не встречаться с ним взглядом, было как-то неловко.

— Утром пойдешь домой, — сказал Зимородок, когда парень наелся.

— Не пойду.

Тот удивленно поднял бровь.

— А что будешь делать?

Хайме набрал воздуха в грудь, сжал челюсти, все так же смотря в землю.

— На дракона пойду, — хмуро сказал он.

Зимородок хотел было рассмеяться, но отчего-то передумал.

— У тебя нет оружия и ты совсем не умеешь драться.

Хайме засопел, насутился, объяснять не хотелось.

— Я все равно пойду, — буркнул упрямо.

— Ни зубами, ни когтями драконью шкуру не разорвать, — серьезно сказал Зимородок.

— Какими когтями?

Хайме удивился очень честно и честно ничего не понял. Какое-то время сидел, переводя взгляд то на Зимородка, то на свои руки. Когти? Да, ногти, конечно, здоровые, нестриженные, с черной грязью во всех местах и заусенцами... но чтоб так! Чего это он?

— Точно когтей нет? — ехидно поинтересовался Зимородок.

— Точно, — совсем тихо подтвердил Хайме, стало как-то не по себе.

— А хвоста?

Хайме тяжело засопел, не зная — смеяться ли ему или плакать, подтрунивали-то над ним часто, но сейчас выходило иначе, не так... С тоской глянул на Зимородка, отчаянно замотал головой. Тот весело хмыкнул, но, к счастью, решил оставить когти в покое, только вздохнул серьезно.

— Эх, парень... это верная смерть, — сказал он. — Иди лучше домой.

— За мою смерть дадут десять флоринов, — тяжело сглотнув, Хайме так и не смог решиться глянуть ему в глаза. — Больше я ни на что не годен.

Голос жалобно дрогнул, едва ли не до всхлипа. Столько всего скопилось... Он не видел другого выхода, все испробовал. Не выходит! Если б можно было...

Что-то в лице Зимородка дернулось, напряглось. Он долго хмурился, вглядывался, словно стараясь что-то понять. Что-то свое.

— Рассказывай, — велел наконец.

Хайме поджал губы. Рассказывать не стал.

— Дурак, — отчетливо сказал Зимородок, без усмешки, — сдохнуть ты всегда успеешь, причем только один раз. А потом? Ты подумал?

Хайме отвернулся, покрываясь красными пятнами, стало ужасно стыдно.

— Спи, — устало велел Зимородок и сам вытянулся рядом, подсунув шапку под голову.

* * *

Хайме спал крепко и спокойно — на сытый желудок спалось удивительно хорошо. Когда утром открыл глаза, Зимородок, уже полностью готовый двинуться в путь, сидел рядом.

— Вставай, — сказал он, протягивая Хайме кусок хлеба и луковницу, — на вот, в дороге поешь.

Хайме благодарно кивнул.

Весь день шли молча, разговаривать не хотелось. Вернее, Хайме не хотелось расспросов, а Зимородок молчал, только искоса поглядывая, словно надеясь что-то разглядеть. Еще утром Хайме предлагал ему помочь нести тот здоровенный тюк, уже и сам понял, что там оружие, тяжелое, разное, но Зимородок так на него глянул, что желание помогать разом пропало.

За весь день никого не встретили.

К вечеру Зимородок начал слегка прихрамывать.

— Нога у тебя, да? — тихонько поинтересовался Хайме.

— Ага, целых две ноги, не поверишь!

Хайме обиженно шмыгнул носом.

— Слушай, может, давай отдохнем, а? Или хоть, давай, я понесу?

— Хочешь отдыхать — отдыхай, — Зимородок гостеприимно махнул рукой. Хайме вздохнул и настаивать больше не решился. Опять какое-то время молчали.

Грязь чавкала под ногами.

— Слушай, а ты, правда, тот самый Зимородок?

Целый день Хайме мучился этим вопросом, и таки не выдержал. Зимородок усмехнулся.

— Правда.

— А много драконов ты убил?

— Как звезд на небе! — с готовностью заверил тот.

Хайме нахмурился, засопел сердито — так хотелось поговорить, но все не выходило, ерунда одна. И так не так, и эдак... Слова вставали поперек горла.

* * *

Уже почти в темноте снова раздался стук копыт, Хайме оглянулся. К ним приближался всадник с тремя лошадьми, груженными разномастными тюками... точнее две лошади, на одной из которых он ехал, и два мула. Человек был хорошо одет, и видом своим напоминал, скорее, преуспевающего купца, отправившегося с товаром в дорогу. Только почему один, и почему сюда? Кроме Ветряных Холмов тут ничего нет, торговать не с кем.

— Привет, Уль! — крикнул он издалека, помахал рукой.

Зимородок остановился, довольно ухмыльнулся, помахал в ответ. Скоро человек поравнялся с ними.

— Еле догнал, думал, не успею до Холмов, — человек спрыгнул с лошади, подошел, пожал Зимородку руку, похлопал по плечу. Он был чуть выше, раза в полтора шире и примерно одного возраста. Начищенные ботинки блестели, на дорогом сюрко шафранового цвета ни пятнышка дорожной пыли.

— Ты б еще побольше с собой ослов прихватил, тогда бы точно успел, — Зимородок улыбался, веселые искорки плясали в его глазах.

— Я тут тебе все привез, что просил. Еле успел собрать, в такой спешке... Да, тут Марта тебе мазь передала для ноги, болит еще?

Зимородок отмахнулся.

— Марте лишь бы чего подsunуть. Она портретик свой с локоном, часом, не передавала?

— Передавала, а как же! — Человек с довольным видом кивнул, полез в увесистую поясную сумку и выгнул серебряный медальончик. Зимородок, кажется, не ожидал, прикусил язык и разом посерьезнел, осторожно взял, открыл, долго смотрел, потом вдруг резко защелкнул и убрал к себе. Обернулся к Хайме.

— Это Язон Бергес, мой друг. А это Черный Кречет, охотник на драконов, — в последних его словах явственно скользнула усмешка.

— Это он-то охотник? — искренне удивился Язон.

Хайме снова был готов провалиться сквозь землю.

В котелке сладко булькал здоровенный кусок мяса, так, что у Хайме слюнки давно текли ручьями. Над котелком вдохновенно колдовал Язон, нюхая, пробуя, подсыпая что-то, цокая языком. Судя по запаху, выходило что-то невероятное. Зимородок сидел рядом и безразлично хрустел сухой сырной лепешкой.

— Чего ты жрешь всякую гадость, ну-ка плюнь, — напоказ злился Язон, потрясая ложкой, — скоро готово уже!

Зимородок ехидно ухмылялся и продолжал хрустеть.

— Слышь, Уль, там тебя ищут, весь город на уши поставили, — Язон зачерпнул чуть, попробовал, помешал, отложил ложку. — Почти готово, — сообщил он. — Тарелки у тебя есть?

— А-то ж! Самое главное в нашем деле! — Зимородок с интересом принялся. — Готово, говоришь? Посмотрим, что ты наварил...

Спокойно выхватил что-то прямо пальцами из кипящего котелка, попробовал, пожевал, почмокал губами и удовлетворенно кивнул. Пальцы облизал и вытер об себя.

— Так ищут чего? — сказал наконец. — Можно подумать, не знают, где искать.

Язон принялся тем временем раздавать ужин.

— Их Иеф не пускает. Говорит, пусть он мне сначала дракона уложит, а то потом на эту скотину управы не найдешь. Говорит, нынешние охотники пошли уж больно хлипкие, не потянут. А если мне эта скотина потом весь город подпалит, что вы, остолопы, делать будете?

Ухмыльнулся, взял себе миску, принялся довольно жевать, выбирая ложкой куски покрупнее. Потом серьезно глянул на Зимородка.

— Так что у тебя, Уль, еще времени немного есть. Святые отцы там икают и кусают локти, очень уж им хочется наконец прижать тебя к стенке, прямо слюнки текут. Столько лет мечтают, а тут повод такой хороший... Думаю, они на обратном пути попытаются прирезать по-тихому, без суда, для верности.

Зимородок кивнул, расправившись наконец с лепешкой, отряхнул крошки с колен, взялся за миску.

— Я тоже так думаю. У западного перевала встречаемся?

— Ага, буду ждать.

Язоново варево оказалось удивительно вкусным, наваристым рагу с бараниной, Хайме отродясь такого не ел, да и вообще мясо ему перепадало не часто. Сейчас готов был все вместе с ложкой проглотить, подчистую.

— Уль, а этого-то чего с собой тащишь? — Язон кивнул в его сторону, и Хайме непроизвольно сжался.

— Этого? — Зимородок оценивающе посмотрел на парня, задумчиво шевельнул подбородком. — Я его, пожалуй, на приманку пущу. Привяжу где-нибудь за ногу, устрою засаду. И пока дракон будет жрать да жаром пыхать, я его и заколю.

Хайме перепуганно было дернулся, но удержался. Нет, шутка это, шутка. Не может быть.

— А чего, — серьезно сказал Зимородок, — ему один хрен помирать, а так хоть с пользой.

Вот когда Хайме стало по-настоящему страшно, он даже переменялся в лице. Язон глянул недоверчиво, а Зимородок, удовлетворенно хмыкнув, продолжал жевать.

* * *

Этой ночью Хайме спал урывками, снилось разное, и все как-то не хорошо. Иногда сквозь сон доносились тихие разговоры. И голоса были совсем другие, так, что не разобрать — то ли, правда, слышал, то ли показалось.

Зимородок, тихо охая, мазал ногу бальзамом доброй Марты.

— Болит, да? — сочувственно интересовался Язон.

— Ага, ч-черт! — шипел сквозь зубы. — Уже затянулось вроде, а я тут еще неудачно вскочил впопыхах, споткнулся и подвернул... Ай, зараза...

— Тебе надо было Якобу показать, он бы в раз.

— Да как-то не до того было. Старик совсем плох после пыток, еле на ногах стоял... А тут еще я. Да заживет на мне все как на собаке...

— Идти-то как, сможешь? Давай, верхом пока, на моей лошадке?

— Да ладно, доковыляю как-нибудь...

— Брось, Уль...

— Завтра посмотрим.

Хайме почему-то становилось неловко. Казалось, это из-за него... Да, небось это его Зимородок вскочил спасать от разбойников и подвернул раненую ногу... Да и подслушивать нехорошо... Отворачивался, пытаясь заснуть.

— Иеф говорит, ты с Якобом уже договорился?

Слышно, как Зимородок усмехается невесело.

— Нет, еще не успел. Ты смотри только ему не проболтайся, а то крик поднимет, откажется еще.

— Без Якоба все равно ничего не выйдет.

— Ничего, договоримся... куда он денется. Главное, чтоб поправился к тому времени.

Хайме ворочался беспокойно.

Проснулся опять, звезды на небе, костер тихо потрескивает.

— ...а потом, — говорит Ульрих-Зимородок, — дом построю на берегу Лисы, хорошее место нашел... сад вокруг дома посажу.

— Какой?

— Яблони хочу, цветут красиво. По весне, словно белые облака на земле лежат, ходишь между ними... а еще розовенькие, знаешь, бывают...

— Ты их что, для цветов сажать будешь?

— Да не...

Голос тихий, мягкий, без тени привычной усмешки, звучит так, что заслушаешься. Не верится. Хайме изо всех сил краснел, старался отвернуться и не слушать чужие мечты.

— Детишек с Мартой нарожаем, она давно хочет... девчонок лучше. А то если парни — подадутся еще с дуру по моим стопам...

— Правильно, тебе девок лучше, спокойнее. Мне, вон, скоро старшая внука принесет.

— Когда ждешь-то?

— Да вот, недели через две должна. Слушай, даже когда жена рожала, так не переживал, а тут...

Почему-то не верилось, что у Язона могут быть внуки.

Звезды поблескивают в небесах.

* * *

— Эй, Кречет, подъем! — Зимородок пихал ногой в бок и ухмылялся во всю рожу. — Вставай, птенчик, чего разлегся.

Хайме подскочил как ужаленный.

— Не передумал еще? — поинтересовался Зимородок. — Может, домой?

— Нет, не передумал, — от такого начала дня становилось слегка не по себе.

— Деньги так нужны? Да? — спросил Язон серьезно, по-деловому. — Что у тебя там? Долги? Много надо?

— Много, — Хайме поджал губы, говорить об этом не хотелось, неприятно было.

Язон покачал головой, растянул шелковый кошель на поясе, отсчитал десять золотых и легонько подбросил на широкой ладони. У Хайме аж голова закружилась от такого зрелища.

— Хочешь, парень, я тебе десять флоринов дам? Просто так. И ты пойдешь домой. Больше все равно за твою дурную башку не дадут.

Он уже был готов ответить «да», уже было открыл рот, потянулся...

— Нет, не надо, — ответил твердо. — Я чужого просто так взять не могу. Лучше наживкой для дракона.

— Отдашь потом, когда сможешь.

Хайме тяжело слотнул, упрямо мотнул головой.

— Как хочешь, — Язон пожал плечами и спрятал золотые в кошель, — я дважды не предлагаю.

Дурак! Дурак! Какой же дурак! Хайме кусал язык и готов был расплакаться от обиды, но всю дорогу старался не подавать вида. Угрюмо шел, ругая себя на чем свет стоит. Ведь не ради себя же пошел! Эх, дурак!

Неужели и правда бы дал? Просто так?

Зимородок поглядывал на парня с интересом. Они с Язоном о чем-то переговаривались, иногда посмеиваясь, иногда почти серьезно. На лошадь, кстати, Зимородок садиться и не подумал, шел сам и почти не хромал, только тюк свой взвалил на спину мулу. Язон шел рядом.

— Нога-то у тебя как? — попытался было поинтересоваться Хайме.

— Нога как нога.

Зимородок беспечно фыркнул, но по глазам стало ясно: еще одно слово, и Кречета пошлют так далеко, что не вернешься. Не его, собачье, дело.

К вечеру вышли к заставе у подножья гор. Дальше рудники и золотые прииски, для простых людей вход закрыт, только по специальным пропускам. Где-то в этих горах и засел дракон.

— Ну, давай, удачи тебе! — Язон обнял, похлопал Зимородка по спине. Потом быстро, без лишних слов, вскочил в седло. Вторую лошадь и двух груженных мулов оставил Зимородку.

— До встречи, Язон. Если чего, присмотри там за ней.

Язон серьезно кивнул, пнул лошадку в бока и поскакал прочь.

— Встретимся на Золотых Полях, — шепнул Зимородок.

— А он разве не с нами? — запоздало опомнился Хайме.

— Язон серьезный человек, он по горам не бегает.

Хайме хотел было усмехнуться, как очередной шутке, но посмотрел удаляющейся фигурке вослед и передумал. Язон Бергес действительно серьезный человек. Зачем ему?

3

— Стоять! Пропуск! — потребовал красноносый скучающий охранник. Прищурился, вглядываясь в гостей.

— Зимородок! — наконец воскликнул он. — Я слышал, тебя давно вздернули.

— Я тоже слышал, — согласился Зимородок. — Брешут поди?

Охранник весело рассмеялся. Похоже, он был рад встрече, или, по крайней мере, хоть какому-то развлечению в своей однообразной жизни. Стоять тут было тоскливо, ничего не происходило. Зимородок протянул ему бумаги, охранник изучил, вглядываясь и шевеля губами, старательно изображая усердие, ковырнул печать, потом важно вернул.

— Как жизнь-то? — поинтересовался он. — Все охотишься?

— Охочусь. Вот последний раз, и на покой.

— Ты? На покой?! — усомнился охранник.

— Я. А что? Хватит, не мальчик уже.

— Э! — охранник озадаченно почесал макушку. — Кто ж без тебя этих тварей-то гонять будет? Они ж в конец облагуют.

Потрепались еще о чем-то, обсудили нынешнюю молодежь, цены на хлеб, недавнюю англо-бурскую войну, напрочь забыв о стоящем рядом с мулами Хайме. Охранник даже умудрился достать откуда-то темную бутылъ, погладил любовно по крутому боку, угостил Зимородка.

— Слушай, а это кто с тобой? — опомнился вдруг.

Зимородок оглянулся.

— Это? Оруженосец, — сказал серьезно.

Охранник заржал, хватаясь за бока, окинул Хайме критическим взглядом, без всякого одобрения.

— Да? Сэр Зимородок, а пропуск у твоего оруженосца есть? Или он как выючная скотинка пойдет?

— Есть, — ухмыльнулся Зимородок.

Хайме слегка дрожащими руками вытащил из сумки бумаги.

— Вот.

Чуть было не уронил.
Охранник глянул бегом, без интереса.

* * *

Заночевали уже в горах.

— А далеко нам еще... ну, до дракона.

— Дня три-четыре, а там как повезет. Думаешь, он сидит и ждет?

Хайме засопел, нервно сглотнул, подтянул колени к подбородку. Было холодно, и даже костер не спасал, зубы стучали непрерывно. Впрочем, Зимородка, похоже, это нисколько не тревожило, он сидел спокойно, расслабленно, прихлебывая маленькими глотками ароматный чай.

— А какой он, дракон?

— Не видел никогда?

— Неа, — Хайме виновато замотал головой.

— Эх, охотник! — развеселился Зимородок. — Какого ж черта тебя сюда понесло?

— Надо, — буркнул Хайме, его заметно передернуло от очередного порыва ветра, зубы клацнули со стуком.

— Замерз?

— Угу.

Зимородок встал, порывлся в многочисленных тюках, вытащил длинный просторный плащ на лисьем меху и протянул.

— На.

Хайме аж забыл зубами стучать от удивления. Хотел даже отказаться, никогда не держал в руках таких дорогих вещей, но быстро передумал. Завернулся по самые уши. В плаще стало теплей, уютней и как-то веселее, подумалось даже, что все еще может закончиться хорошо. Зимородок сделал еще чаю, достал баклажку, налил из нее в кружку примерно на треть, протянул.

— Держи еще. Согреешься.

— Спасибо.

Щеки порозовели и начало неудержимо клонить в сон.

— Зимородок, — пробормотал Хайме, — а зачем ты взял меня с собой? Тот пожал плечами.

— Я не брал. Нам просто по пути.

— Но ты меня кормишь... и вообще...

Зимородок усмехнулся.

— Да уж, прокормить тебя большая проблема. Жрешь — как стадо горных троллей!

Хайме поерзал на месте. Вопросов накопилось столько, что сейчас они просто рвались наружу из разомлевшей головы.

— А ведь ты сам не ради денег пошел, да?

Зимородок, похоже, задумался, стоит ли говорить? Устало вздохнул.

— Мне нужно прощение, — сказал он, — ты же слышал, святые отцы давно мечтают зажарить меня на своих сковородках. Убью дракона — снимут обвинения.

— И женишься на Марте? — Хайме до боли прикусил губу. Ну куда он лезет! Ведь не должен был об этом знать, чего болтает.

Зимородок заметно напрягся, и долго хмуро разглядывал Хайме, словно видел его в первый раз. Потом допил чай из кружки одним большим глотком.

— Да, — сказал наконец, тихо-тихо, — женюсь.

Голос на мгновение стал мягкий и какой-то далекий, совсем как той ночью. Возраст морщинами проступил на обветренном лице.

— А Язон, он кто? Откуда ты его знаешь?

— Язон? — Зимородок небрежно пожал плечами. — Мы начинали вместе, на Святой земле... Но воин из Язона так себе, он побаловался и бросил... Занялся торговлей, к этому у него обнаружился куда больший талант.

— А... — Хайме открыл было рот, но не успел.

— Ладно, Кречет, хватит на сегодня. Ложись спать.

Хайме лежал долго, но все же не выдержал.

— Зимородок, — неуверенно начал он, — слушай, а у меня тоже невеста есть...

Было слышно, как Зимородок дернулся, и тихо выругался.

— Зачем мне знать про твою невесту?

— Не знаю... — признался Хайме.

— Вот и заткнись. А лучше знаешь, иди-ка ты домой!

Раздражение и, кажется, злость в голосе, или показалось? Хайме думал, что не уснет, но стоило закрыть глаза, и мир провалился.

* * *

С самого утра шли молча. Солнце успело забраться высоко и жарило не на шутку с беззаботно-синего ясного неба. Подъем был легкий: не широкая, но вполне приличная дорога вела их на восток. Зимородок шел впереди, ведя лошадь. Он, и без того не слишком-то разговорчивый с Хайме, теперь скалился и огрызался на каждое слово, избегая разговоров. В конце концов, Хайме не выдержал.

— Послушай! Ну прости! Что я такого сказал? Я ведь не хотел, может, просто ляпнул чего дуру. Ну что мне сделать, чтоб...

Не договорил. Зимородок обернулся к нему, серые глаза сверкнули сурово, аж пришибли к земле.

— Иди домой, — сказал он.

Хайме, собираясь уж было продолжать, запнулся. Несколько раз пытался что-то начать, хватая ртом воздух.

— Иди домой, парень, — повторил Зимородок чуть мягче. — Тебе не место здесь.

— Я не могу... — Хайме поджал губы, уставился в землю.

— Почему? На что ты надеешься?

Вот так, глядя Зимородку в глаза, говорить было страшно. Хайме отвернулся.

— Если мы не заплатим долг, нас выгонят из дома... Это все из-за меня...

Зимородок долго, хмуро смотрел, молчал.

— Ты что, всерьез намереваешься убить дракона? — спросил он.

В голосе было столько издевки, что Хайме начал краснеть. Нет, конечно, он не слишком-то рассчитывал на удачу, с самого начала. Куда ему... Да и как он собирался сражаться?

Зимородок ждал.

— Я испробовал все... — Хайме начал оправдываться, голос дрожал. — Если меня убьют, этого хватит, чтоб заплатить. И... и...

Дальше не вышло.

Он всегда был неудачником, за что не брался — все валилось из рук. Иногда казалось — Элиза поклялась выйти за него из жалости. Хорошая добрая девушка... Только отец Элизы, не богатый, но очень гордый экойе Мериго де Шуасоль, никогда не отдаст дочь за Хайме, у которого, кроме славы предков, ни гроша за душой. Элизу нужно либо заслужить, либо забыть. Он уже из сил выбился... Какими-то правдами и не правдами удалось занять денег, купить коня и оружие, плохонькое, но все ж... Хотел было поехать в город, наняться оруженосцем хоть к кому-нибудь... Не успел отъехать и нескольких верст от дома — напали, ограбили, коня увели...

Он всегда был неудачником.

Дома ведь наверняка уже знают о том, что случилось, и что он пошел в горы на дракона. Все знают. Если он вернется ни с чем — будут смеяться еще больше. А милая Элиза будет жалеть и утешать... До конца дней... Она обещала никогда не отдать руку другому и даже уйти в монастырь... Топно становилось от этого. А тетка Каталина с каждым годом все ворчливее. Не попрекает, но от этого только еще хуже, лучше б уж говорила в глаза... А то посмотрит так, как на увечного. А дядя Густав вообще предпочитает не замечать.

Да лучше он сдохнет тут в горах! Хотя какая-то польза от него, хоть десять флоринов получат, отдадут долги...

Не удержался, громко шмыгнул носом, краснея все больше. Уши горели огнем.

— Дурак, — холодно заключил Зимородок. — Если ты сдохнешь тут, то никто ничего не получит. Святым отцам нужно будет предъявить твоё тело, а то скажут — сбежал. Просто так не поверят. А кто отсюда потащит? Думаешь, я? Не-ет, не выйдет. Да и останется ли от тебя тут хоть что-нибудь? Опознаваемого? А если сожрет? Дерьмо драконье предъявлять?

Хайме молчал, стиснув зубы.

— Послушай, парень, — Зимородок сощурился, вглядываясь, — почему ты не взял денег у Язона, если так нужны? Слушай, иди к нему, а. Он тебе даст, поможет, он хороший человек. Скажи — отдашь потом, не важно когда... Я тебе верю, отдашь. Тут надеяться не на что. Ну подумай, у тебя даже оружия нет, рогатину и то сломали. Сожрут с потрохами без всякой пользы, невеста потом плакать будет. Зачем тебе? Легче было прямо дома повеситься, да хоть бы рядом с теми четверьмя, на перекрестке.

Хайме упрямо насунился, покачал головой.

— Я все равно пойду.

— Зачем?! Черт поberi!

— Надо! — упрямо буркнул Хайме.

— Слушай... — Зимородок с усилием провел рукой по лицу, — слушай, я бы мог предложить пойти вместе, и если будешь делать все, что я скажу — поделиться деньгами. Я ведь не за наградой...

Хайме вздрогнул, с надеждой посмотрел на него. Зимородок невесело ухмыльнулся.

— Только понимаешь, какая штука, — сказал он, — тут тоже ничего не светит. Возможно, дракона мы убить не сможем, всяко бывает. Возможно, его уже убили и сейчас везут в Гельт, ведь мы не единственные охотники. Но даже если уьем, Кречет, пойми... шанс, что я получу деньги, невелик. Да не получу я ничего. Возможно, меня зарежут еще по дороге, а еще вероятнее — повесят в городе, наплевав на все прощения. Или сначала повесят, а уж потом с чистым сердцем простят — с них станется. Еще и тебя за компанию, если пойдешь со мной. Что тебе...

— Можно с тобой, пожалуйста...

Хайме, кажется, на колени был готов встать. Зимородок громко цокнул и сжал пальцы в кулак, что-то болезненно дернулось в лице. Он долго молчал, тяжело дыша.

— Я не хочу отвечать за твою жизнь, — сказал едва слышно, — мне хватает своих проблем.

— Отвечать за мою жизнь?

— Да.

Хайме смотрел во все глаза, стараясь понять.

— Ты не можешь отвечать за меня. Почему? Я взрослый мужчина, и это...

Запнулся, поймав на себе взгляд, прикусил язык.

— Сколько тебе лет, Кречет?

— Семнадцать, — сказал как-то неуверенно.

— А мне сорок пять. Знаешь, у Язона сын на три года старше тебя, тоже взрослый, жениться собирается, и все равно я привык относиться к нему, как к мальчишке...

Хайме сердито засопел. Зимородок фыркнул.

— Я немного знал твоего отца, Кречет, — он сморщился устало, — и знаешь что... О твоей семье я больше ничего не хочу сейчас знать. А то мне уже начинает казаться, что я должен сдать им тебя с рук на руки, живого и невредимого. Мне сейчас не до этого, поверь. Меня там ждут... Иди лучше, а?

Земля поплыла под ногами. Но в голове стукнула и забилась только одна мысль.

— Ты знал моего отца?

Зимородок тяжело и почти обреченно вздохнул.

— Ты ведь сын Хендрика? Я слышал там, в ратуше... Ты очень похож.

— Ты знал моего отца!

— Не очень близко, — Зимородок покачал головой. — Встречались как-то, в Палестине...

Сердце заколотилось, словно бешеное, так и норовя выскочить. Сколько пытался Хайме узнать у людей, сколько расспрашивал — никто ничего толком не знал, или, может быть, просто не хотел говорить. Он давно отчаялся услышать правду об отце. А тут... Да ведь Зимородок сам начал разговор. Сразу сотня вопросов просилась на язык, выбрать никак не получалось, мысли путались.

— А ты... там ведь... ну, отец... он как? — запинаясь поинтересовался он, глянул с надеждой.

Зимородок чуть улыбнулся.

— Хендрик был храбрым воином.

Хайме шумно выдохнул. Это он и так знал. Вот как раз эти самые слова говорил каждый. Он разочарованно поджал губы. Зимородок какое-то время молчал, разглядывал внимательно.

— Хендрик Разящий, Хендрик Волк... — серьезно сказал наконец. — Тамплеры знали о его способностях и много раз звали к себе, но он отказывался. Вольный охотник. Ему не нужно было оружие, чтоб убивать, но и мечом он владел лучше многих... Ты правда очень похож на него.

Хайме почувствовал, как уши начинают гореть от гордости. Похож? Как же хотел он стать похожим на отца! С самого детства не было мечты более яркой, более сияющей, чем эта. Стать рыцарем! Уехать сражаться на Святую землю! Стать героем! Только как уедешь, когда ни доспехов, ни коня, ни оружия... После отцовской смерти у них ничего не осталось... А то что осталось, досталось Филиппу, он-то уже много лет, как уехал.

Отец... Хендрик Разящий, Хендрик...

— А почему Волк?

Хайме никогда не слышал этого прозвища. Зимородок усмехнулся, помолчал, похлопал свою лошадь по загривку.

— Знаешь, Кречет, когда Иеф спрашивал, умеешь ли ты летать, он спрашивал серьезно. Младший сын младшего сына. Неужели ты не знаешь? Старшему достается наследство, а младшему дар.

Он пристально смотрел Хайме в глаза. Сердце сжалось в нехорошем предчувствии... Дар? Хайме напряженно замер, прикусив до боли губу. Что?

— Твой отец был оборотнем, — сказал Зимородок.

Долго Хайме стоял неподвижно, почти не дыша, стараясь осознать...

— Нет! Я не верю... — прошептал он.

— Зачем мне врать?

— Нет! Нет! Я не верю! Нет! — сначала совсем тихо, потом громче, в полный голос орал, стараясь заглушить подступивший к горлу страх. — Ты лжешь!

Зимородок не стал спорить.

— Хендрик был храбрым воином, — сказал сурово. — Одним из лучших. Ты должен гордиться.

Громко всхлипнув, Хайме подскочил на месте и понесся прочь, подальше, куда глаза глядят. Да лучше б дракон поскорее сожрал его! Разве может это быть правдой?! Господи, за что! За что! Что он сделал такого!

* * *

— Я тоже стану оборотнем?

Хайме долго бродил вокруг, почти не разбирая дороги, все ноги сбил по горам, едва не сорвался с обрыва, а к вечеру вдруг сам собой вышел к стоянке Зимородка. Удивительно сладко пахло горячей едой, и в животе в ответ заурчало жалобно.

Но долго еще не решался подойти, стоял в сторонке.

— Я тоже, да?

Зимородок обернулся, пожал плечами.

— Не знаю. Тебе уже много лет, обычно этот дар проявляется в детстве.

— Я не... никогда...

Зимородок усмехнулся.

— Как знать, может ты не младший сын. Может Хендрик успел заделать еще одного какой-нибудь страстной черноокой красотке.

Хайме до хруста стиснул зубы, едва ли не зашипел от злости.

— Да как ты...

— Думай сам, — согласился Зимородок. — Но лучше держи это при себе. Крепко. Никому не говори. Оборотней, знаешь ли, не любят.

Налил похлебку в миску.

— Держи.

Хайме потоптался еще на месте, не выдержал, подошел. Ели молча, говорить никак не хотелось. Зимородок поглядывал искоса, Хайме подавленно пшыгал носом. Казалось, вся жизнь перевернулась с ног на голову. Хотел бы не верить, но все начало удивительно складно вставать на свои места. Вспомнилось, Филипп рассказывал однажды, когда сообщили о смерти отца, ему самому тогда было лет семь, но запомнилось хорошо...

Тогда пришли монахи со стражей, забрали все до последней ложки, до последнего гвоздя... мать тогда беременная была, вот Хайме как раз, должна была скоро родить... тетка Каталина спрятала ее. Филипп говорил — иска-ли долго.

Хендрик Волк. Вот как значит.

Сложно поверить.

Хайме сидел, разглядывая свои руки, стараясь представить, как это, когда они меняются, покрываются шерстью, как ногти изгибаются острыми когтями... Страшно становилось, аж до тошноты. Казалось — внутри, в самой сердцевине, завелся кто-то чужой! И в любой момент он может вырваться наружу. Непереносимо страшно. Кожа зудела, хотелось вскочить, побежать, кататься по земле, скуля жалобно... Прогнать его! За что это, Господи?! Что сделал такого? За какие грехи?

— Я стану волком? — голос дрожал.

— Не обязательно, — пожал плечами Зимородок. — Дар — это способность к изменению тела. Те, кто проходит обучение с самого детства, могут принимать много разных обличий, по своему желанию. Но обычно выбирается и закрепляется только одно.

Хайме судорожно сглотнул. От этого только хуже... Чего ждать?

А может, ничего не будет? Может, он просто человек? Может, врет Зимородок?!

Хайме смотрел на него и понимал: нет, не врет. Не станет врать.

...А если он действительно не младший сын?

* * *

— Смотри, что это?

Зимородок подошел, глянул, весело похлопал по плечу.

— Драконье дерьмо, — сказал он.

— Что?

— Дерьмо, говорю. Он тут пролетал. Мы на верном пути.

Хайме передернуло, становилось не по себе от такого-то размера...

— Гляди, — Зимородок пихнул в бок, подмигнул, — вон, ремень с пряжкой торчит. Кого-то уже сожрал. Ты отнеси, покажи, может кому десять золотых перепадет.

Зимородок шел насвистывая, глядя по сторонам и больше в небо, с таким видом, словно гулял у себя в саду. Только хромал. Дорога тем временем становилась круче, в двух местах небольшие обвалы — пришлось обходить. Скоро тут с мулами и не пройти, придется оставить.

— Послушай, а дракон — он большой? А то разное говорят...

Зимородок покосился, тихонько фыркнул.

— Большо-ой! Как гора. В пасть рыцарь на коне и с плюмажем на макушке проходит, при полном параде, не нагибаясь. Ну и выходит... ты видел.

— Зимородок... — Хайме почти обиделся.

— Разные бывают, — пожал плечами тот. — Но тут не большой, молодой шестилеток, с хорошую корову размером.

— Откуда ты знаешь?

Уже было приготовился ответить, но передумал и сказал честно.

— Я людей спрашивал, надо же знать, куда идешь. А шестилеток, — так, похоже, из того помета, что при Майнице нашли, еще беззубыми. Там один ушел. Вот по всем приметам подходит.

Подумал, и добавил еще:

— По этой дороге недавно прошли две лошади. Потом свернули на север вот у тех, видишь, камней.

— И что это значит?

— Посмотрим. Иди на всякий случай рядом, мула слева держи. И не болтай.

Сотни через три шагов, в стороне от дороги нашли свежий труп в луже крови. Зимородок подошел, присел, осмотрел внимательно.

Хайме близко подойти решился не сразу, подгибались ноги.

— Кто это? — чуть слышно спросил он, заглядывая через плечо.

— Конкуренты, — пожал плечами Зимородок.

Убитый был не молод, заросший густой черной бородой, жесткая складка на переносице, а глаза слепо уставились в небо. Из горла торчала стрела. Было похоже, что он ехал верхом, когда подстрелили, упал, зацепившись ногой за стремя, и еще какое-то время лошадь волочила его за собой. Одежда порвана, полоса крови тянется почти от дороги.

Его лошадей нашли в стороне, одна со снаряжением, одна под седлом. Нападавшие ничего из вещей не взяли, просто убили и ушли. Может, торопились...

— Как это его? Почему?

— Желающих много, — усмехнулся Зимородок, — а дракон один. На всех не хватит.

— Что, и нас тоже могут?..

Холодный ком шевелился в животе.

— Могут. Но нас потом.

Зимородок смотрел равнодушно, его это, похоже,нисколько не трогало, или он привык? В его-то ремесле... Да, пожалуй, не первый раз он видит такое. Хайме начало отчетливо трясти, все казалось из-за какого-нибудь камня сейчас вылетит стрела. И в горло. Вот так же...

— Почему нас потом? — опомнился вдруг.

— Ну, как тебе сказать... Из тех, кто идет в горы, половина охотится на дракона, а половина на тех, кто охотится на дракона. Вот если мы повезем обратно срубленную башку для отцов — тогда стрелять будут в нас. А пока мы пустые — зачем? Мы им нужны. Кто дракона убивать будет?

Хайме долго стоял, хлопая глазами, не в силах поверить.

— А он?

— Этот из тех, кто охотится на охотников. Я встречался с ним, но, по счастью, ушел. Он был знаток своего дела.

Зимородок поднялся на ноги, потом порывался в своих вещах, достал лопату, и молча принялся копать. Каменистая земля поддавалась с трудом, медленно-медленно, он беззвучно ругался сквозь зубы. Хайме постоял нерешительно, и пошел собирать камни, обложить с краев. Как бы там ни было, но с мертвыми, наверно, надо по-людски...

Возились долго, холмик у могилы вышел небольшой, едва прикрывающий тело, зато крест из сухих палок выглядел на удивление добротно. И даже имя на нем Зимородок аккуратно вырезал ножом.

— Прими, Господи, его душу, — тихо сказал напоследок.

* * *

Дорога скоро уткнулась в обрыв, похоже, раньше тут был мост и сгорел. Судя по всему не так давно. Обутленные доски валялись кругом.

— Это дракон?

— Может, и дракон, может, молния, а может, так кто поджег. Теперь не разберешь.

— И куда дальше.

— Во-он туда. Кругом пойдем, — Зимородок махнул рукой.

Идти оказалось не долго.

Хайме случайно глянул в небо, да так и замер, не решаясь даже вздохнуть.

— Зимородок... — с трудом выдавил он.

— Дракон, — подтвердил тот из-за спины, — у него, похоже, недалеко гнездо. Смотри теперь в оба.

Заночевали в узкой расселине, надежно укрывшись от ненужных глаз.

Хайме удалось заснуть только под утро, когда солнце готовилось вот-вот выпрыгнуть из-за гор. Разбудили далекие звуки.

Вскочил, крутя головой.

— Тихо, — буркнул Зимородок, — вон там, смотри.

Недалеко, за крутым скальным уступом, кружил дракон, словно высматривая что-то. Круг за кругом... Огромные перепончатые крылья, дугой изогнутая шея... Хайме замер, не решаясь вздохнуть.

— Охотники, — сказал Зимородок, — посмотрим, кто кого.

Хайме смотрел с замирающим сердцем, все никак не мог поверить, что это действительно происходит с ним, наяву. Какая же страшная тварь! Как же с ним можно справиться?! И вдруг понял, что ужасно хочет, чтоб победил дракон. Если его убьют, то что же тогда? Что останется им? Вот так посмотреть и вернуться ни с чем?

Зимородок стоял, почти неподвижно, вглядываясь в драконьи маневры.

— А что если они его убьют? — не выдержал Хайме.

Зимородок равнодушно пожал плечами.

— Мы пойдем домой.

— А ты? Как же... — так и не договорил.

— Слушай, Кречет, — Зимородок медленно обернулся, глянул жестко, раздраженно, — заткнулся бы ты. А то не ровен час, пришибу, не хуже дракона. У меня рука тяжелая.

Хайме послушно кивнул и забился в дальний угол, стараясь вести себя как можно тише. Из угла дракона не видно, только кусочек хмурого неба, и можно только догадываться, что там происходит. Все ерзал на месте, вытягивал шею, но высовываться не решался.

Ждать пришлось долго.

— Все, — сказал наконец Зимородок, садясь на землю.

— Что? Кто победил? — встрепенулся Хайме.

— Мы следующие, — подмигнул он.

Аж мороз по коже от таких слов. Хайме вскочил, готовый бежать.

— Идем? Да?

— Нет. Вечером. Если дракон жив, то сейчас он возбужден и зол, подождем, пока успокоится, заснет.

— Если? Ты не знаешь.

Зимородок криво усмехнулся.

— Он ранен и порвано крыло. Я не знаю, кто победил. Но сейчас лучше не лезть, иначе попадем под горячую руку, зверю или охотникам...

Хайме почувствовал, как подкашиваются ноги. Было слишком глупо вот так... Если тем охотникам повезло, то что тогда? Вернуться ни с чем? Нет! Ну просто не могло быть так несправедливо! Зимородку, казалось, все равно. Он зевнул, привалился спиной к стене, закрыл глаза и, кажется, задремал.

Так хотелось спросить, но боязно — вдруг и правда пришибет? Он может. Но и молчать не выходило.

— Зимородок! — позвал неуверенно.

Тот лениво приоткрыл один глаз.

— Зимородок, а что ты будешь делать, если... ну... если...

Язык никак не поворачивался сказать прямо. Зимородок снова закрыл глаз, чуть дернуть подбородком, устало пожал плечами.

— Все то же самое — поеду в Гельт.

— Но ведь тогда... тебя повесят! Тебе нельзя!

— Можно. Все будет как надо.

Больше разговаривать у Зимородка желания не оказалось, слава Богу, и пришибать тоже. Он лег на землю, отвернулся.

— Отдыхай Кречет.

* * *

Кажется, Хайме задремал лишь на мгновение, но когда открыл глаза, понял, что уже глубокая ночь, и Зимородка рядом нет. Вскочил, бросился было искать. Все вещи, мулы и лошади были на месте, это немного успокаивало, значит, где-то рядом.

— Куда?! — тихий голос из-за спины, но такой, что Хайме замер, словно налетев на невидимую стену.

— Сидеть тихо и не высовываться, пока не скажу. Понял? — велел Зимородок, подходя ближе.

— Угу, — Хайме поспешно кивнул.

— Я скоро вернусь.

И исчез в темноте.

4

Утро королевского венатора Иефа ван Фламме как-то не задалось.

Проснулся он в плохом настроении и с головной болью. Тихонько охнул, пытаясь вытянуть ноги. Коленки разгибались с трудом и завидным хрустом, заставляя морщиться. Хотя уж чему там хрустеть? А ведь было время... Да, по утрам, тяжело разгибая скрюченное тело, Иеф неизменно вспоминал былые времена, когда с мечом в руке он несся в бой, прищиприв коня... И снова, похоже к непогоде, ныла старая рана в бедре, когда-то до кости рассеченном сарацинской саблей. Было время!

Впрочем, все это дело обычное, скорее, неизбежный утренний ритуал. Иеф давно привык.

Не задалось по другой причине. И причина эта сейчас разгуливала где-то к северу, по Ветрыным Холмам.

Вчера пришлось выдержать очень неприятную беседу с Дзюдзельским епископом. Под глазом у его преосвященства красовался здоровенный, уже пожелтевший от времени фингал. Опухлость почти спала, но глаз все равно болезненно шурился, сверкая праведным гневом. Епископ весь вечер нервно пил вино, наливая бокал за бокалом, размахивал руками и взывал к правосудию, брызжа слюной и желчью. Иеф сидел напротив, сочувственно кивал, хмурил брови и мелкими глоточками цедил бургундское.

Епископа вполне можно было понять. Еще бы! Его! На глазах у всех! И теперь в столь неподобающем виде появляться перед паствой... Позор невиданный. Так разукрасить святой епископский лик мог только ненормальный. Ульрих, по прозвищу Зимородок.

Иеф все никак не мог взять в толк, каким чудом Зимородку удалось дожить до своих лет. С такими-то талантами! Может, просто на тот свет брать не хотели, опасались. Черти — они тоже не дураки. Уж в том, что после смерти Зимородка ждет адское пекло, венатор не усомнился бы ни на миг. Он всегда ненавидел старого друга лютой ненавистью. С его появлением налаженная и размеренная жизнь неизменно сбивалась с ритма, так и норовя выйти из накатанной колеи и съехать напрямик в кювет. Зимородка вечно тянуло на несусветные глупости, а за ним самим тянулася длинный, истинно королевский шлейф всяческих грехов, начиная с катарской ереси, приверженцем которой, впрочем, он никогда не был, и заканчивая...

Все же, камнем преткновения в отношениях Зимородка со Святой Римской Церковью всегда были люди вроде Якоба. Церковь не признавала «дикую» магию, утверждая, что человек не может творить чудеса сам, а лишь с помощью Господа, поста и молитвы. Или с помощью дьявола, как вариант. Каждый приходской священник, искренне воздев руки к небесам, мог совершить маленькое чудо — превратить воду в вино для таинства евхаристии или зажечь благодатный огонь в канун Пасхи. Папы творили чудеса воистину славные. Бесспорным доказательством богоугодности этих чудес было то, что никому и никогда не удавалось воспользоваться ими в корыстных целях и вне установленного порядка. По крайней мере, так утверждалось, народ верил.

Дикие маги же всегда колдовали по собственному усмотрению, и в силу своих возможностей, когда и что хотели. Церковь в ответ отправляла их на костер едва ли не в младенчестве, как только становился заметен дар. До совершеннолетия доживали немногие, а уж хоть сколько-нибудь заметно развить свои способности удавалось лишь единицам — тем, кто находил способ эти способности скрыть.

Зимородок всеобщего убеждения в бесовской природе диких чудес не разделял, и эти противоречия порой принимали вид рукоприкладства.

От неминуемого возмездия пока спасала та самая папская грамотка, индульгенция, дарованная самим Папой Гонорием в счет грехов прошлых и даже будущих, за особые заслуги. Однажды Зимородок действительно отличился: спас Рим от разрушения, а самого Папу от лютой смерти. Святые отцы наверняка давно проклинали тот день. Теперь отправить Зимородка на тот свет можно было лишь с личного разрешения понтифика.

А вот епископ, кажется, был не против придушить Зимородка немедленно и собственными руками. Он снова и снова отхлебывал из бокала и громко с выражением икал, от чего длинный крючковатый нос его, совсем сизый от выпитого, презрительно дергался.

— Вы должны принять меры! — взывал он.

— Примем, — равнодушно соглашался Иеф.

Меры он безусловно примет, это его долг. Являясь председателем коллегии эшвенов города, он просто не может остаться в стороне. Но тут венатора мучил один вопрос: можно отправить навстречу Зимородку отряд городской стражи, это должно обезопасить от нападения епископских мстителей-головорезов, пусть уж доставят в целости и сохранности. С другой стороны, стража сильно усложнит Зимородку жизнь, если тот соберется по-тихому смыться. Сам Иеф смылся бы, не раздумывая. Зимородок же...

Нет, пожалуй, отправлять не стоит.

Он тяжело вздохнул, стянул с головы ночной колпак и закрыл на минуту глаза. Голова трещала, отдаваясь тупым гуденьем в висках. Кое-как, хватаясь за резную спинку кровати, удалось сесть. Нужно собраться, подумать...

— Как спалось, господин.

Верный старичок Бертран появился в дверях, умело таща с собой разом все, что необходимо — кувшинчик воды, тазик, полотенце и бритвенные принадлежности. Ловко расставил на столике.

Иеф хмуро глянул на него.

— Лестницу починили?

— Так не скрипит же, — развел руками Бертран.

Это тоже был почти ритуал, каждое утро добросовестно отыгрываемый обоими участниками. Вторая ступенька на лестнице неизменно прогибалась и жалобно скрипела под весом королевского венатора, заставляя того, в свою очередь, раздраженно скрипеть зубами. А вот под весом маленького сухонького Бертрана ступенька скрипеть отказывалась, хоть прыгай он на ней. Бертран тоже отказывался вызывать мастера («Вот видите, господин! Видите! Вот я наступаю и ничего! Да вам показалось!»). Врожденная прижимистость никак не могла позволить старичку-слуге так бездарно тратить деньги («Ведь не скрипит же! Ну, видите!»), даже не смотря на то, что уж в средствах Иеф не нуждался никак. Были ли в этом происки сатаны или каких других сил, но история тянулась уже третий год.

— Смотри, если не починят... — Иеф махнул рукой и тяжело вздохнул. Настроения спорить сегодня не было никакого.

Сейчас умыться, побриться, позавтракать.

Только позавтракать, как подобает, Иефу не удалось. Едва взялся за янчницу, как в дверь постучали, Бертран пошел открывать, и скоро от дверей донесся голос Язона Бергеса.

— Мне нужно поговорить с мессиром венатором, Бертран.

— Подождите здесь, господин сейчас занят.

Пусть бы подождал, но Иефу самому не терпелось. Он с тоской бросил последний взгляд на остывающие колбаски и встал из-за стола.

Гость хмуро бродил туда-сюда, то и дело нервно дергая широкий ремень.

— Доброе утро, Бергес.

— Доброе утро, мессир, — он остановился, кивнул коротко, — простите, что слишком рано, но...

— Не рано, — Иеф нетерпеливо махнул рукой, — в самый раз. Пойдем в кабинет.

— Я не надолго, мессир.

И все же послушно пошел наверх. Ступенька скрипнула дважды, Иеф не удержался, злорадно потер руки — пусть только попробует не починить! Не скрипит ему!

— Я вчера был у Якоба, — без предисловий начал гость, как только дверь за спиной закрылась. — Он совсем плох. Думаю, и недели не протянет.

К такому повороту Иеф был не готов, замер на месте, не успев сесть. Что-то нехорошо кольнуло внутри. Предчувствие?

— Якоб? Не протянет и недели?

Верилось с трудом.

На секунду губы Бергеса сжались в тонкую жесткую линию.

— Он уже два дня как слег, почти не приходит в себя... Его ведь пытали, живого места нет... Августо еще говорит — может быть, яд, медленнодействующий... Я не знаю... — Бергес беспомощно развел руками. — Вы же знаете, мессир, ни один чародей, каким бы могущественным он не был, не может вылечить сам себя.

Иеф тяжело опустился в кресло, хмуро принялся тереть подбородок. Что теперь? Найти лекаря? Надежного человека, чтоб не проболтался. Да, безусловно... Эх, стоило ли вообще браться за это дело, если закончится вот так... Кто бы знал... Тяжелые молоточки в висках стучали все настойчивее.

— Нужно предупредить Зимородка. Сказать, чтоб не возвращался.

Бергес кивнул.

— Я сейчас выезжаю.

Он, кажется, хотел сказать что-то еще, но передумал, только шевельнул желваками на скулах.

— До свиданья, мессир.

— Язон! Подожди.

Иеф не мог позволить уйти ему просто так. Чутье, которое ни разу не подводило королевского венатора, ясно говорило, что это еще не все. Неспроста. Бергес слишком взволнован. Вот он замер напряженно... только по лицу не поймешь — человек, давно привыкший вести сложные дела и держать себя в руках. Лицо мало что выражало. Лишь в глазах... раскаянье? Совсем уж ни в какие ворота!

— Присядь, — холодно велел венатор.

Тот секунду колебался, но отнекиваться не стал, уселся в предложенное кресло. Иеф долго думал, с какой стороны бы подступить, разглядывал молча. И в конце-концов решил идти прямо: играть в игры с Бергесом не хотелось, слишком хорошо его знал.

— Рассказывай, что там еще.

Бергес вздохнул, облизал губы.

— Это была ловушка, Иеф, — тихо сказал он, болезненно сморщился. — И Зимородок попался. Я... Прости, я не могу сейчас рассказать всего...

По всему выходило, что Бергеса прижали основательно.

* * *

— Капустки кому?! Вкусная! Хрустящая! Фройлен, фройлен! Подходите, попробуйте! Самая лучшая капуста, на любой вкус. Сладенькая, с морковочкой, кисленькая с клюковкой, остренькая с редичкой! А, фройлен?! Какую вам?

Немилосердно зывали за спиной, фройлен, видимо, заинтересовалась.

— Яблочки моченые!

— Пряники мятные, медовые, печатные!

Иеф уверенно шел через рыночную площадь, размышляя по дороге. Еще было время одуматься и не вмешиваться. Какое ему, собственно, дело? Да и в его ли силах?

Конечно, первым делом послал письмо и увесистый кошелек к знакомому лекарю. Если еще можно чем-то помочь — пусть поможет. Якоба нужно постараться спасти.

Но вот как теперь быть с Зимородком?

Вмешаться официально он не мог — суд безусловно признает Зимородка виновным и приговорит к смерти. Единственный шанс — пытаться упираться на отпущение грехов, как убийце дракона. Но не сработает. Дело слишком серьезно. Других зацепок Иеф не находил. Все, что можно было — давно сделано. Если напирать слишком явно, то разгневанный и неудовлетворенный местью епископ вполне может его самого обвинить в пособничестве дьяволу. И будет прав. В лучшем случае, это будет стоить Иефу должности, в худшем — головы. На такие жертвы королевский венатор пока готов не был.

Черт побери! Да ведь Зимородок вполне осознавал, на что шел, никто не тянул.

Вмешаться неофициально? Что он может?

Лишь слегка подстраховать, в меру сил.

Остановился рядом с одноглазой торговкой вяленой рыбой, повертел в руках связку сухопарых лепщиков, приценился, огляделся, словно невзначай. Все, казалось, за ним следят. Иеф специально пошел чрез рынок, надеясь затеряться в толпе... однако, не питая на этот счет больших надежд. Затерять где-либо его крупную важную фигуру было нелегко. Ладно, пусть следят, главное, поторопиться.

Хвала Господу, дорогу он знал.

* * *

— Да, это я, — она сдержано поклонилась. — Что вам угодно, господин? Плотно сжатые губы, в глазах — вызов.

Так странно сочетаются с ней эти глаза. Невысокая, слегка полная женщина в белом чепце, румяная и аккуратненькая, брови тонкие, белесые, ресницы совсем светлые, едва заметны... А в глазах полыхает суровый огонь. Марта. Уже три года как вдова. У нее здесь лавка с пряностями, под стать хозяйке — такая же чистенькая, уютная, пахнущая мятой и базиликом, устроенная удивительно по-домашнему. Толстый рыжий кот лениво разлежся на столе, свесив лапу... Поглядывает на гостя исподтишка, бдит.

Иеф непроизвольно огляделся — очень хотелось присесть: долгая прогулка через весь город утомила его, болели ноги. Конечно, можно было бы прислать за Мартой, можно было бы приказать привести, но как тогда объяснить? А если бы она отказалась, не поняв? Приказать тащить силой?

— Ты знаешь, кто я?

— Мессир венатор, — она снова склонила голову, еще более сдержанно, тревога мелькнула искрой.

— Мне срочно нужна новая кухарка, Марта, — серьезно сказал он. — Прямо сейчас. Собирайся.

5

Вернулся Зимородок уже к полудню.

Сложно сказать, что он там делал и что нашел, но вид был загадочный и, кажется, довольный.

Первым делом, едва глянув на Хайме, вытащил из своих закромов лепешку и полоску вяленого мяса, принялся копаться дальше, жуя на ходу.

Хайме хотел было поинтересоваться, что там с драконом и что они теперь будут делать, но не решился. Зимородок казался слишком занятым, чтобы его отвлекать. Он достал увесистый сверток, умопомрачительно пахнувший колбасой, развязал, посмотрел там что-то, понюхал и остался доволен, завязал обратно. Отгрыз кусок своего, почти деревянного, сухого мяса. Одел под рубаху короткую кольчугу без рукавов — никаких других доспехов не оказалось. Занялся оружием. Снял с лошади связку из трех копий — два легких, с длинным острым жалом, и одно тяжелое, на мощном древке. Положил рядом. Достал здоровенный арбалет с воротом и небольшой лук. Хайме все ждал, когда появится двуручный рыцарский меч, но меча все не было. Вместо меча Зимородок заткнул за пояс простой, совсем не боевой шербатый топорик и широкое зубило.

— Зачем это? — не выдержал Хайме.

— Надо, — бросил Зимородок через плечо, копаясь в вещах.

— А я?

— Ты будешь сидеть здесь.

— Но как же...

Зимородок вдруг резко выпрямился и едва ли не в два прыжка оказался рядом.

— Ты будешь сидеть здесь, — медленно и очень отчетливо повторил он. — Попробуй только высунуться.

Хайме поспешно кивнул. Даже при своем небольшом росте Зимородок, казалось, нависал над ним, едва ли не хватая за грудки.

— Что бы не случилось, что бы ты не увидел и не услышал, Кречет, сиди тихо. Даже не вздумай ходить за мной, иначе я сам тебя пристрелю, — он внушительно потряс арбалетом. — Если придут люди и захотят увести лошадь — отдавай, на рожон не лезь, мне твои жертвы не нужны. Если через три дня не вернусь — бери все и уходи. Понял?

Хайме смотрел во все глаза. Что же значит, он все равно остался ни с чем? Даже не увидит? Но ведь он мог бы помочь... мог бы...

— Все понял? — грозно рявкнул Зимородок, и желание спорить разом пропало.

— Угу.

— Хорошо.

Он ловко взвалил все вещи на плечо, став похожим на одного из своих навьюченных мулов. И уже собрался было идти.

— Читать умеешь, Кречет? — спросил вдруг. — Там книги в седельной сумке.

* * *

Читать Хайме умел, хоть и с трудом.

Да разве до этого сейчас?

Зимородок ушел на дракона, вооружившись колбасой и зубилом, а Хайме оставалось лишь терпеливо ждать.

Весь день Хайме бродил кругами на маленьком пяточке в своем укрытии, нехорошие мысли не давали покоя. К вечеру устал. Потом сидел обхватив колени руками, смотря в небо, считая звезды — каждый раз сбиваясь и начиная заново. Пока он сидит тут, там Зимородок...

Что можно делать там так долго?

Как можно победить дракона? Топориком зарубить?

Хайме вставал и снова начинал бродить.

Луна круглым белым блином висела в небесах. Светло было, как днем.

Чтобы хоть чем-то заняться, Хайме полез смотреть — что за книги в сумке у Зимородка. Только не разобрать... Книги странные, ничуть не походившие на тяжелые монастырские фолианты, закованные в драгоценный переплет, с их чудесными узорами и строгими рядами аккуратно выведенных букв. Нет. Маленькие, бережно, но без затей обтянутые толстой грубой кожей книжечки. Две исписаны убористыми беглыми письменами, явно одной и той же рукой, а третья... третья совсем странная: письмена в ней чужие, не буквы — причудливые закорючки. Хайме даже испугался, захлопнул, от греха. Потом все же заглянул в одну, и с трудом разбирая при лунном свете, шевеля губами, вглядываясь, складывая в слова, пытался читать.

Потом снова захлопнул и долго сидел в раздумьях. Признаться, за свою жизнь Хайме видел только две книги — массивное Евангелие с серебряными накладками и филигранью, да еще солидный, тяжелый, туго затянутый в темно-синий шелк труд Блаженного Августина. Кстати, Евангелие, под присмотром отца Франциска, он даже читал однажды...

А это... Вальтер фон дер Фогельвейде. Песенки какие-то... Огляделся по сторонам, нет ли кого... как-то не по себе становилось. Еще «Комедия», если верить заголовку, какого-то Данте...

Заглянул осторожно.

И так и просидел до утра, водя пальцем по страницам, пытаясь разоб-
рать. Несколько раз бросал в страхе, уходил. Возвращался. Грыз ногти. Ух,
как там! Страсти какие! Даже о драконе перестал думать.

Читать было тяжело, темно, но интересно, он старался изо всех сил.

И вдруг дикий рев сотряс горы! Хайме аж подпрыгнул, выронил книгу. На миг показалось — это сам сатана из некла явился за ним! Или этот, как его там? Верзилий?

Дракон!

Там же дракон и Зимородок, а он тут... книжки читает...

Что-то сорвалось внутри. Забыв про все запреты, Хайме со всех ног рванул туда, откуда рев. Только бы успеть. А вдруг Зимородка там сейчас... А вдруг, уже загрыз дракон... Только бы успеть! Крылья бы сейчас, чтоб птицей метнуться! Сердце колотилось бешено.

Что будет делать, когда прибежит, Хайме пока не представлял. Успеть бы! Крылья бы...

Бежал, не разбирая дороги. Скорее! Вдруг ноги подвернулись, сразу как-то обе. Хайме с размаху полетел, кувырнулся через голову, больно рассадил лоб о камень. Что случилось? Потер шишку рассеянно... Но когда тут думать, когда такое! Скорей!

* * *

Панорама, вдруг открывшаяся его взору, потрясала.

Совсем недавно тут была битва.

Вон там драконья нора, это над ней тварь кружила вчера. Самого дракона не видно, может, в нору забился? А чего так ревел? Злобно! Страшно! А Зимородок?

Хайме беспомощно озирался по сторонам. Где? Хотел было даже закричать, позвать, но не решился. Вдруг дракон там... Услышит?

Ну где же?

Вглядывался, аж до рези в глазах.

Вон там...

Распластанное тело меж камней, вон там внизу! Сердце екнуло, в животе тревожно заныло.

— Зимородок! — сорвался и поскакал со всех ног, резво перемахивая на ходу через здоровенные камни.

Неужели? В предрассветных сумерках и не разобрать, но тогда Хайме показалось...

— Зимородок!

Добежал. Тяжело упал на колени рядом, сил уже не было. Нет, не он, хвала Господу! Не он... Это, наверно, охотник вчерашний. Надо бы подняться, но ноги не слушаются — столько пробежал! Сердце колотится в самом горле, заставляя дышать судорожно, глотая ртом воздух... Куда он так рванул? Дурак. Без него тут... Уйти надо, подняться. Ноги не слушаются. Подгибаются. Все сидел, пытаюсь отдышаться, тер ладонью лицо, закрыв глаза. Бессонная ночь еще... И тут!

— Кречет, беги!

Хайме разом подбросило, он завертел головой. Где?

Но нет, не Зимородка увидел. На него мощно пер огромный дракон, разверзнув во всю ширь клыкастую пасть. Сейчас как дыхнет пламенем! Сердце остановилось, ноги словно приросли к земле, Хайме понял, что не может и пошевелиться. Надо бежать. Бежать надо, бежать... Вслед за драконом, все приближаясь, неслись отборные ругательства Зимородка. Самого его пока видно не было.

— Беги!

Дракон! К нему!

Что-то метнулось, скользнуло у дракона по боку, у крыла. Копье? Задняя лапа дернулась, словно желая почесаться на ходу, но передумала. Дракону на копье было плевать. Шкуру — не пробить. Совсем рядом. Даже оружия никакого нет. Да что там оружие! И что б он сейчас делал с той рогатиной? — вспомнилось вдруг. Его бы в момент загрызли и рогатиной закусил.

Гневные вопли Зимородка уже, кажется, перекрывали драконий рев.

Еще одно легкое копье — в голову. Дракон неохотно обернулся, желая посмотреть, кто это его.

— Кречет! Черт тебя побери!

Щелкнуло. Хайме подскочил на месте и побежал!словно стрела сорвалась.

Скорей! А то ведь обернется дракон и снова за ним. Не успеет, куда ему!

Но дракон, вроде, передумал его жрать, не гнался больше. Хайме даже не сразу понял.

И еще на бегу успел увидеть Зимородка, который уперев в стремя ногой, крутил арбалетный ворот. Дракон на него. А ведь рядом уже, не успеет. Хотелось крикнуть, но дыхание перехватило. Хотелось ударить, но чем? Голыми руками? Да тварь даже не почешется.

Не успеет!

Зимородок натянул, резко вздернул арбалет и замер.

Почему не стреляет? Почему?! Ну давай! А то будет поздно!

Заорать хотелось, но в горле совсем пересохло, язык не слушается.

Да чего он ждет!

Дракон все ближе, подходит, и, кажется, медленно, словно не взаправду все это, словно сон... Маленькая неподвижная фигурка Зимородка и дракон. Рядом! Сейчас ударит! Ну! Ну же! Давай!!!

Хайме орал что-то, но и сам не слышал, не понимал что.

Дракон встает на дыбы и на мгновение замирает.

И тут же срывается тетива.

Болт. В глаз!

Дракон дико ревет, неистово мечется, Зимородок едва успевает отскочить, когтистая лапа проходит совсем рядом.

Не долго. Тварь с грохотом падает на землю. Сотрясается земля. Огромная туша еще едва дергается... и затихает.

Зимородок стоит, согнувшись, уперевшись в колени руками, и даже изда- лека видно, как тяжело дышит.

Но обошлось.

Все.

Мокрая рубашка липнет к спине, и трясутся руки.

Кажется, кровь у Зимородка: бурое пятно расплывается на боку. Задел- таки дракон. Но, может, ничего, вон — живой же, стоит. Обойдется.

На негнувшихся деревянных ногах Хайме бредет к нему.

Несколько шагов.

Быстрая тень с клекотом метнулась в небо. Дракон! Еще один! Только этот поменьше, но все равно! Летит! Чуть неуклюже дергая порванным крылом. Но летит.

Зимородок смотрит в небо, тяжело разгибается, ковыляет к арбале- ту, поднимает, пытается упереться ногой, но едва не роняет. Еще раз... не успеет. Хайме со всей отчетливостью понимает это. Второй раз взвести арбалет Зимородок не сможет, тень сейчас накроет его. Поздно.

— Беги! — орет он, срывая голос.

Бросается вперед.

И голос срывается на бешеный рев. Пальцы стремительно вытягиваются, выкручивая руки, и ноги как-то подгибаются разом, обе, подбрасывая вверх. Вверх?! И он еще не понимает, что происходит, но тело двигается само, стремительно бросаясь вперед и вверх. Да! Именно так! В небо! Земля оста- ется где-то под ногами и голова идет крутом от наступившей вдруг высоты. Одежда давно треснула по швам, а на спине, больно прорвав кожу, проре- зался гребень. Короткое мгновение паники, несколько судорожных ударов о воздух кожистых крыльев...

Хайме уже ничего не понимал. Он видел только — что впереди враг!

И с ревом бросился на врага.

Главное, успеть!

* * *

На какое-то время Зимородок потерял сознание — боль в разорванном боку скрутила немилосердно. Упал...

Когда снова пришел в себя, второй дракон лежал рядом, меж камней, со свернутой шеей. А в облаках, раскинув крылья, парил виверн.

— Кречет! — улыбка сама выползла на лицо. — Хорошо летаешь!

* * *

— Эй, птенчик, ну-ка поди сюда, — хрипло позвал Зимородок, пытаясь сесть, поманил пальцем.

Совершенно голый, Хайме мялся, топчась с ноги на ногу, соображая, как бы ему сейчас... Одежда вся в клочья, разбросало где-то... Холодно, и пятки босые все исколол...

— Ну-ка поди.

Пришлось слушаться. Зимородок кое-как приподнялся, морщась и опираясь на локти. Выражение его лица не внушало доверия.

— Давай-давай! Ближе. Наклонись.

Ну, что ж еще делать? Помочь ведь надо, рану посмотреть там, перевязать... Подошел, послушно склонился над Зимородком. И тут же короткий резкий удар в челюсть отбросил назад. Губа в кровь, аж брызги.

— Все. Можешь быть свободен, — разрешил Зимородок.

Хайме едва удержался на ногах, обиженно шмыгнул носом, принялся щупать языком зубы — вроде все на месте. Вытер губу и долго ошарашенно разглядывал окровавленные пальцы. Больно-то как!

— А скажи-ка мне, Кречет, какого ж черта ты тут делаешь?

Зимородок состроил зверское лицо, он и правда был зол, но, кажется, не слишком. Крохотные насмешливые огоньки скакали в глазах.

— Я... там... эта... рычал же... я думал...

— Угу! Как ты рычал, я видел, — подтвердил Зимородок. — Сказал же — не высовываться!

Еще говорил — пристрелит. Как пить дать! Не хорошо вышло. Хайме топтался на месте, босыми ногами-то по камням! И стучал зубами... и коленки предательски подрагивали. Холодно и отчаянно стыдно за все, неприятно, страшно. Неправда все это, неправда! Сейчас он проснется... Хайме отчаянно пытался придумать какое-то объяснение. Что он здесь делал? Какого дьявола понесло?

— Я... ну это... ну...

Зубы стучали. Аж до слез.

— Плащ мой возьми, оденься хоть, — сжалился Зимородок, — а то окочеешь еще.

— Ага.

Взял, осторожно косясь — вдруг опять в челюсть? Но обошлось. Натянул, завернулся. От сердца слегка отлегло.

Хоть и с трудом, но удалось собрать куски разорванной одежды, соорудить из них Зимородку повязку на рану, Хайме старался изо всех сил. А ничего, он боялся, что будет хуже: рана глубокая, но, кажется, ничего не задето, полоснуло по ребрам, но кольчуга немного смягчила удар. Хорошая кольчуга.

— Это не от дракона защита, — фыркнул Зимородок. — Если дракон надумает когтями рубануть, то ничего не спасет. Любую кирасу прошибает, в нем весу-то... Видал?! А еще лучше — схватит, поднимет в воздух, да об камни, вниз башкой. Они, твари, это любят. Мне просто повезло. Кольчуга — так, от охотников, скоро слетятся. В ближнем бою с драконом никто не дерется, шансов нет. Никакого честного рыцарского поединка, потому и отдают на откуп таким, как мы...

Не сражаются рыцари с драконами, ведь и правда — не припомнит такого Хайме. Раньше, говорят, пытались. Вот, орден драконоборцев учредили,

а что толку? Завидев рыцаря на коне, дракон разве что со смеху помрет, иначе никак. Ну, или солнечный удар, вдруг, гадину хватит.

Рыцари сражаются с рыцарями, а монахи благословляют всех желающих на избивание драконов. Простым-то людям с драконами биться сподручнее, без коней и двуручных мечей.

— А как же тогда?

Зимородок ухмыльнулся.

— Колбасу видел? — поинтересовался он. — Отравленная. Та здоровая черная драконица сожрала и уже собиралась было издохнуть, даже не летала, по земле ковыляла, и то с трудом, подняться не могла. А тут ты.

Хайме насушился и уставился на свои босые ноги. А тут он. Ага, как раз вовремя.

— А второй, мелкий, ранен, и есть пока не стал. Я думал, его потом из арбалета. Он молодой еще, шкура не до конца отвердела, можно пробить, если знать куда. Взрослого-то только в глаз. Крыло еще у него порвано, летает плохо, да и ослаб... Так что можно было.

Вздохнул, цокнул языком.

Как ни крути, Хайме здорово попутал все планы. Без него бы легко обошлось.

И все же Зимородок был доволен.

— Но зверюга из тебя, Кречет, вышла знатная! Никогда такого не видел.

Как холодной водой окатил. Оборотень. Теперь и к гадалке не ходи. Только сейчас по-настоящему осознал, раньше как-то не верилось, думалось — может, показалось? Не было ничего? Не было... Все чудеса всегда оставались вне пределов повседневной жизни, всегда где-то не здесь и не с ним...

Не было. Зимородок убил дракона. И второго тоже. Он же охотник, он умеет! Вон, дракон его лапой. Но Зимородок его убил, пристрелил из арбалета. Все остальное только показалось.

Об этом пока лучше не думать вовсе.

Не было ничего!

И без того дел хватает. Хвала Господу, есть чем заняться. Когда работы по горло, плохо выходит думать о вечном и о чудесах.

Сейчас нужно срубить драконам головы, чтоб отнести, показать святым отцам. Но так шкуру ни один топор не возьмет, крепкая, зараза. Зимородок объяснил — нужно зубилом поддеть и сковырять чешуйки на шее, по круту. Тогда можно. Хайме аж вспотел весь, пока справился.

Охотники только не давали покоя. Которые на охотников. Простая и реальная опасность, и оттого забыть о них, хоть ненадолго, не выходило. Как вспоминалось — сердце в пятки уходило. Думалось, вот стрелой сейчас! В горло. Насмерть.

— Сразу вряд ли сунутся, — задумчиво сказал Зимородок, — они тебя в небе видели, опасаются.

В небе... Хайме аж передернуло.

Головы зачихнули в припасенные мешки — тяжелые оказались, собаки! Хайме и не ожидал. Хорошо хоть Зимородок смог идти сам, хоть и хромая, опираясь на копые. А то все сразу бы не дотащить.

Но главное — ничего, обошлось! С трудом верилось, что все позади.

6

В зимородковых тюках таились удивительные припасы на все случаи жизни.

Рану ему промыли мерзкой дрянью, из темной прозрачной баночки, и чем-то сверху намазали. Хайме даже интересоваться не стал, а молитвы бормотать постеснялся. Колдовские зелья там? После всего, что случилось, было уже почти все равно. Раз говорит, что надо — значит, надо. Намажем. Но вот рана не понравилась, загноилось слегка, и вообще... Зимородок осмотрел внимательно, хмурия брови, а потом легкомысленно махнул рукой.

— Бывало и хуже.

Может, и бывало...

Позавтракали и отправились в путь, на запад, к перевалу. Зимородок сказал, что возвращаться главной дорогой сейчас слишком рискованно. На этот раз он без разговоров, хоть и с явным усилием, залез на лошадь. Охнул сдавленно. Видать, плохи дела... Хайме шел рядом, но и он бы, пожалуй, не отказался поехать верхом. Все кости ломило, ныли мышцы.

— Как ты, Кречет?

Хайме вздохнул. Ему ли сейчас жаловаться? Плохо, как же еще.

— Это ничего, — усмехнулся Зимородок, — первый раз всегда так. Потом тело привыкнет и легче будет.

— Я больше никогда!

Нет! Никогда! Хайме отчаянно запротестовал. Да разве можно снова такое! Как можно даже говорить об этом!

— Не понравилось? — поинтересовался с усмешкой.

Хайме хотел было воскликнуть в ужасе «нет!», но не смог. Перед глазами вдруг встало высокое безбрежное небо, такое близкое, и ветер, свистящий в ушах, играющий перепонкой крыльев, подхватывающий, поднимающий ввысь, к облакам...

Зажмурился, со всей силы, до рези в глазах, тряхнул головой.

— Нет! Я больше никогда не стану.

Очень понравилось! Но от этого только еще тяжелее.

Не думать об этом! Забыть! Ничего не было! Не было...

— Ладно.

Зимородок покладисто пожал плечами: раз не хочет, то и не надо.

Больше разговаривать не стали. Хайме шел молча, глядя прямо перед собой.

Вдруг накатило и накрыло ощущение неоправимости происходящего. Что теперь с ним будет? Оборотень? Виверн! Да его ж теперь на костер! Что делать? Не говорить никому, постараться, чтоб никто не узнал? Но разве утаишь шило в мешке? Все равно вылезет, так или иначе. Хайме не находил себе места и не мог ни о чем думать. Вся жизнь его рушилась и ничего сделать не выходило... Да лучше бы он помер тогда! Со своей бы рогатиной. Спокойнее бы было. Просто и понятно.

Страшно.

Как же Элиза? Он же не может теперь? Или может? Как возвращаться домой? Бежать? Ну куда ему бежать? Дьявол он во плоти, оборотень, бесовское отродье, чтоб ему пусто было!

Хайме все пытался прислушаться к своим чувствам, и никак не мог понять — отчего же так? Отчего нет раскаянья? Ну ни капельки. Нет, он чувствовал вину перед Зимородком: нужно было сидеть с лошадьми и не соваться, книжки умные читать, как тот велел. Больше пользы было бы! Нужно было. Оплосал... Подвел... Едва на тот свет не отправил! Стыдно, хоть сквозь землю проваливайся.

Но вот вины перед Господом, искреннего раскаянья — не было. Ну что он Господу-то сделал такого?

Ужасно! Страшный грех! — твердил рассудок. Но сердце оставалось спокойно.

В сердце плескалось безбрежное небо.

И это заставляло мучиться еще больше, заставляло рассудок расканваться вдвойне — за себя и за дурное, своевольное сердце.

Оборотень, как и его отец. Хендрик Разящий, Хендрик Волк... Тамплеры знали... Да что же происходит такое в мире? Как это можно понять?

Ни о чем другом думать не выходило.

Что будет теперь с ним?

Ехали все больше по открытым местам, там, где сложно устроить засаду. Пока обходилось.

— Стрелять-то умеешь, охотник?

— Не очень... — Хайме задумался.

— Нет, не умею, — ответил честно.

— Тогда возьми арбалет. Один раз пугнуть хватит, а скорость тебе не нужна, все равно не попадешь.

— А ты думаешь, на нас скоро нападут?

— Не знаю, — Зимородок безразлично пожал плечами, — но если нападут, Кречет, запомни одно: надумаешь снова оборачиваться драконом, учти, что никто тогда не должен уйти живым. Иначе расскажут, и церковь объявит на тебя охоту. Если не хочешь или не можешь убивать, то лучше оставайся человеком. Понял?

— Я никогда...

— Я тебя предупредил. А то вдруг опять крылышки неожиданно прорежутся.

Хайме судорожно кивнул.

— Кречет, это очень серьезно.

Зимородок смотрел на него хмуро, внимательно, словно чего-то ожидая. Лицо усталое, напряженное, белые пальцы вцепились в луку седла — похоже, держится из последних сил. Серьезно, да...

Хотел снова кивнуть, сказать, что он все понял, что впредь будет сначала думать, а потом делать, чтоб не вышло снова... без глупостей... Хорошо еще так обошлось, все живы. Это сейчас ему, кроме зуботычины, ничего не досталось, а ведь могло бы. Ой, могло! И еще как! Мог бы ведь Зимородок и пристрелить сгоряча, как грозился. И был бы прав.

Хотел было пообещать. Зимородок ждал.

— Меня Хайме зовут, — вместо этого сказал он.

Все же ухмылка скользнула, по-доброму так, без всякой иронии.

— А меня Ульрих. Можно Уль.

— Доброго вам дня, уважаемые!

Откуда взялся на дороге тот пегий остроносый всадник, Хайме так и не понял. Не иначе, как из-под земли.

— Их трое, — тихонько шепнул он, — я видел их раньше.

Зимородок кивнул, радушно улыбнулся.

— И тебе доброго дня, Йохан. Как поживаешь? Как здоровье твоё?

— Хорошо, спасибо, не жалуясь.

Он потоптался на месте, словно что-то прикидывая, приглядываясь.

— А Кречет твой хорош! Одобряю! Я-то думал, зачем тебе его с собой тащить... А оно вон как вышло. Хорош Кречет!

Кречета Зимородок обсуждать не стал.

— Это ты Доброго Гудзака пристрелил?

— Я, — пегий, словно извиняясь, развел руками. — У нас с ним были давние счеты. Не обессудь.

— Голову хочешь?

— Хочу, — спокойно согласился тот. — Мне и одной хватит. Большой. А вторую себе оставь, пригодится еще, голова-то.

Ржанул, подмигнул со значением.

— Что предлагаешь? — поинтересовался Зимородок, спокойно, по-деловому.

— Молчание предлагаю. И покой. Самые ценные нынче вещи! Не находишь?

Зимородок прикинул задумчиво.

— А если я Кречета сейчас на тебя натравлю? А? Может, оно вернее выйдет.

Пегий дернулся, но быстро взял себя в руки. Глянул на Хайме, и тот непроизвольно сжался, едва сдержавшись, чтоб не попятиться. Натравит?

Прикажет убить этих, на дороге? Зубами им глотки, что ли, грызть? Не зверь же он... Или зверь? Хайме аж передернуло от таких мыслей.

Пегий размышлял.

— Мои люди успеют пристрелить тебя раньше, Зимородок, — сказал он. — Только зачем нам убивать друг друга? Мы с тобой давно друг друга знаем, всегда решали дела полюбовно. С меня потом мессир венатор шкуру снимет за твоё убийство, охотиться запретит. Хотя церковь, пожалуй, ещё приплатит вдвое. Сложное это дело. Давай решим по-хорошему?

Зимородок сощурился. Кивнул.

— Отдай ему, Кречет.

Хайме хотел было возразить, но понял, что возражать тут нечего.

* * *

Зимородок покачнулся и едва удержался в седле. Осунувшийся, изжелта-бледный, в гроб краше кладут. Ему бы отлежаться сейчас. К ночи началась лихорадка, Зимородок метался в бреду, весь мокрый от пота. Хайме сидел рядом, не отходил, хоть и не знал, чего надо делать, извелся весь. Может, зелье какое? Но самому-то не разобрать.

И ещё, дико было видеть Зимородка вот так — беспомощного. Не верилось.

Что-то ещё случилось.

Хайме и сам не мог понять — что.

Услышал шорох ночью, решил было, что пришли их грабить и убивать. Схватил зимородков топорик, маленький арбалет, полночи просидел вслушиваясь, сжимая в руках на оружие. Если придут — нужно защищать не только себя. Во что бы то ни стало!

Натянутый арбалет в руках. Он попробует, сначала он попробует по-человечески, но если не выйдет — как виверн. Если надо — он сможет! Глотки перегрызет! Страшно становилось — до слез. Только не так! Он не хочет быть зверем, но если надо, если надо — он, конечно, сможет. Должен. Иначе никак. А потом сам, добровольно, пойдет каяться, и пусть делают с ним, что хотят. Потому что он не сможет так жить. Сейчас, может быть, ещё возможно спасти его душу? Один раз, тогда, случайно — это не в счет, это можно забыть. Может быть, даже Господь простит его. Один раз может простить, ведь он не знал, не хотел. Он убил дракона! Но если снова...

Но никто не пришел.

К утру Зимородку полегчало, отпустило. Задышал спокойно и ровно, уснул.

Хайме вдруг понял, что не может больше, что совсем не осталось сил. Как-то все разом навалилось на него. Арбалет со стуком вывалился из рук. «Не придет никто. Сегодня не придет, не придет, не придет, ничего не будет», — как заклинание! Да все равно...

Не нужно больше зверем...

Забился в угол, закрыл лицо руками и вдруг зарыдал. Горько, судорожно вздрагивая, почти беззвучно, только слезы ручьями катились по щекам, крупные. Потом отпустило.

Отдышался, пошел готовить завтрак.

К полудню проснулся Зимородок, сел, выпил едва ли не ведро воды. Даже пытался было залезть на лошадь и двинуться в путь, но Хайме, удивляясь сам себе, не позволил.

— Мы никуда не поедем сегодня. Тебе нужно прийти в себя. Успеем еще.

Зимородок хотел было возразить, но глянул ему в глаза и только улыбнулся. И согласился. Хайме даже не сразу поверил.

* * *

До западной заставы добрались в полдень следующего дня.

Двое долгоязыких стражников азартно играли в кости, аж за версту слышно! Оба молодые, Зимородка видели впервые, как и он их, впрочем. Тем не менее, вежливо поздоровались.

Бумаги проверяли серьезно, с каменным лицом, хоть без особого рвения. К Хайме даже закралась пальная мысль, что читать они не умеют, просто так профессионально пялятся в печати. Потом вдвоем еще долго и недоверчиво разглядывали голову дракона, ковыряя поочередно пальцами чешуйки.

— Хорош, правда! — доверительно поинтересовался Зимородок. — Только маловат. Да и мясо жесткое, в зубах застревает.

Охранники недоверчиво покосились, пошевелили бровями.

— Так это ж, знаете, — неуверенно начал один, — уже ж одного провезли. Утром. Это еще один что ль?

— Ага, — согласился Зимородок. — Тут за нами еще одного везут, вы приготовьтесь. У вас их рассадник просто, словно блохи. Глядите, чтоб больше не завелись, может, они яйца где отложили? Вы б пошли, поищали, а?

Охранник без всякой уверенности почесал живот и махнул рукой. В конце концов, не его дело драконьи яйца искать. Да и головы считать тоже. Да и считать он... Хотя считать, наверно, умеет, уж до двух — точно. Ладно, пусть везут сколько есть, не золото ж.

Вот и разрешение имеется, с печатью. Даже два!

* * *

Язона на условленном месте не оказалось.

— И что теперь?

— Пока здесь подождем, — сказал Зимородок, — дня два. Если не появится — пойдем в город.

Вечер выдался холодный, ветер с дождем пробирал до костей, мурашки под плащом бегали стадами. Хайме сидел, завернувшись все в тот же плащ,

царский, на лисьем меху. Зимородок уже более-менее пришел в себя и сейчас увлеченно мешал в котелке густое аппетитное варево. Эх, хорошо-то как! А то и забудешь, что есть нормальная еда, кроме засохших лепешек и вяленого мяса. Сам Хайме, как ни старался, ничего путного приготовить не мог. То пересолено, то подгорело, то еще что.

Поесть сейчас, да спать. Дальше сегодняшнего вечера загадывать не хотелось. Что с ними будет? Что он будет делать потом? Идти в Гельт? Дракона-то они убили, даже одна голова у них есть — вон, в мешке лежит. Но только... Хайме понимал, что ни за что не решится идти в город за наградой. Тогда придется врать. Не умеет он врать, бесполезно. С его лицом надо говорить только чистую правду. Пусть Зимородок им сказки рассказывает, он наверняка умеет мастерски.

А ведь другую голову раньше их привезут.

Что могло задержать этого Язона.

— Уль, а чего они тебя ищут? — спросил, скорее, лишь бы просто о чем-то спросить.

— Дзюдзельскому епископу в глаз дал.

— Как? — Хайме вздрогнул, не поверил, потрясенно уставился на него.

— А примерно как тебе в челюсть. Вот, держи.

Протянул ему дымящуюся миску. Хайме машинально взял, но есть что-то совсем расхотелось. Он все пытался представить. Как же? Правда ли? Долго молчал, ковыряя в миске ложкой, так не разобрал, что там было. Бобы с луком?

— Но почему? — несмело спросил наконец.

— Да как-то случайно вышло. Чего он мне под руку полез?

Зимородок усмехнулся, но глянув на окончательно ошалевшего Хайме, все-таки сжался.

— Это сложная история, Хайме, — сказал серьезно. — Дело даже не в епископе, это стало лишь последней каплей. Они давно мечтают отправить меня на тот свет, очень я им на нервы действую. А поймать никак не удастся. А тут... Они Якоба хотели сжечь на костре. И я не придумал ничего лучше, как отбить его прямо на площади, когда вели на казнь. Честно говоря, просто раньше не успел, далеко был, как узнал — сразу кинулся. Но пока добрался... Епископу действительно случайно досталось, оказался у меня на пути.

Хайме облизал губы, отчаянно пытаясь понять. Хотел спросить, но мысли все путались.

— А Якоб — чародей-целитель, очень талантливый, — тихо продолжал Зимородок. — Может едва ли не мертвого на ноги поднять, от чего хочешь вылечить, от любой хвори, хоть от чумы, хоть от проказы. Мне сколько раз раны лечил и кости сломанные. Чего только не было. Лучший из всех, кого я видел. Церковники все хотели переманить его на свою сторону, обещали всего: и деньги, и землю, и сан духовный, едва ли не кардинальский, а он нет. Вольный маг. Раньше странствовал по миру, многие его за святого

принимали. Он никогда денег не брал, просил только поесть, да переночевать в тепле. Иные принимали за блаженного. Он правда немного не от мира сего... Якоб Подорожник. Сейчас старый стал, много ходить тяжело. Нельзя таких людей на костер. Даже если бы силы у него никакой не было, не в этом дело. Сердце у него открытое, доброе, всегда всем пытался помочь, чем может. Как бы самому не было тяжело...

Зимородок вздохнул, долго сидел молча, глядя под ноги.

— Уль... — Хайме покачал головой, — и ты думаешь, что если ты принесешь им дракона, тебя простят?

Зимородок поднял глаза и вдруг широко улыбнулся, скаля зубы, словно Хайме рассказал веселую шутку.

— Конечно, нет. Все слишком серьезно. Неужели я похож на дурака, который этого не понимает?

— Но тогда зачем все это? Зачем? Тебе нужно бежать, пока не поздно! Далеко...

— Мне нужно было выгадать время, — сказал Зимородок. — Чтобы Якоб поправился, пришел в себя. Мне нужно, чтоб епископ был уверен, что я сам вернусь к нему в руки. Если бы я просто сбежал, он бы, не найдя удовлетворения в мести мне, легко отыгрался бы на том же Язоне... или Марте. Из-за моей глупости...

Что-то такое мелькнуло в лице, он снова отвернулся. Нелегкий выходил разговор.

— Они убьют тебя.

Покачал головой. И снова ухмыльнулся, но ухмылка на этот раз вышла слегка натужной, не очень-то верилось.

— Сначала мы поедем к Якобу, он поколдует надо мной. Он мастер. Потом в Гельт. Меня, конечно, схватят и потащат казнить. Судить будут светским судом, за разбойничье нападение или назовут это как-то еще, поэтому либо виселица, либо колесование. Главное, чтоб голову не рубили, ее уже на место потом не приставишь. Но голову не должны, я ведь не благородных кровей.

Хайме слушал, и волосы на голове вставали дыбом. Голос у Зимородка ровный, спокойный, и звучит легко, как обычно. Только глаз не видно.

— Все будет выглядеть очень натурально, все будут думать, что я умер... Очень похоже. Якоб уже как-то продельывал такие вещи, правда, не со мной... Но на самом деле я, конечно, не умру и даже ничего не почувствую. Потом меня похоронят. Потом достанут, и Якоб сможет оживить опять. Говорит, главное, чтоб не больше недели прошло, иначе потом сложнее будет. Но это как раз не проблема.

— Боже мой...

Зимородок фыркнул, пожал плечами и принялся за остывшую похлебку.

Язон появился на третий день, ранним утром. Они уже сами двинулись на встречу.

Что-то было в нем не так, даже Хайме заметил. Он несся по дороге, припшпорив коня, только пыль летела столбом. Но оказавшись в нескольких шагах, вдруг притормозил, подъехал медленно, словно неохотно, словно надеясь задержаться еще чуть-чуть, спрыгнул, и выдал не очень убедительную улыбку.

— Как дела, Уль, — и спросил так громко, помахал рукой.

Зимородку это тоже не понравилось.

— Что у тебя? Рассказывай.

Болезненно дернувшись, скрипнув зубами, Язон набрал воздуха в грудь и на одном дыхании выдал:

— Якоб умер. Марту схватили, как ведьму.

Поджал губы. Такие вещи лучше говорить сразу, особенно друзьям.

Зимородок долго-долго молчал. В лице его, кажется, ничего не изменилось, только чуть затвердело, застыло. Хайме все смотрел на него, пытаясь осознать, что же теперь будет. Без Якоба, наверно, теперь возвращаться нельзя? Затея сорвалась? Уезжать? Прятаться? Думать, как спасти его Марту? Что будет делать Зимородок?

— Еще что? — спросил тот, голос даже не узнать, вроде бы спокойный, ровный, как обычно, но аж до костей пробирает.

Язон напрягся, вытянулся весь, беззвучно шевельнул губами. Потом отвернулся.

— Ладно, поехали, — тихо сказал Зимородок, принялся собирать вещи.

* * *

— Слушай! Ты бы видел, какая из нашего Кречета знатная птичка вышла? Крылья футов сорок в размахе, не меньше!

Язон угрюмо молчал, но Зимородок не сдавался.

— Ты бы видел! Как выскочит, ящер крылатый! Я даже сообразить не успел, а там уже клочья в разные стороны летят...

— Угу...

Всю дорогу он пытался развлечь Язона рассказами о драконе, но выходило плохо. Развлекаться Язон никак не хотел.

Ехали все вместе, даже Хайме дали мула, сгрузили все тяжелые вещи, кроме драконьей головы, и припрятали между камней. Хотелось ехать быстрее, но быстрее не выходило — только лошадей загонять. Да и Зимородок еще не вполне поправился, хоть и не подавал вида, держась молодцом. И все равно, стоило немного проскакать рысью, как у него пот выступал на лбу. Тяжело еще, не оправился до конца. Хайме попытался было предложить передохнуть, но Зимородок вдруг неожиданно зло огрызнулся:

— Скоро наотдыхаюсь.

Со всей силы пнул лошадь пятками в бок.

Еле догнали. Больше на эту тему Хайме заикаться не решился. Ком к горлу подступал. Марта у него там... Пока он тут — она там. И Зимородку страшно не хотелось, чтоб она там задерживалась.

Впрочем, Язон из всех сил заверял, что Иеф особенно-то в обиду Марту не даст. Ну, посадят ее под замок. Ну, посадит. Все косился на Зимородка. Куда он торопится? Торопиться Язону совсем не хотелось, оно и понятно. Но и не отговаривал, не пытался даже убедить уехать.

Хайме пытался было отговорить, неумело — ведь поймают, убьют же! Нельзя! Язон с Зимородком промолчали, переглянулись, снова промолчали.

О том, что будет теперь, вслух никто не говорил.

Ехали до глубокой ночи, пока Язон наконец не взвыл, что он сейчас упадет и уснет прямо тут! Да и лошади устали! И какого черта Зимородку не терпится?! Зимородок поворчал что-то, но согласился.

Развели костер, но готовить еду никто не стал, достали, что можно так пожевать. У Хайме и кусок в горло не лез. Зимородок жевал спокойно и обстоятельно, словно ничего в мире его не касалось. Глядя на него, ни за что не подумаешь... Эх, да что говорить. Язон нервно вертел в руках кусок вяленого мяса, кусал рассеянно, то с одной стороны, то с другой, так и не доел, бросил обратно в сумку.

Ночью, кажется, никто не спал. Хайме слышал, как Язон с Зимородком о чем-то тихо говорили, слов не разобрать. А ведь за весь день Язон почти ни слова ни сказал, а тут — словно прорвало, рассказывал что-то, долго...

Задремал Хайме только под утро, и почти сразу разбудили.

— Просыпайся. Мы уезжаем.

Хайме вскочил.

— Тебе лучше не ездить с нами, — сказал Зимородок.

Легко так сказал, даже улыбался по обыкновению, словно это ничего не значило. Но лицо серое, слегка опухшее, мешки под глазами — рана, нервы и бессонная ночь. Не мальчик, поди. Как-то неуместно это казалось. Язон выглядел не лучше.

— Ты возьми свою голову, Хайме, подожди немного, и езжай лучше в город сам, без нас. И там поаккуратней, смотри не ляпни, что ты виверном обернулся. Скажи — убил, а как убил — рассказывать не обязан. У всех свои секреты, у охотников тем более. Про меня — ни слова. Один ходил, один убил. Денег должны дать, ты прямо к Иефу иди. Мула пока оставь себе, потом в городе Язону вернешь. Понял?

Хайме покивал: понял, все понял, со всем согласен. Потом забрался в седло и поехал за ними, след в след, не отставая.

Уже недалеко от города встретили старичка с телегой. Телега — большая, добротная, новая, груженная доверху всяческой снедью. Старичок маленький, сухонький, прихрамывающий на одну ногу. У телеги слетело колесо, и в одиночку никак не выходило поставить.

Остановились, помогли.

Пока Хайме с Язоном возились с телегой, Зимородок развлекал старичка историями про драконов. Показал голову, сколупал даже пару чешуек на память.

— Это внучку моему, внучку... — радовался старик, — то-то ему будет гостинчик! Спасибо, мил человек! Век не забуду!

И то правда, где еще деревенскому мальчишке настоящие драконьи чешуйки достать? Просто сокровище! Гордиться потом будет, другим с важным видом показывать, хранить в тайном месте. Может, и истории Зимородковы пересказывать начнет, со слов деда.

Истории у Зимородка были одна другой чудесней, рассказывал он весело, легко, с вдохновением, уж в чем, в чем, а в драконах он разбирался как никто другой. А тут такой благодарный слушатель. Даже Хайме заслушался, забыв обо всем. Если б Язон не пихнул под ребра, так бы и стоял, раскрыв рот. Потом Зимородок показал следы от драконьих когтей на боку — совсем свежие, едва затянувшиеся. Старичок был в восторге, хоть и запричитал, хватаясь за голову. Ай-ай-ай, мил человек, как же это тебя? Но только ведь где еще такое увидишь? Счастливым день у него сегодня, таких удивительных людей повстречал!

В конце концов починили колесо, поехали дальше.

На развилке все так же висели покойники.

Другие, конечно, не те, что раньше, столько времени прошло. А покойники совсем новенькие. Воронья вокруг полно.

Хайме перекрестился. А Зимородок только выпрямился в седле, словно на параде.

* * *

У ворот ждали.

Первым их заметил Зимородок, еще издалека, сделал знак остановиться. И, как ни в чем не бывало, помахал рукой страже у ворот. Там засуетились, но бежать на встречу пока не стали. Призадумались.

— Ну все, дальше я один.

Спрыгнул с лошади. Снял с пояса сумку и кошель, отдал Язону.

— На. Все равно пропадет.

Тот дернулся было, но взял, кивнул. Руки у него заметно дрожали.

Зимородок хлопнул его по плечу.

— Ну, давай, — легко так сказал, словно на денек-другой отлучиться по делам собирался. — На Золотых Полях встретимся. Надеюсь, не скоро. Береги себя.

Они постояли молча, обнялись. Одного роста, одного возраста, только Язон, пожалуй, раза в полтора шире. Оба в дорожной пыли.

— Слушай, внучку-то как назвать собираетесь?

— Ванесса хотят, а если мальчик, то Кристоф, — на мгновенье по лицу Язона скользнула улыбка, но быстро исчезла. Он отвернулся.

— Хорошее имя, ладно. Хайме, удачи тебе.

— И тебе...

Зимородок фыркнул насмешливо, повернулся и зашагал к воротам.

Стражники ждали его. Еще немного помялись, соображая, но на полдороги спохватились, побежали выполнять свой долг. Налетели разом, скрутили руки за спиной, Зимородок даже и не думал сопротивляться. Повалили на землю, принялись бить ногами. С чувством так...

Язон смотрел. Неподвижно. Закаменев, вытянувшись, словно пес, учувший зверя. Нечеловеческое у него было лицо, нехорошее, страшно смотреть. Кажется, даже дышать перестал. Когда Зимородка подняли-таки и уволокли за ворота, Язон резко выдохнул, ударил вдруг со всей силы кулаком по бедру, крутанулся, едва не пнул ногой лошадь... Долго, громко и очень выразительно ругался такими словами, что Хайме аж покраснел до самых ушей.

Потом устал, сел на землю, закрыв руками лицо.

Хайме стало как-то неловко. Что он тут... Что может сделать? Помочь нечем. Только мешать.

— Ну, я это... Я пойду? — спросил несмело.

Язон посмотрел на него, тяжело сглотнул, в глазах сверкнули слезы.

— Иди, Кречет.

7

Уйти? Совсем? И попробовать забыть?

Пойти, отнести голову в Гельт и потребовать награду?

Хайме шел, взвалив на спину мешок, сам не зная куда.

Забыть он не сможет. Все, что случилось с ним в последние несколько дней, отрезало путь назад. Жить, как раньше, не выйдет. Пойти в Гельт он не решится тоже, хотя бы потому, что для этого придется врать. Он не умеет врать.

Не умеет... С тоской все смотрел в небо — высокое, синее, птицы летают, раскинув крылья. Смотрел и пугался самого себя — нельзя. Нечего ему на небо теперь смотреть. Искушение велико, нельзя поддаваться, иначе душу уже не спасти. До дрожи, до липкого пота на спине. Нельзя!

Как ему теперь?

Сорваться, все бросить! Взмахнуть крыльями и...

Упрямо смотрел под ноги, в дорожную грязь.

Ужасно хотелось поговорить, хоть с кем-нибудь, рассказать, поделиться, спросить совета. Но только с кем? Кто у него есть? Тетка Каталина? Да как ей скажешь? Она тут же взвояет, потащит его в церковь каяться. Хорошо представлялось лицо старичка Франциска, перепуганное насмерть. Хорошо виделось, как тот отшатнется, попятится, беспрестанно осеняя бесовскую тварь крестным знаменiem, словно надеясь, что та спинет вот-вот, словно морок. Или тетка не потащит? Кто знает? Нет, наверно, в церковь не потащит, велит прятаться. В подвал. И сидеть там всю жизнь, опасаясь, что придут святые братья и отправят на костер. Мисочки с кашей ему приносить будет. Может, и так. Но вот взвояет — это точно.

А друзей у него толком нет, всегда был нелюдим. Брат в поход уехал. Кому расскажешь?

Элиза? Милая, славная Элиза, она, конечно, поймет, выслушает и пожалеет. До ее дома отсюда два дня пути.

Все шел...

Яблони у дороги — все в цвету. Беленькие. Даже розовенькие, кое-где.

* * *

Шаги в коридоре, скрип ключа в замке, глухой лязг.

— Эй! К тебе пришли!

Кое-как Зимородку удалось сесть, все тело болело и звенела голова. Солома под ним хрустнула — хорошая, сухая, свежая солома, не пожалели...

В дверях стояли двое.

— Марта! — Зимородок тихо, сквозь зубы, застонал. — Что ты здесь делаешь?!

Хотел было вскочить, но не вышло, нога подвернулась, едва не упал. Гулко лязгнули кандалы. Темные круги поплыли перед глазами. Сел, раздумав вскакивать. Вместо Марты ответил Иеф.

— Мы просто зашли к тебе, Уль. Марту отпустили домой. Все нормально.

Голос неприятно дребезжал. Марта стояла, вцепившись в локоть королевского венатора, на ее бледном, строгом и ужасно собранном лице, нелепо выделяется распухший красный нос. Глаза сухие, губы сжаты плотно. Держится, изо всех сил.

— Уль, Боже мой... — слов почти не слышно, но легко догадаться и так.

— Ничего, Марта, все будет хорошо.

Он попытался улыбнуться, правда, вышло не очень, даже страшно, пожалуй. Язык ворочался с трудом, челюсть болела, и губа разбита — это еще стража у ворот постаралась. Шикарная, должно быть, у него улыбка.

А у Иефа здоровенная, подсохшая уже, ссадина на скуле, и чуть-чуть на лбу.

— Кто это тебя так приложил?

— С лестницы упал, — буркнул тот, — ступенька подломилась. Сколько я им говорил, что починить надо.

Почти правдоподобно вышло, только чуть-чуть фальшиво. Конечно, ступенька, что ж еще. Марта вздрогнула, рассеянно глянула на Иефа.

— Мессир венатор храбро дрался, — зачем-то сказала она. — Но их было слишком много.

Иеф раздраженно скривился, ему было неудобно, неловко за свою беспомощность. Не по чину. Такие, как он, должны не кулаками махать, а решать дела иначе. Иначе не вышло. Иеф, конечно, сделал все, что мог.

— Прости, Уль...

Зимородок кивнул: он все прекрасно понимает. Он сам, по собственному желанию, влез в это дело, не рассчитывая, что все сразу кинутся ему помогать.

— Уль, неужели это того стоило, а? — в голосе королевского венатора отчетливо шуршит тоска. — Ведь и Якоба ты не спас.

— А что я должен был сделать? Отойти в сторону и смотреть?

— Да лучше было бы отойти! Куда разумней!

Зимородок усмехнулся. Поступать разумно — не его сильная сторона. Иеф и сам все прекрасно знает. Разумно не выходило.

С трудом, хватаясь за стены, удалось встать.

— Марта...

Венатор хмуро глянул на него.

— Если хочешь, я вас оставлю ненадолго. Поговорите.

Тихо вышел в коридор.

Марта подошла, медленно, осторожно, словно боясь расплескать накопившие внутри слезы. Дотронулась до руки, тихонько, кончиками пальцев. Белые губы дрожали. Густо замазанный грязью и засохшей кровью, Зимородок выглядел сейчас так, что трогать его было страшно, того и гляди развалится, живого места нет. Марта легонько погладила по плечу. Несмело, словно хотелось обнять, но не решалась. Шептала что-то, почти беззвучно.

Он взял ее за плечи, притянул к себе, прижал. Крепко прижал, со всей силы. Она дернулась было, но поддалась. Все тело напряжено, неподвижно, словно каменное, только спина мелко-мелко вздрагивает.

В боку резануло острой болью. Ничего. Все равно. Сейчас это уже не имеет значения. Другое имеет...

Холодный лоб ткнулся в его подбородок.

— Ну что ты, милая...

Целовать ее получилось плохо — губы разбиты, не слушаются, не шевелятся.

— Все будет хорошо. Ну что ты...

Зачем говорить ей это? Кто бы знал? Но иначе не выходило. Самому хотелось выть и скулить от страха.

— Все будет хорошо, Марта... Я люблю тебя... Очень... Марта...

Она вздрогнула и на вздохе замерла, вдруг громко всхлипнув. Хлынули слезы, прорвавшись наружу. И тело обмякло, став наконец настоящим, живым. Она обняла судорожно, прижалась, уткнувшись носом в его шею и рыдая захлеб.

— Все хорошо, милая, все хорошо...

Он шептал ей, целовал ее, обнимая, глядя по спине, по волосам...

— Все хорошо...

* * *

— Это еще что?

Иеф смотрел на стоящего перед ним парня с мешком в руках. Парень подловил его прямо на улице и упорно чего-то хотел, суя мешок под нос.

— Тут голова дракона.

— Какого еще дракона? Мне уже одну принесли.

Меньше всего сейчас хотелось с этим разбираться. Иеф едва сдерживался, чтоб не послать парня куда подальше, и без него хватало забот.

— Он убил дракона.

— Приходи в ратушу, там все запишут и оформят.

Иеф повернулся спиной. На улице было многолюдно, на них оборачивались. Все это ужасно злило. Кто убил? Впрочем, какая разница, пусть идет, тащит. Там разберутся.

— Подождите! — парень не отставал. — Как Зимородок? Я могу чем-то помочь?

Иеф крутанулся на месте, уставился на парня. Причем тут Зимородок? Парень выглядел скорее испуганным. Может, показалось?

— Что?

— Это Зимородок убил дракона! Вот! — парень настойчиво пихал вена-тору мешок. — Ему полагается отпущение грехов и все такое...

Иеф выругался про себя. Этого еще не хватало.

— У меня высочайшее предписание, — запищел он сквозь зубы, — вешать без суда любого, кто пожелает оказать Зимородку помощь. На первом же суку. Ты что-то хотел?

Высочайшее предписание, с печатью Ватикана, лежало у Иефа на столе — колесовать. А всех, кто попытается помешать приведению приговора в исполнение, — карать безжалостно. Как врагов Святой Церкви, действующих по наущению дьявола. Вручая документ, епископ ликовал, весьма недвусмысленно намекая, что если Иеф скажет хоть слово против, его покарают тоже. Здесь четко написано. Но ведь мессир королевский вена-тор не будет мешать правосудию, даже наоборот, всячески будет оказывать содействие? Ведь так? Иефу страшно хотелось плюнуть епископу в глаз, тот самый, уже пострадавший. Но он сдержался. Толку не будет.

— Вот! Посмотрите!

— Да что ты мне суешь! — нервы все-таки начали сдавать. — Какая, к чертям, разница! Кто там кого убил. После смерти ему простят. А ты — пошел отсюда!

— Но...

— Пошел!

Последнее Иеф гаркнул так громко, что люди вокруг шархнулись в стороны. Впечатляюще вышло. Вот таким голосом он когда-то орал приказы в бою, перекрывая грохот и лязг. Парень дрогнул, но устоял.

— Но как же...

Иеф плюнул, повернулся и пошел прочь. Парень, кажется, за ним, неуверенно, отставая на несколько шагов.

Ладно, сейчас домой.

— Хозяин не может сейчас принять. Пожалуйста, уходите.

— Мне очень нужно поговорить с мессиром вена-тором.

— Сейчас это невозможно. Приходите завтра.

Доблестно и крайне вежливо, как всегда, старичок-Бертран прикрывал собой дверь.

Что интересно, парень долго топтался на улице, бродил туда-сюда, не решаясь постучать. Решился. И вот теперь отступать не собирался.

— Мне нужно поговорить с мессиром венатором! — настаивал он.

Иеф наконец не выдержал.

— Бертран,пусти его! Пусть войдет.

Гостя проводили наверх, в кабинет. Ступенька жалобно скрипнула.

Парень замер в дверях, неуверенно переминаясь с ноги на ногу, чуть оттопыренные уши его возбужденно горели.

— Ну, проходи, садись. Рассказывай, что там у тебя?

— Вот!

Парень рывком достал из мешка здоровенную голову, положил ее на стол. Иеф брезгливо поморщился — голова была не первой свежести и изрядно воняла.

— Рассказывай.

Он начал рассказывать — как на него напали бандиты, и как Зимородок его спас, как поехали потом вместе в горы. А драконов оказалось два, обоих Зимородок убил.

— И как убил?

— Я не видел, я ждал с лошадьми, как он мне велел.

— Хорошо, — Иеф устало вздохнул. — Но только это уже не важно. Зимородку это не поможет. Ты можешь пойти, сдать голову и получить деньги. Ты ведь записывался как охотник.

Парень, сердито сопя, стоял перед ним, соображая, как ему быть. Уйти? Ведь не уйдет же просто так! Голова лежала на столе...

— Подожди...

Иеф случайно заметил и так и ахнул.

На шее, за скулой, у драконьей головы сорвано несколько чешуек, у соседних такой вид, словно их пытались разгрызть. Точно! Следы зубов. Сбоку, так сразу и не заметно... Мало ли, что за следы на мертвой голове, всем же ясно, что был бой, может быть, копьём или мечем. И все же он был уверен...

— Что это?

Парень непонимающе уставился на голову. Как же там его? Кречет? Хайме? Хайме ван Мэйген, сын Хендрика? Вот же! Черт бы его побрал!

— Вот, — Иеф ткнул пальцем. — Ты его загрыз?

Парень ошалело дернулся, сглотнул, замотал головой.

— Та-ак. Хайме, да? Ну-ка садись!

Побледнел весь, подобрался, но спорить не стал. Сел. В глазах горел неподдельный ужас.

— Рассказывай.

Сначала было замотал головой, но куда уж теперь? Не отвертись. Снова начал рассказывать — нервно, сбивчиво, прыгая с одного на другое и запинаясь.

— Я... оборотень, — собрался наконец с духом. — Оборотень. Понимаете? Виверн. Я не хотел. Я раньше не знал, и только...

Иеф был готов застонать и схватиться за голову. Но что толку.

А парень, кажется, еще чуть-чуть и разрыдается тут. Наверно, правда первый раз, не знал, а тут свалилось такое. Вполне можно понять.

— Кто-нибудь еще видел, как ты оборачиваешься?

Парень отчаянно замотал головой.

— Только Зимородок... И еще Язон знает... И еще... — он вдруг вытянулся, мучительно напрягся, — еще какой-то Йохан, охотник, остроносый такой.

Иеф тяжело вздохнул. Вот только этого еще не хватало — оборотней прикрывать. Мало, что ль, ему Зимородка? Ладно, Йохана этого он знает, найдет управу, заставит пока молчать, это вполне в его силах. Но если узнает кто-то еще...

— Так, Хайме, знаешь что, сиди тут. Из дома ни ногой. Понял? Никому больше не рассказывай. Дай мне подумать.

Иеф поднялся на ноги и принялся бродить туда-сюда по комнате. Что тут придумаешь. Парня бы никуда из дома не выпускать. Вон, стоит, ждет высочайшего решения. Как ни крути, мессир венатор, но ловить таких вот птичек, твоя прямая обязанность. Вот он — дракон, перед тобой.

— Теперь меня отправят на костер? — в голосе обреченность и покорность судьбе. Кажется, прикажи на костер — пойдет. Сам. Покорно.

Иеф вздохнул.

— Иди пока на кухню, там тебя накормят.

* * *

Ночью Иефа разбудили голоса и стук в дверь, а ведь только-только задремал.

Шаркающие шаги Бертрана.

— Кто там? — донеслось снизу.

— Это Язон Бергес, Бертран. Мне нужно войти. Мне срочно нужен Иеф.

— Сейчас ночь, господин спит...

Иеф принялся шарить в темноте, надо бы одеться.

Там что-то еще говорили, и слуга наконец сдался, дверь открылась. Послышался топот, кажется, Бергес пришел не один. Что за черт!

— Что случилось?

Бергес привел всю свою семью. Жена, двое взрослых сыновей и дочери, даже Мари с огромным крутым животом, испуганно держится за мужа. И их сюда? Бергес что-то задумал и боится теперь. Только неужели он все-раз думает, что Иеф может их защитить? Да с какой стати он должен

рисковать всем, и своей жизнью? Ему уже недвусмысленно намекали, что времена нынче беспокойные, бандитов на улицах полно, могут невзначай пырнуть под ребра, или дом от свечи загорится. Ищи потом виноватых. Не лезь в это дело, сэр Иеф, мессир королевский венатор, целее будешь. Кто тебе этот Зимородок? Бродяга и оборванец. За едва ли не тридцать лет, что ты его знаешь, — одни неприятности.

И Бергеса прогнать.

Бергес уже бежит по лестнице. Лицо напряжено, серьезно.

— Слушай, Иеф, я оставляю их у тебя? Ненадолго. Мне тут нужно отлучиться по делам, а одних их оставлять не хочу. Ну, ты понимаешь...

Иеф тяжело вздохнул.

— Ладно, оставляй, присмотрю. Ты хоть куда?

Замотал головой. Ничего сейчас не скажет.

— Удачи.

Тот кивнул.

* * *

На утро назначена казнь.

Иефу полагалось присутствовать, как главе городского совета. Обязанности у него, служебный долг. Уже приготовили удобные места. Смотреть на это не хотелось, но выбора нет.

Уснуть так и не удалось. В доме бегали, сушили, устраивались, таскали какие-то вещи, что-то обсуждали. Гертруда, жена Бергеса, сидела на кухне и тихо плакала, на все вопросы только качала головой. Ладно, это потом.

На улице было прохладно и ветрено, хорошо хоть чулки шерстяные одел: ноги нужно держать в тепле. Господи! О чем он думает только.

Народ уже собрался на площади, ждали лишь его.

Зимородка тоже привели. Он стоял на помосте спокойно, прямо, расправив плечи, без всякого выражения глядя куда-то в толпу. Чего хочет там усмотреть? Марта не придет. Вчера Зимородок взял с нее слово, что останется дома. Останется, конечно, послушается. Зимородку так будет проще, а ей... кто знает.

Подумалось, что было бы куда уместнее выбрать более быстрый и надежный способ казни, учитывая все обстоятельства. Впрочем, если там знают о смерти Якоба, то, пожалуй, не беспокоятся. Не сорвется. Хотят теперь отыграться всласть.

Ноги сегодня особенно ныли, к непогоде что ли? И поясница. Не разгибалась почти. С трудом забрался на помост. Ступеньки жалобно скрипнули под его весом, с надрывом — как же надоел этот звук! Вытер вспотевший лоб. Отдышался...

...и сердце неприятно покалывало.

Епископ ухмылялся, разве что руки от радости не потирал, и в полголоса живенько обсуждал что-то с приором. Де ла Гарди помахал Иефу рукой,

предлагая подойти, но он сделал вид, что не заметил — нет уж, мы люди старые, больные, ножки у нас не ходят. Пусть сам тащится, если приспичило. А ведь это один из людей приора недавно съездил венатору табуреткой по лицу. До сих пор болит.

На Зимородка Иеф старался не смотреть.

Откашлялся, взял бумагу, поставленным звучным голосом зачитал приговор, дал отмашку палачу. Толпа загудела в предвкушении.

Иеф отошел в сторону, тяжело опустился на приготовленный стул, на минуту закрыл глаза.

Больше всего боялся слушать, как Зимородок станет кричать. Крики пытуемых никогда не получалось слушать равнодушно, Иеф считал это своей слабостью, но поделать ничего не мог. А уж сейчас... Зимородок не кричал. Совсем. Ни единого звука. Даже толпа затаила дыхание, прислушиваясь. Отчетливо слышно было лишь глухой, чавкающий звук удара, сухой хруст ломающейся кости и тяжелое сопенье палача. От удара, привязанное к доскам тело слабо дергалось. Сначала ломали руки в нескольких местах, потом ноги, потом ребра и хребет. Подумалось, Зимородок потерял сознание. Нет, не потерял. Вон, челюсти сведены до предела, закаменели, только ноздри заметно вздрагивают и иногда дергается кадык. Лоб блестит, мокрый от пота. Удивительно ясный взгляд, поверх головы палача, куда-то на крыши домов.

Боже милосердный...

Когда подошел епископ, склонился над Зимородком, желая что-то сказать, тот плюнул ему в рожу. Смачно. Кровью. Иеф не удержался от злобного нервного смеха.

Потом изломанное тело подняли, подвесили к колесу лицом вверх. Пусть так и встретит смерть, смотря в небо.

Дождик начинал накрапывать.

Почему-то подумалось, что если бы затея с Якобом удалась, то Зимородок сейчас бы не молчал, а вопил благим матом, старательно изображая страдания. И не чувствовал бы, конечно, ничего. Потом через пару дней бы умыкнули его, под видом похоронной процессии, и на следующий день — хоть опять за драконами по полям бегай. Якоб — он может. И все равно, только ненормальный мог на такое решиться.

Сейчас все ваправду.

Капли дождя стекали по шее и лезли за шиворот, заставляя ежиться.

Все.

На сегодня закончено. Иеф поднялся с трудом, ноги затекли, не слушались и кружилась голова. Можно идти.

* * *

Дома шумно и непривычно многолюдно. Как не кстати сейчас...

Хотелось побыть одному и в тишине. Буркнув что-то неразборчивое,

Иеф ушел наверх, в кабинет, от завтрака отказался, только попросил горячего вина.

8

Следующим вечером в дом буквально вломился Бергес. Едва не снес старичка Бертрана на пути, поскакал через три ступеньки наверх. Взмокший весь, запыхавшийся.

— Иеф! — орал он еще с лестницы.

От такого начала королевского венатора слегка передернуло — даже страшно представить, что у него там.

— Да? — он вышел было на встречу, но Бергес схватил его за локоть и втащил в кабинет. Поговорить наедине.

— Слушай, как Зимородок? Он еще жив?

Черт! Иеф мысленно выругался — ну и вопросы!

— Не знаю. Судя по тому, что тело еще не сняли, наверное, да. Там охраны — толпа, не подойдешь. Строго блюдут, собаки. Боятся очередного подвоха. Хотя уж чего бы проще, на самом-то деле — заколоть и сжечь тело. Ан нет... Мертвого ни один колдун не воскресит.

Говорить все это было неприятно.

Бергес слушал в пол-уха, схватившись за стенку, стараясь отдышаться. Набегался? С непривычки-то. Вытер лоб тыльной стороной ладони, глянул на венатора.

— Якоб жив, — варут выдал хрипло.

— Что?!

Иефа аж подбросило на месте, а Бергес в ответ скрипнул зубами.

— Якоб жив... — повторил он. — Плох, правда, старик, и очень слаб, но вроде пошел на поправку. Что-то да сможет... Не в полную силу, конечно... Но...

— Да какого ж черта тогда?! — Иефу показалось, что он кричит, но вышло почти шепотом, тихо. Змеей зашипел.

— Я раньше не мог, — лицо Бергеса совсем багровое от напряжения. — Поверь, Иеф, я не мог ничего сделать. Мне велели привести Зимородка в Гельт, и чтоб... Ну, ты же понимаешь, чтоб никаких магических штучек... Ну, как я иначе... У меня семья...

Оправдываться он не умел, да и разве оправданиями теперь поможешь?

Иеф бродил по кабинету, от стены к стене. Бергес сидел на краешке табуретки, словно готовясь сорваться в любую минуту, снова побежать.

— Я Зимородку все рассказал, — тихо сказал он. — И про Якоба, и вообще...

Иеф зло глянул на него.

— И как, полегчало? Совесть теперь чиста?

Бергес шумно сглотнул, уставился в пол.

— Зимородок дурак, — сказал Иеф. — Нельзя было...

Что бы он на его месте? Иеф и сам не знал. Что теперь? Не знал тоже.

— Слушай, Язон, нужно как-то вытащить у них Зимородка... Может, еще можно...

— Там охраны, небось...

— Я могу!

В дверях стоял Хайме.

— Кречет? Что ты здесь?..

— Признаться пришел, — буркнул Иеф, — голову притащил. Хочу, говорит, помочь.

И вдруг ухмыльнулся — вышло нервно и зло.

— Вот пусть помогает!

Из дома венатора он вышел с черного хода. Осторожно, стараясь не привлекать внимания, пошел, потом все быстрее...

Тогда еще, на пороге, Иеф остановил его.

— Вытащишь его, Хайме, я тебе коня, доспехи и все снаряжение дам! Рекомендательные письма напишу! Возьмут тебя оруженосцем. Понял?

Хайме отчаянно замотал головой.

— Мне не нужно ничего!

До коня ли сейчас? Он уже бежал, продираясь сквозь толпу, почти не замечая ничего на своем пути. Быстрее! Вот уже почти! Господи, только бы успеть, только бы все получилось, Господи! пожалуйста, помоги! Пожалуйста, Господи!

И все равно было, что Господа нельзя просить о таких вещах. Он всего лишь хотел спасти, а что потом будет с ним, не важно сейчас.

Обернуться виверном и спасти Зимородка. Во что бы то ни стало! Сердце колотилось словно бешеное, так же, как там, в горах, той ночью. Он сможет! Если будет нужно, обернется виверном и перегрызет глотки им всем! Сожрет живьем и не подавится. Что угодно сделает. Плевать ему, что будет потом. Потом можно и на костер. Да сколько угодно!

Да! если сейчас потребуется — перегрызет глотки им всем! Зубами. Он уже зверь, как и его отец — Хендрик Волк, герой, храбрый рыцарь, погибший на Святой земле.

Он сделает это.

Волчья шерсть дыбом вставала на загривке. Виверн, сын Волка. Черный Кречет.

Пусть его душе вечно гореть в аду. Пусть! Если он отступится сейчас — душе гореть втройне! И пусть святые отцы с поднебесных витражей взирают с презрением и гневом на него.

Не важно!

Не страшно! Это его сила, его дар, его судьба! Бессмысленно прятаться от этого — от самого себя не уйти. Нет, не страшно вновь становиться виверном, страшно — не успеть. Страшно, что он не сможет вдруг, не получится. Что опоздает!

Он бежал, задыхаясь, не чувствуя под собой ног. За город, за пределы стен.

Иеф строго наказал: никто не должен видеть, как он оборачивается. Пусть думают, что дракон прилетел со стороны гор.

Скорее!

Может, и не было необходимости так бежать, но иначе он не мог.

Только бы получилось, Господи! Прости... или не прощай... все равно... это его выбор!

За ворота, в поле. Оставшись наконец один, оглянувшись, Хайме отчаянно подпрыгнул в воздух. Не очень еще понимая как это происходит, и что нужно делать... Вдруг воздух перехватило в груди: а если не выйдет, не получится? В тот раз вышло случайно, помимо воли. Само. Как сделать это самому? Сможет! Должен! Один раз вышло! Вот сейчас...

Но тело само знало, как надо. Крылья резко и широко расправились, делая взмах. И небо само рванулось к нему навстречу безбрежной синевой. Дикий рев вырвался из глотки. Небо! Высокое небо! Хайме кричал, дурея от счастья. Он летит! Господи! Он летит! Ветер свистит, трепля кожистую перепонку крыльев, подхватывая, унося ввысь.

Полетать бы так, вволю!

Облака — можно потрогать рукой...

Полетает еще. Больше не страшно. Сейчас — главное успеть!

Когда под ним показалась колокольня собора Святого Петра, начал снижаться. Люди бежали под ним, кричали, суетились, разбегались кто куда, захлопывали окна. Только на улице уже появилась вооруженная арбалетами городская стража. Убьют...

Стрела свистнула совсем рядом, еще одна! Третья пробила крыло. Хайме взвыл от страха и боли, крыло задержалось. Но пока ничего, слушается...

Потом. Сейчас главное успеть! Главное, чтоб получилось.

Вон там Зимородок.

* * *

— Унес!

Снова запыхавшийся Бергес появился на пороге.

— Унес. Как лететь — я ему объяснил.

Иеф шумно, с облегчением, вздохнул.

— Хорошо. Язон, слушай, я сейчас уйду, дракон в городе, паника, нужно его ловить, наводить порядок. Сейчас созовут городской совет, я должен быть там. Так что... Оружие у тебя есть?

— Есть, — он коротко кивнул, — мы принесли.

— Хорошо. Если понадобится еще, спроси у Бертрана, он покажет. Думаю, к вам сегодня придут. Заприте все двери, окна, и смотрите в оба, боюсь, как бы дом не подожгли. Если что — уходите, не вздумайте из дома что-то выносить-спасать, главное, сами. Парни твои как?

— Парни крепкие, едва ли не с младенчества со мной в море ходили, и бури и пираты, чего только не насмотрелись. Да и зять тоже. На них положиться можно.

— Хорошо. Я еще вам солдат пришлю. Много не смогу, сейчас в городе, сам понимаешь, что творится. Но троих-четверых, вам не помешает, — венатор задумался, потер подбородок. — Отто Носатого пришлю, ты его знаешь, и троих с ним. Никому больше двери не открывать. Понял?

— Да понял, не маленький.

С улицы доносился шум, суета, где-то рядом колотили в двери, что-то орали. Пока не к ним.

На лестнице бледная, как полотно, Гертруда. Замерла, увидев Иефа.

— Вы уходите, мессир?

— Да. Мне надо идти. Я пришлю вам солдат в охрану.

Гертруда бледнеет еще больше, хотя, кажется, это уже невозможно.

— У Мари начались схватки, мессир...

Очень вовремя, ничего не скажешь! Теперь не уйдешь отсюда, что бы не случилось.

Чертов Зимородок! Провалиться б ему в ад!

Ничего, отобьются. Должны, как же иначе.

Выдохнул, утер ладонью лицо. Ничего... Обойдется. Как-нибудь...

В том, что придется драться, Иеф не сомневался. Вот так, это не сойдет с рук. Епископу, конечно, не в чем его обвинить официально — дракон унес. Но пропажу Зимородка он не простит, найдет виновных. Вряд ли уж сильно-то сомневается. И воспользовавшись беспорядками, подошлет своих головорезов.

Гертруда молча заламывает руки.

— Идите к дочери, не волнуйтесь. Если что надо — спросите Бертрана, он подскажет, где взять.

Пусть. У нее сейчас свои заботы.

Бегрес вытаскивает из чехла арбалет. Готов драться. Сыновья стоят рядом.

Справятся. Язону, конечно, до Зимородка далеко (и слава Богу!), но ведь и он когда-то... было дело! Наемник, брабантский арбалетчик, побывавший на Святой земле, и ни разу рука не дрогнула. Да и у купца жизнь не спокойная, отправляясь с товаром в далекие земли, каких только опасностей не встретишь на пути. Впрочем, Язон уже лет пять как из Гельта никуда сам не ездит, переложив на верных людей. Но сноровку не потерял. И глаз зоркий, и рука твердая.

— Ладно, Язон, будьте тут поосторожней. Удачи.

Хлопнул на прощанье по плечу.

— И вам удачи, мессир, — тот ухмыльнулся.

Жаль, что не выйдет остаться тут, с ними. Было бы спокойнее.

Тяжелая сегодня будет ночь.

А когда под утро Иеф вернется домой, уставший и злой, дверь будет распахнута, и из дома будет доноситься стук. Носатый Отто, с перевязанной рукой, будет устало сидеть на пороге.

Тяжело дыша, Иеф проведет ладонью по лбу...

И сердце будет прыгать и замирать, и ныть спина... Но подойдет, на негнущихся ногах, едва справляясь с собой.

Старичок Бертран выскочит на встречу.

— Господин! Господин! Эти изверги лестницу поломали! — завопит он.

Иеф отшатнется испуганно, сразу не поняв, хватаясь за сердце... И потемнеет в глазах. Потом отойдет.

— Кто? Когда? Сами-то как?

— Да сами нормально, только не спали почти... Бандиты, ночью... чтоб им пусто было! изверги проклятые! ох, господин, горе-то какое. Но мы уже плотника позвали, сейчас починят!

И тогда Иеф без сил прислонится к стене и начнет хохотать. Смеяться, от души, до слез! Люди выбегут из дома, будут толпиться, смотреть на него, как на сумасшедшего, удивлялись. Пусть смотрят! Главное обошлось. Мессир королевский венатор будет сидеть на земле у порога и самозабвенно хохотать. Вот ведь! Дракон должен был на город напасть, чтобы наконец починили эту проклятую ступеньку! Теперь скрипеть не будет! Да что ж такое-то!

Сейчас бы настойки выпить, от нервов, да пойти спать.

Отто слегка поцарапали, да старшего Язонава парня, тот ходит теперь довольный, гордится боевыми шрамами.

Ничего...

А у Язона внучка родилась.

Зимородка, конечно, так и не нашли.

ЭПИЛОГ

Марта несла с рынка большую корзину яблок — золотистых, румяных. Тяжелую такую корзину.

— Красавица, не подскажешь, где тут можно купить хорошие сапоги?

Она вздрогнула, замерла, затаив дыхание, боясь обернуться. Да нет, показалось... Боже милосердный, да ей едва ли не каждый день мерещится — то окликнет кто, то в дверь стучат. Вот уже третий месяц сама не своя... Нет, только кажется.

Обернулась. Невысокий, бородатый мужчина, почти седой.

Корзина выпала из рук, яблоки рассыпались, покатались...

— Что с тобой, красавица? — он подхватил корзину, бросился собирать.

Она так и стояла, закусив губу, не в силах пошевелиться, смотря, как он складывает обратно рассыпавшиеся яблоки. Два укатились далеко, запрыгав по мостовой, он догнал, поймал, ловко выхватив почти из-под чьих-то ног.

— Ничего, помоешь потом. Вроде все собрал. Ну что, проводить тебя до дома? помочь донести? А то ведь опять рассыплешь, — веселые искорки плясали в глазах. — Или что-то еще нужно купить?

Она замотала головой, слезы подступали к горлу, мешая ответить.

— Ну тогда пойдем? Как звать-то тебя?

— Марта.

— А я Густав из Люйдека. Вот на ярмарку к вам приехал.

Он улыбался, смотрел ей в глаза, говорил еще что-то. Но разве имеют значение эти слова? Всю дорогу он что-то рассказывал, а она молчала, слушала, боясь наконец поверить. Вдруг снова лишь кажется, и она просто сошла с ума? Присматривалась осторожно, почему-то не решаясь смотреть прямо ему в лицо. А около дома вдруг свернула на соседнюю улицу.

— Марта, ты куда? — он удивленно остановился, с корзиной в руках. — Нам же прямо.

Она заплакала.

* * *

Десять лет спустя к маленькому домику у реки подъедет рыцарь в белом плаще тамплиеров.

— Эй, хозяин! — крикнет он густым басом.

Хозяин выйдет навстречу, весь в свежей стружке — резчик он, славный на всю округу. Руки, говорят, золотые! Давно тут живет, из Люйдека, кажется, приехал на ярмарку, да так и остался. Дом построил, женился, детишек завел, сад вокруг дома...

— Кречет! — обрадуется он гостю, — ну, и здоров же ты стал!

Рыцарь степенно ухмыльнется в усы, спрыгнет с коня.

— Ну как ты тут, Уль?

АЛЕКСАНДР ГРИГОРОВ

ЧЕТЫРЕ КВАРТАЛА

М

ерцающий монитор освещал беспорядок в маленькой комнате. Сумерки не могли поделаться ничего: скрыть такой бедлам полутенями невозможно.

За столом сидели двое.

— Отслеживаемый IP зашел в базу налоговой.

— Зашел в ба-азу. Добавляй «Велету» в реестр.

— Абонент нашел «Велету», просматривает данные.

— Да-анные. Прекрасно.

— Задержался на реквизитах. Видимо — копирует.

— Ви-идимо.

— Проверяет архив платежей.

— Пу-усть. Там все очень правдоподобно.

Первый сдул крошки с клавиатуры. Второй спрятал в карман бумажку с кодом, по которому они вошли в базу государственной налоговой администрации.

— IP покинул реестр. Удалять «Велету»?

— Подожди. Варут проверит еще раз.

Тишину нарушало вкрадчивое гудение системного блока.

— Открой операции по текущему счету «Велеть», — скомандовал второй.

— Ноль, — ответил первый.

— Ноль...

Добрые четверть часа они сидели, глядя в экран. Первый то и дело нажимал кнопку «обновить», но в окошке по-прежнему сиял круглый и потому совершенный ноль.

— Есть! — вскрикнул наконец первый. — На «Велету» переведено два миллиона!

— Переведено, — подтвердил первый, со спокойствием всматриваясь в реквизиты плательщика. — А теперь быстро удаляй фирму из реестра!

Пальцы прошепестели по клавишам, судорожно дернулась «мышь», в прямоугольнике экрана поползли строки кодов.

— Готово, — отрапортовал первый и выдохнул. — В списке конторы нет, а два миллиона у нее на счету есть. Фокус-покус!

— Осталось выполнить prestige, — сам себе сказал второй и положил на стол конверт. — Спасибо за работу.

— Не за что, — быстро проговорил первый и спрятал конверт в верхний ящик стола.

— Попа-алась птичка, — сказал первый, хлопнул в ладоши и вышел, не попрощавшись.

Ничто так не объединяет интеллигентных людей, как дармовая выпивка и закуска. И дело не в деньгах — положим, их у интеллигента может хватить на еду и спиртное и так. Наслаждение состоит в том, что умный, начитанный человек принимает подношение, надлежащее ему по праву, как он сам считает. В сравнении с бесплатным фуршетом покупка продуктов за свои кровные кажется форменным унижением.

Отсюда и безграничная любовь к корпоративным праздникам. После пяти рюмок под салат и нарезку память укорачивается настолько, что забываются и задержки зарплаты, и хамство шефа, и даже подозрения в том, что он имеет больше, чем заслуживает. После восьмой оказывается — собрались сплошь приличные и милые люди, которых ранее не замечал, работая с ними бок о бок. А после десятой (если до нее доходит очередь) начинаются здравицы: за дело, которое нас объединяет! за расчудесного шефа! за прекрасных дам!

В общем, говорится совершенно не то, что на трезвую голову.

Сотрудники финансово-промышленной группы «Трила» отмечали ее день рождения в загородном санатории. Осень привечала гостей прозрачной водой в озере, рано темнеющим небом и лесом, простирающимся на километры вдоль берегов. После горячего гости вышли на воздух — подышать, перекурить и растряситься.

Бухгалтер отдела инвестиций Настя Милочкина вышла со всеми за компанию. Она не курила, разговоров не поддерживала, а просто стояла и улыбалась, слушая байки и анекдоты. Ей нравилось быть в коллективе, но высовываться из него Настя боялась. Относительно своей внешности у нее иллюзий не возникало, что до остроумия — тем более. Высокий рост был ей наказанием: приходилось сутулиться, подбирать длинными ногами шаг и прятать в карманы тонкие руки. Она стеснялась нравиться мужчинам, хотя они порой льстили на очарование почти мальчишеского лица и взгляд наивных глаз. Однако излишняя застенчивость барышни гасила желание ухаживать.

Те, у кого такое желание оставалось, обычно капитулировали от Настиного голоса — низкого, но сильного, и потому кажущегося грубым. Она редко смеялась и даже в кругу знакомых подолгу молчала, лишь в мыслях поддерживая разговор.

Настя вообще очень любила представлять и фантазировать. Что говорить — неподходящее для бухгалтера качество.

В свои двадцать восемь замужем она, конечно, не была.

Шумная толпа закончила перекур и двинулась к столу, когда Настю схватили за руку и поволокли против людского потока. Начальник отдела

инвестиций Максим Дубман улыбался и кивал по сторонам, волоча жертву в укромное место, чтобы там разделить и съесть. Поначалу Настя испугалась и уперлась надетыми по случаю праздника туфлями на каблуках (боже, какая мука!), но смирилась с участью и последовала в беседку.

— Мне только что звонили из налоговой, — оглядываясь, нет ли пого-ни, прошептал Максим Георгиевич. — У нас большие про-бле-мы.

Праздничное настроение сдуло октябрьским ветерком. Настя рассматри-вала одежду начальника, только чтобы не поймать его разъяренный взгляд. Стоимость галстука, рубашки и туфель наверняка равнялась годовому бюд-жету средней семьи.

— Рассказывай, что ты там на-хо-му-та-ла с «Велетой»? — сказал Дубман, сел на лавку и закурил.

Был он младше Насти, но вызывал неподдельный трепет, переходящий в страх. Привычка разжевывать слова, будто для детей, вкупе со сдвинутыми к носу черными бровями и подтянутой фигурой, заставляли пасовать даже уверенных в себе подчиненных.

— Я ничего не хомутала, — ответила Настя дрожащим голосом. — Две недели назад проверка была, ничего не нашли-и-и...

По округе разнеслись рыдания. Дубман пересел ближе, предложил платок.

— Ну как же, Милочкина? Как же не нашли, если мне звонят из нало-говой — не инспекции, Милочкина, милиции — и говорят, что в марте мы перечислили некой фирме «Велета» два миллиона. А фирмы такой, оказывается, в реестре нет. И, думаю, не было.

— Была! — Настя утерла слезы. — Я помню этот платеж, потому что сумма очень большая получалась за консультационные услуги. Я точно проверяла эту «Велету» по базе, перед ней, как сейчас вижу, стоял бла-готворительный фонд для детей-сирот. Я почему обратила внимание: у моей тетки сестра умерла, а у нее дочка осталась... Опять же, проверка была, ничего не обнаружили. Кроме мелочей, но я завтра получу акты и исправлю-у-у...

— Милочкина! — рывкнул Максим Георгиевич. — Хорош дуть мне в уши. Факты налицо: несуществующей конторе ты перечислила громад-ные деньги. Понимаешь, что это подсудное дело? А если найдут сговор? И найдут, если захотят.

Дубман хлебнул из миниатюрной фляги, вернул ее во внутренний кар-ман и продолжил:

— Запрос-то могла отправить в инспекцию?

— Так ведь ответа сколько ждать, Максим Георгиевич! А у меня квар-тальный на носу висел, еле успевала баланс свести. Да и не врала нам база никогда — это же сервер государственного управления, он знаете, как защищен!

Начало темнеть. Вдали слышались отголоски гуляния. С другой стороны

шумел на легком ветру лес. Дубман встал, отряхнул пыль с брюк и положил руку Насте на плечо.

— Ладно, Милочкина, я в город поехал, постараюсь разругнуть ситуацию. Если не получится, сгорим оба...

Шеф вышел из беседки, Настя посеменила за ним. Зазвенели на брелоке ключи, автомобиль отозвался пискom сигнализации. Сев за руль, Дубман опустил стекло и повторил неизвестно чего ждавшей Насте:

—...только я откупаюсь, а тебя, Милочкина, посадят.

И уехал, оставляя за собой пыль и паршивое настроение.

Как она оказалась в лесу, Настя не помнила. Шла, не разбирая дороги, и думала о том, что работа бухгалтера, в сущности, не такая сложная, как кажется поначалу. Да, за ошибки приходится отвечать, но ведь и возможность исправить их есть. Главное — сделать это до прихода проверки и вписать поправки в ближайший отчет.

Жизнь вообще устроена так, что человек всегда может остановиться, подумать и сделать выводы. Свернуть на путь истинный, пока не пройдена точка невозвращения. После нее — убивайся как угодно: времени не вернешь.

Похоже, Настя Милочкина оказалась за этой точкой, отделенная от светлого вчера и бредущая в печальное завтра.

Еще она любовалась лесом, причудливо освещенным закатом. Настя увлекалась фотографией и подспудно высматривала ракурсы, примеряла съемочные точки...

...Заблудилась.

Телефон работал, показывал время — половина седьмого, — но сигнал не ловил. Лес не только кормит и дает пиломатериалы, но и служит защитой от ветра. От мобильной связи — тоже.

Кроме звуков природы ничего не слышно, куда идти — неизвестно. Милочкина представила себя домашним животным, которое забрело в чапу, потерялось и замерзло.

Может, сесть на сырую траву, закрыть глаза и не проснуться, навсегда забыв о несправедливости и печалях?

Мысль о смерти заставила ноги онеметь. Совсем как в детстве, когда Настя впервые подумала о том, что ее когда-нибудь не станет. Жить захотелось невероятно, и плевать на неурядицы — мелкие, по сравнению с самим фактом человеческого существования.

Настя обхватила холодный ствол и зарыдала. Уханье, шорохи опавших листьев и скрежет веток были ей ответом.

Так она стояла долго, с надеждой на то, что ее хватятся и обязательно найдут. Но холодок, подобравшийся к груди, сковывал страхом и твердил: кто тебя кинется спасать, дурочка? Их там сто человек гуляет, и хорошо, если десяток помнит, как тебя зовут. Кто-то скажет, мол, видел: тебя отозвал Дубман, наверное, увез в город. Завтра — выходной, на работе не заметят

исчезновения, а больше и думать-то о Насте некому: родственники остались в городке, из которого она приехала поступать в институт; ни друзей, ни подруг.

Все времени не хватает завести, сидишь на службе с утра до вечера...

Только Настя осознала безысходность положения, как послышались голоса. Девушка вскочила и осторожно — упаси бог, потерять звуковую ниточку — поплелась в их сторону. Тьму прорезала искорка, которая спустя сотню шагов превратилась в пламя костра.

Настя остановилась, выглядывая из-за дерева на поляну. Ноги погрузились в мокрый лиственный ковер, напоминающий кожу спящего зверя, — вот-вот проснется и схватит зубами за щиколотку.

Вокруг костра сидели люди. Трое мальчишек, парадно одетые, передавали друг другу ноутбук. На них цыкал дедушка в пенсне, который расположился в массивном кресле ближе к огню и читал газету. Еще двое стариков куняли в таких же креслах по обе руки от чтеца. Остальные мужчины возились возле пня, служащего столом: нарезали овощи, следили за мангалом и раскладывали еду по тарелкам.

Один спал у костра. Рядом лежала полупустая бутылка.

Почему эти люди здесь, в лесу, устроили пир? Объявляться боязно: мало ли что за мужики? Но Насте захотелось уюта и покоя. От этого желания она зажмурилась.

Под ногой хрустнула ветка.

Взгляды обратились на Настю.

Она вышла на поляну.

Теперь Милочкина сосчитала всех участников пикника. Их было тринадцать.

Дубман въехал в город и направился в кафе, застрявшее в паутине центральных улочек. Внутри былолюдно по обычаю конца недели. Максим осмотрелся и подошел к столику, за которым сидел человек в сером костюме.

Поздоровались.

— Тише места найти не мог? — спросил Дубман, присаживаясь напротив.

Серый ел отбивную с гарниром и ответил не сразу:

— Лучший способ сохранить тайну — рассказать о ней. Тогда никто не подумает, что это секрет.

Улыбнулся и вновь стал орудовать ножом и вилок. Взгляд хранил оттенок какой-то шкодливости. Так смотрят дети, задумавшие милую шалость, и собаки, просящие хозяина поиграть с ними. Дубман веселости не разделял. Собеседник это понял и переменял тон.

— Место надежное, — сказал серый, добавив свой голос в шумное месиво из музыки и соседских разговоров. — Ни съемки, ни прослушки.

Поднял рюмку. Максим налил из графина сок и ответил на приглашение.

— Час назад мне звонили из инспекции. Они засветили платеж «Велете», проверили бухгалтерию и нашли еще несколько зацепок. Подозревают сговор и неуплату налогов. Завтра передадут дело в милицию.

Усмехнулись.

— Поскольку все идет по маслу, — продолжил Максим, — задаток я перевел на счет. Если хочешь — проверь.

Серый развел руками и состроил мину, мол, зачем обижаешь? А вслух сказал:

— Завтра я приму материалы. Будет, как договаривались: раскрутка, арест счетов, банкротство. Но вопрос не скорый.

Опустошил рюмку, со вкусом закусил и откинулся на спинку стула.

— Как только твои партнеры перекупят активы за бесценок, я закрою дело, — проговорил серый через облако табачного дыма им же самым выпущенным. — Это и будет сигналом: пора платить остаток.

— Торопить не буду, — ответил Дубман, — полгода ждал и еще подожду.

Подошла официантка, и серый замолчал. Максим хотел расплатиться, но подельник барским жестом отмахнулся от претензии и сам заложил в меню купюру. Надел плащ и кепку, пригласил пройти к выходу.

Прохладный вечер встретил их скребущей по асфальту листвой.

— Скажи, я тоже попаду под следствие? — Максим задал вопрос, который берег напоследок из-за щекотливости.

— Под следствием... — повторил серый. — А как же! Дашь подписку о невыезде и отдыхай себе. Денег с «Велеты», поди, надолго хватит? — подмигнул.

— Где же отдыхать, если я подписку дам?

— Подписку. Ты же дашь ее мне. Совсем на радостях крышей кабриолетной поехал?

Дубман натянуто улыбнулся — действительно, чего переживать, раз все так просто.

— Но виноватого найти нужно, — резюмировал серый, поднимая воротник. — Выбери кого помельче.

Дубман щелкнул кнопкой на брелоке и пожал руку серому:

— Есть такой человек.

Милочкину усадили на пенек возле костра и дали пластиковый стакан с горячим чаем. Мужчина средних лет снял пиджак и укрыл им Настины плечи. Неожиданно для самой себя она приняла знак внимания без застенчивости. Во-первых — замерзла, во-вторых — не сомневалась: холодным осенним вечером кавалер прекрасно обойдется и без пиджака.

К костру подтащили большой стол-чурбак и приступили к трапезе.

— А у вас здесь тоже корпоратив? — осмелев от сытости, спросила Настя.

Сидящие засмеялись, а дедушка в пенсне переспросил:

— Как вы сказали?

— Корпоратив, — повторила Настя. Надо же, каких простых вещей не знает. Или туговат на ухо?

— Все бы вам, молодым, иностранческими словами баловаться, — прокричал дед. — Ну, можно сказать, и корпоратив.

Молодые снова рассмеялись. Спящий в обнимку с бутылкой персонаж что-то пропаял, будто поддерживая общее веселье.

Оставшийся без пиджака мужчина показал рукой, дескать, хватит балагурить, и посмотрел на гостью добрыми глазами, обсыпанными мелкими грустинками морщин.

— Рассказывайте, Настя, что привело вас сюда? — говорил он спокойно, но с игривостью, по-свойски.

— Ой! Я же вам не говорила, как меня зовут. Откуда вы знаете?

Настя и хотела бы испугаться, как того требовало женское естество, но обстановка внесла в душу расслабление и доверчивость.

— Вы же бухгалтер? — уточнил беспиджачный, и Настя кивнула. — Ну вот. А о бухгалтерях мы знаем все.

Внезапно подал голос другой старик — одетый, как средневековый барон:

— Милочкина Анастасия Павловна, — доложил он, не открывая глаз, — двадцать восемь лет, бухгалтер отдела инвестиций финансово-промышленной группы «Трила», идентификационный код...

— Да ясно, ясно, — снова махнул рукой Настин кавалер — без раздражения, скорее, с почтением к причудам старого человека. Затем обратился к девушке: — Видите? Все о вас знаем, кроме самых последних новостей.

Отужинав, мужчины разбрелись по поляне — остались старики и беспиджачник.

— Пришла я случайно, — начала Настя, — у меня стряслась беда, я задумалась о ней и... пришла сюда.

— А в чем беда? — заинтересовался кавалер. — Может, помочь?

Настя передернула плечами и посмотрела на усеянное огоньками, как отчет цифрами, небо. Ах, если бы вот так, одним махом, можно было помочь ее горю.

— Да чем вы поможете...

— Напрасно вы так, Анастасия Павловна, мы много чем можем помочь, в особенности — по бухгалтерской части.

Та же доверчивость — изнанка женской опасливости — разрешила Насте рассказать незнакомцам, в чем ее проблема. Участники пикника опять сошлись к костру: их живо заинтересовала тема.

Когда Настя закончила, воцарилась тишина, только дрова потрескивали.

— Раз проверка зафиксировала, тогда выход один, — пробормотал беспиджачный. Похоже, он принял рассказ гораздо ближе к сердцу, нежели остальные слушатели. — Нужно вернуть апрель, перенаправить платеж на другой, чистый счет и вернуться в октябрь.

Он сказал это так просто, что Насте стало смешно. Однако кавалер выглядел серьезным. Он взглядом искал поддержки у коллег. Те тоже не собирались смеяться над бредовым предложением, потушили взоры, переминались. Только малолетние участники собрания по-прежнему сидели поодаль, терзая ноутбук и мобильные телефоны.

Чтобы прервать неловкое молчание, Настя налила вина и предложила тост:

— Господа, а выпейте-ка за то, чтобы у меня все было хорошо!

Под тяжелым взглядом беспиджачного никто к вину не притронулся. Он принял у девушки стакан и поставил на стол:

— Одним вином, Анастасия Павловна, вашего дела не исправишь. Тут понадобятся наши способности.

По поляне прошелестел ветер, трепля полы пиджаков и подол Настиного платья. В отблесках кострового света мужчины показались Милочкиной сотканными из самого существа природы — воды и деревьев, камней и неба. В эту секунду Насте стало совершенно ясно, что незнакомцы действительно способны на многое и подмена октября апрелем — далеко не самое могущественное из их умений.

— Да что вы, в самом деле! — прогремел дедушка в пенсне. — Всерьез, что ли?! Окститесь! Не бывать апрелю вместо октября!!!

— А че, мне по приколу, — пробасил подросток, и, надев наушники, принялся мотать головой в такт музыке.

— Да и я бы уступил, — заметил Настин кавалер.

Девушка водила глазами от одной фигуры к другой, еще раз сосчитала хозяев поляны, и в голове у нее все окончательно сложилось.

Перед Настей были живые двенадцать месяцев. Все четыре квартала.

После истории с подснежниками сказочные герои пережили многое. Французскую революционную реформу календаря; установление переходов на зимнее и летнее время — как будто одним росчерком пера можно продлить или укоротить световой день; эпидемию непонятно откуда взявшихся праздников, которые оспой обсыпали год; и другие недуги человеческого общества, упрямо желавшего перевалить вину за свои беды на ни в чем не повинных братьев-месяцев.

Древние люди с этой стороны были более бережными и покладистыми.

А современники по-настоящему уважали календарь только в одном его воплощении — бухгалтерском. Потому братьям ничего не оставалось, кроме как сменить сезонные одежды на деловые костюмы и уйти в бизнес.

Так велело самое Время — единственный их родитель.

— О, братья, мы допустили непростительную ошибку — забыли представиться, — спохватился кавалер. Заложил левую руку за спину и поклонился госте: — Октябрь.

Все назвались по очереди, кроме средневекового Декабря с величавой бородой, который теперь крепко спал в кресле, и Февраля — тот сидел

неподвижно, одетый в военный мундир без погон, с тусклыми медалями на груди, глядя в одну точку, находившуюся где-то в горящих головешках. Февраль показался Насте искалеченным месяцем, не желающим говорить из-за болезненной замкнутости.

— А это кто? — спросила Настя, показывая на отлеживающего бока забулдыгу.

Октябрь подошел к пьянчуге, укрыл одеялом и вынул из цепких пальцев бутылку.

— Это тринадцатый месяц, — пояснил Октябрь, — он как бы есть, но его как бы и нет. Пьет, к сожалению, много. Откуда деньги шальные берет — непонятно.

Тринадцатый издал сочный храп и перевернулся на другой бок.

— Хорошо, — сказал Январь — дедушка в пенсне — и потянулся за старинным портфелем, — давайте посмотрим.

Надел конторские нарукавники и стал перелистывать документы, сверкая стеклами и бормоча под нос:

— Годовые и квартальные отчеты составлены грамотно и аккуратно, — подытожил Январь, сложил бумажки и отправил обратно в портфель. — Что скажете, коллеги?

— Квартальный всегда сдает четко, — за всех ответил шебутной Апрель, — кэш подбивает без втирок, и ваще — рулит чикса.

— Изволь выражаться нормально! — прикрикнул Январь. — Не то я тебе уши надеру!

Мальчишки оторвались от ноутбука, изображая смущение. Впрочем, они знали — Январь слишком занятой, а потому очень отходчивый по характеру месяц. Вечно ему не до воспитания, только грозится.

— И у нас к ней претензий нет, — заметил красавец-Июль — белокурый, спортивный молодой человек. Равнодушная к эффектной мужской внешности Настя, и та поймалась на мысли, что Июль — весьма привлекательный месяц. — У нее за пять лет службы три отпуска накопилось и отгулов штук пятьдесят. Пока остальная бухгалтерия отдыхает, Милочкина балансы сводит за всех. Ей, видите ли, все равно, она не замужем. А между тем — симпатичная девушка, хоть и слывет синим чулком.

Июль улыбнулся и подмигнул Насте, намекая: пора заканчивать с холостяцкой жизнью. Нельзя же так — одна работа на уме.

— Все это прелестно, — согласился Январь, — симпатичная, рулит... Тыфу ты... Но ошибку-то она допустила, перевела деньги на липовый счет.

Месяцы заговорили наперебой, стараясь доказать брату, что Настя пала жертвой обмана и подставного маневра. Сама Милочкина только крутила головой по сторонам, улавливала недомолвки и пыталась соединить их в единое целое. Но в какой такой маневр она угодила? Кто ее подставил? Так толком и не поняла.

Январь замахал руками, словно отгоняя от лица искры. Наконец поднял ладони и капитулировал. Когда гул затих, поерзал, выдохнул и спросил:

— Но вы хоть понимаете, на что мы идем? Это же исключительный случай!

— Вот именно, исключительный! — поддержал Октябрь. — Потому что она — исключительная девушка. Работает с сухими цифрами, а верит в сказки. Вокруг полно обмана, а она не поддается. Просили как-то приписать отчисления в пенсионный — отказалась. Чуть не выгнали — не испугалась. Потом, конечно, все равно подправили показатели, но делал это другой человек, Настя ничего не знала. Да, боже мой, о чем мы?! Сейчас бухгалтеры ведут по три, пять фирм. Ведут кое-как, лишь бы деньги грести, путают больше, чем считают. А Милочкина сидит на одном месте, несмотря на талант, — а у нее ведь талант! — которого хватило бы на казначейство и налоговую вместе взятые. И что же мы, не поможем человеку, помогающему, по сути, нам самим?! Ну задумайтесь: было бы больше таких милочкиных, уже ли мы просиживали бы отведенные нам отцом-Временем дни, отслеживая мелочные людские махинации? О таких, как Настя, говорят: у нее в бухгалтерии все двенадцать месяцев разом гостят.

Октябрь смолк, вместе с ним затихли лесные звуки: боялись прогневить хозяина.

Настя слушала о себе со стороны и никак не могла взять в толк, отчего так происходит: живет себе человек, честно выполняет работу, старается держаться правил, в общем, ничего особенного. Но стоит посмотреть так, чтобы с другими сравнительно было, выходит, он чуть ли не герой. Может, потому что другие не в силах следовать даже самым средним нормам приличия?

— Да успокойся ты, брат Октябрь, — прервал тишину Январь, — не зря на тебя приходится начало сезона психических обострений. Я-то не против, больше для порядку ерепенюсь. Вижу, по душе тебе пришлась Настенька. Что ж, дело молодое... А раз так, поменяйтесь с Апрелем на полчаса, если оба не против. Полчаса, надеюсь, хватит?

Вопрос задавался Насте. Она потупила взор. Справедливость по отношению к себе самой показалась ей высшей степени нескромной.

— Реально хватит, — ответил вместо Насти Апрель, подсевший к гостю с ноутбуком, на экране которого светилось окно с корпоративной бухгалтерской программой «Триль».

Оказалось, Насте еще необходимо написать заявление — пустая формальность, на которой настоял Январь. Когда он занес над бумагой увесистую печать, из соседнего кресла раздался бесцветный и слабый голос Февраля:

— А я вот возражаю. — Он по-прежнему смотрел в одну точку красными от холода глазами. — И без меня вам никак, потому что собираетесь выправлять первый квартал, в котором я имею честь состоять.

Апрель свернул программу и открыл другое окошко — с игрой-стрелялкой.

Контуженного Февраля братья не любили, но уважали и побаивались — мало ли что ему взбредет в голову? Между тем, месяц примечательный, с выдающейся, пусть и сомнительной историей. Это он начал Никоновские реформы, отлучал от церкви сперва Льва Толстого, а потом и большевиков, которые ампутировали ему две первые недели. Он основывал Кунсткамеру и открывал Эрмитаж. Бросал смертельные камни в Грибоедова, разоблачал культ личности Сталина и освобождал Ельцина от обязанностей кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС. Разделение земного шара на часовые пояса, пуск межпланетной станции к Венере и вывод советских войск из Афганистана — тоже его рук дело. Нелегко остаться в уме после такой карусели событий. Оттого самый авторитетный месяц делами почти не занимался, его подменяли сопливый Март и хулиганистый Апрель.

Остальные месяцы тоже могли припомнить в своей истории много славного, но каждый выпячивал то, что считал достойным — соответственно характеру. Например, тот же Апрель гордился праздником смеха и изобретением значка доллара, Июль — рождением Михаила Зощенко, а Октябрь — днем учителя.

— Дорогие месяцы, — обратилась Настя ко всем сразу. — Спасибо вам за доброту и понимание, но мне ничего от вас не нужно. Я справлюсь сама. Одной этой встречи достаточно, чтобы найти силы и преодолеть любую беду. Ведь теперь я знаю, что вы есть — живые, настоящие... Немного несчастливые, но это ничего, пройдет.

— Почему вы считаете, что мы несчастливы? — удивился жизнерадостный Июль.

Настя встала, подошла и протянула руку к его кудрявым волосам — осторожно, боясь, что видение исчезнет.

— Потому, милый Июль, что я это знаю по себе. Человек часто занимается тем, чем нужно, а не тем, чем хочется. Потому что необходимо как-то существовать, есть и одеваться, помогать родным. И выходит, совсем не остается места в календаре для занятия, в котором можно раскрыться во всю силу. Вот я очень люблю фотографировать, а времени на это совершенно нет. Если и беру аппарат, то по просьбе друзей или знакомых — снять событие какое-нибудь, праздник... И вам, мне кажется, хотелось бы переменить деловые костюмы на дарованные природой одежды. Вам, дедушка Январь, — она улыбнулась, — очень пошел бы костюм Деда Мороза. Ну правда — больше, чем счетоводческий наряд.

Январь хмыкнул и снял нарукавники.

Братья слушали Настю, рассматривая звезды. Широкоплечий Август — тоже месяц со сложной судьбой — достал из кармана сухой колосок, потер его и сдул с ладони пыль.

— Нельзя давать слабину! — скомандовал Февраль окрепшим голосом. — Завтра она приведет других неудачников, так что, для всех время

вспять крутить?! Я считаю так: виноват — отвечай! — Вояка начал трястись. — А то вот такие негодяи продали великую страну, обокрали народ!.. Елизавета, убей эту шотландскую суку!.. я вам устрою дворянскую волюность!.. Уберите детей от леопарда... — Он откинул голову и задергался всем телом. Из рта пошла пена.

Месяцы бросились к припадочному и держали его, пока не успокоился.

— Все, пора расходиться, — засуетился Январь, — наводите порядок и забирайте этого... — он кивнул на тринадцатого.

Летние месяцы забегали по хозяйству, весенние бросились им помогать. Зимние деды остались в креслах, Сентябрь и Ноябрь побежали за машинами.

— У вас, Настя, есть ровно пять минут, — процедил сквозь зубы Октябрь, подавая ноутбук, — Апрель, иди сюда, бегом!

Мальчишка подбежал к костру. Октябрь одной рукой обхватил брата, второй положил Настино заявление на пень и с размаха шлепнул печатью.

Монитор расплылся перед глазами, завертелся вокруг осенний лес, сквозь искривленное пространство проступили очертания рабочего кабинета.

В базе налоговой администрации напротив надписи «Велета» мигал курсор.

В коридорах городского управления налоговой милиции царило спокойствие. Сотрудники расхаживали с подчеркнутой важностью: суета — удел тех, кому есть чего бояться. А человек при звании спешить не привык — тяжесть мундира, обремененного погонами и удостоверением, не позволяет передвигаться скоро. На повороте может занести. Если еще и портфель в руке, быстро не побежишь в принципе.

Человек при звании может торопиться только в туалете, когда никто не видит, а дело не терпит отлагательств.

В мужской комнате на повышенных тонах разговаривали двое.

— Как такое может быть?! — возмущался серый капитан. Его утиный нос то и дело выныривал из клубов табачного дыма. — Еще вчера платеж на «Велету» был в документах, а сегодня его корова языком слизала?

— Да откуда я знаю?! — с глазами навывкате отвечал холеный молодой человек. — Это твоя забота, ты и раз-би-рай-ся.

— Разбира-айся, — передразнил капитан Николай Саморезов. На его лице не осталось и следа от смешливой лукавости, которую он излучал во время встречи в кафе. — Как же я разберусь, если у тебя черт знает что творится?! И ладно, если бы отчеты уничтожили или исправили, так ведь упоминаний о «Велете» нет и в рапорте проверяющего.

— Значит, проверяющего подкупили!

— Ты после травмы головы или притворяешься? Подкупили! Он, стало быть, получил бабло и ко мне пришел жаловаться — вот вам наводка на «Трилу», проверьте, сколько они мне откатили, а то злостной неуплатой пахнет.

— Да, не сходится, — согласился Дубман.

— Очень не сходится, — подтвердил Саморезов.

Сделали по паре затяжек.

— Но баланс свели, то есть, два миллиона тю-тю? — сквозь дым проговорил Дубман.

— О, здесь как раз полная ясность. Деньги перечислены на счет благотворительного фонда для детей-сирот. Подпись твоя есть, проверка нарушений не обнаружила, по большому счету — не подкопаешься. Мне передали чистое дело, как будто инспектор подал материалы исключительно из садомазохистских соображений.

— Почему мазохистских?

— Потому что ты на него можешь подать в суд и выиграть — как же так, честную организацию оболгали, насильственно лишили репутации и противоестественным образом склонили к упущенной выгоде! Инспектора, конечно, не посадят, но отрабатывать он будет до конца своих дней. А у начальства фантазии подчас такие, что Гоморра по сравнению с ними — женский монастырь.

Капитан подкурил от сигареты вторую и продолжил:

— Такое впечатление, что кто-то вернулся в прошлое и исправил номер счета.

— Мистика какая-то, — Дубман развел руками. — Сказка.

— Во! Сказка. Твоя бухгалтерша именно сказки и рассказывает. Сидит сейчас в кабинете, ревет и лепечет о том, как встретила в лесу двенадцать месяцев, апрель и октябрь поменялись местами, и она изменила код платежа. Кается, готова написать признание... Вот в прокуратуре посмеялись бы.

— Припугни ее как следует... хотя Милочкина никогда не врет. С приветом девка, но честная. Неужели нарочно дурочку валяла?

— Дурочку. Знаешь, Макс, я был знаком с контуженым офицером, он не то что мясо животных — яйца не ел: говорил, это нерожденные куры. Жил в военном городке на скромную зарплату. А как получил заказ на устранение одного гнилого человечка, отхватил круглую сумму, так мигом оправился от вегетарианства. Сейчас долечивается где-то в Италии. Большие деньги — надежное лекарство.

В туалет зашел лейтенант, и заговорщики смолкли.

— Самое интересное, — шептал капитан, провожая Максима к выходу, — завтра на планерке выяснится, что я веду пустое дело. Так что решить вопрос нужно до утра.

— Ну, так решай. Если дело не выгорит, мои хм... компаньоны наверняка попросят вернуть отданные тебе деньги. Где их брать — ума не приложу, — Дубман со значением посмотрел на Саморезова. — Говоришь, киллер у тебя знакомый есть?

Капитан споткнулся на ходу.

— Ты не шути, а молись на меня, — он поправил фуражку. — Ну,

шлепнешь, так что — деньги вернутся? Сам бы лучше начинал копить понемногу. В любом случае пригодится — или на отдачу шефам, или мне на премию.

Теперь о незримую щербинку в паркете споткнулся Дубман.

— Ладно, расходимся. Я пошел дожимать дурочку, а ты еще раз проверь бухгалтерию — может, клуши твои расфужфуренные что-то перепутали.

— Хо-ро-шо. Созвонимся.

— Созвонимся.

Саморезов болидом влетел в кабинет, не замечая Насти, которая с покорностью ждала на стуле. Николай сделал кофе, поджег сигарету и, предвкушая сочетание первого со вторым, прикрыл глаза.

Солнце клонилось к закату, на улице было теплей, чем в кабинете, и Саморезов открыл окно. В проем ворвался прелый октябрьский воздух.

— Давайте, Анастасия Павловна, вспомним еще раз, — капитан защелкал по клавиатуре. — Как вы подделывали платежную ведомость для «Велеты»?

— Я не подделывала. — Милочкина всхлипнула. — Я переписала заново.

И Настя в который раз пересказала произошедшую с ней историю...

...Время шло, ничего нового Саморезов не узнал. Перекопал личное дело Милочкиной, пока та дрожащими руками держала чашку чая и цокала по ней зубами; созвонился с Дубманом — ошибки в бухгалтерии не нашли, пять раз проверили; вызвал инспектора, тот явился быстро — гости здания налоговой милиции, в отличие от хозяев, ходили по коридорам шустро. Никакой версии не вытанцовывалось. И впрямь сказка!

Саморезов закрыл окно: похолодало. Включил свет. Долго сидел, обхватив голову. Ковырялся в базах данных. Параллельно консультировался по телефону, видимо, с программистом. Рисовал причудливые схемы, комкал листочки и бросал в урну.

За это время капитан в своем отношении к Насте прошел от «дурочки» к «милой сумасшедшей». Она даже показалась ему симпатичной. Не может быть противной девушка, верящая в сказки даже на месте подозреваемой. Да и внешне она, вроде, ничего. Только голос мужиковатый, но за несколько часов привыкнуть можно. От прилива новых чувств Саморезов угостил Настю ужином в буфете, подспудно рассчитывая на то, что она обронит нужное слово в непринужденной обстановке. Ничего подобного — Милочкина прониклась доверием, однако следствие от того не продвинулось ни на шаг.

Вернулись в кабинет. Отчаявшись, Николай встал, надел плащ и скомандовал Насте:

— Поехали!

Милочкина привстала, губы ее задрожали.

— А можно я домой за вещами съезжу? В тюрьме, наверное, холодно.

Капитан закатил глаза, сделал несколько глубоких вдохов, и выпалил:

— Дуреха! Ты хорошо запомнила поляну с месяцами? Показать сможешь?

Сказать «запомнила» проще, чем блуждать два часа в темном лесу, пусть и при свете фонарика. Лес он и есть лес — одинаковые деревья и похожие кусты. Временами Насте казалось, что она узнает вот эту тропинку или тот овражек. И всякий раз реальность наказывала за самоуверенность. Саморезов взял коммуникатор с GPS-навигацией, но прокладывать маршрут к волшебной поляне аппарат не умел.

Знай Настя, что ей предстоит повторить путь на поляну, она все равно не запомнила бы дороги. Чтобы попасть в сказку, нужна отнюдь не крепкая память.

Усталые путники сели на поваленное дерево.

— Ясно, — со злостью бросил Саморезов Насте, — наплела ты мне все о месяцах.

Она попыталась возразить, но осеклась на полуслове. Факты, они не только упрямые, но еще и пакостные. Как ябеда, который хватает за руку и докладывает.

— Вставай, будем возвращаться, — сказал капитан и нажал кнопку коммуникатора. Свет экрана упал на лицо Саморезова — холодное, серьезное.

GPS-навигатор не работал: вышка не ловила сигнал, заблудившийся в чащобе.

Николай несколько раз вскакивал, садился, снова подпрыгивал и прохаживался вдоль бревна. Со стороны это напоминало ритуальный танец, исполнитель которого никак не может добиться цели.

Сырость и холод вскоре успокоили капитана. Он закурил, с обреченностью всматриваясь в черный провал леса. Настя подсела ближе: так было теплее. Саморезов глянул на нее, как на линяющую кошку, но отодвигаться не стал.

— Выберемся утром, — озвучил свою худшую мысль Николай, — если волки не съедят.

Отчего капитан пугал спутницу именно волками? В ночном лесу полно других, более изощренных возможностей потерять жизнь.

— А мне — все равно, — ответила Настя и положила голову на плечо капитану.

Таким беспомощным Саморезов себя не чувствовал со студенческих времен. Тогда для сокурсников он слыл нескладным и нудным заучкой. Сами они были похожи на криминальных авторитетов, судя по повадкам и умственным способностям; да и внешне. Но бандит, учащийся на законника, это — уважаемый человек. А безобидный отличник в хищной стае блатных — изгой и терпила. Долгие пять лет плюс аспирантура Саморезов жил и учился с мыслью о том, как он покажет этим папенькиным сыночкам-бандюкам, когда доберется до власти. Случай с Дубманом был шансом по квитаться с племенем обидчиков.

И ведь все хорошо складывалось: начальство одобрило внедрение в аферу, Максим купился на «оборотня», еще полгодика, и можно

накрывать шайку. Ух, посмотреть бы тогда на трехподбородочные лица папенькиных сынков!

И тут, как назло, всплыла эта сказочная история.

Ничего, еще поборемся!

Бравировать не оставалось сил. Капитан задрожал от холода, иногда попадая в фазу с Настиными дрожаниями. Идти не имело смысла: забредешь еще дальше. Оставалось молча лежать на алтаре у дикой природы. Теперь Саморезов согласился бы поверить в двенадцать месяцев, Машу и медведей, мертвую царевну — лишь бы поесть и согреться.

Сказка всегда приходит на помощь, когда пасует здравый смысл.

Запах жареного мяса незримым перышком пощекотал в носу. Настя и Николай, не сговариваясь, встали. Вдалеке мигал огонек костра.

На поляну вышли с робостью незваных гостей.

— Настя! — обрадовался Октябрь и поспешил к девушке. Взял за руку и только потом заметил мнущегося на задубевших ногах Саморезова. — Зачем ты привела его?

— А я что говорил! — рывкнул Февраль, рассматривающий с близоруким тщанием медаль у себя на шинели. — Надо место менять.

Теперь, в свете костра, Милочкина заметила, что братья преобразились. Вместо деловых костюмов они оделись в приличествующие им наряды. Декабрь укутался в пышную шубу, мальчишки были в легких спортивных и куртках, летние месяцы щеголяли в гавайках, шортах и тапочках, а осенние — облачились по вельветово-джинсовой моде.

Январь восседал в костюме Деда Мороза.

— Саморезов Николай Александрович, тридцать лет, капитан налоговой милиции... — забурчал сквозь сон Декабрь.

— Да знаем мы. — Прервал его Октябрь. — Присаживайся, мил человек, выпей, закуси с дороги. А ты, Настя, изволь объяснить.

Милочкина пересказала прошедший день, жуя и запивая без всяких политес.

— Наивная душа, — прокряхтел Январь и развернул газету.

Октябрь сел возле Саморезова, который тоже без стеснения уплетал за обе щеки.

— Что же вы от нас хотели, Николай Александрович?

— Во-первых, — Саморезов прожевал кусок, — убедиться в том, что вы существуете.

— По крайней мере, странно. Что же вам, в школе не рассказывали о делении года на месяцы? Или до сегодняшнего дня не доверяли теории?

— Умхгмру, — ответил Саморезов с набитым ртом. — Вы понимаете, о чем я. Признаться, и сейчас еще не до конца верю, что вы — живые.

— Удостоверение показать? — вклинился Июль и размял руки, хрустя пальцами.

Саморезов пропустил колкость и продолжил:

— А во-вторых, хотел попросить вернуть все, как было. Я из-за ваших чудес попал в неприятное положение. К тому же так будет правильно с точки зрения справедливости. Что же вы — за бухгалтерию радеете, а пошли на нарушение?

Январь отбросил газету, снял пенсне и затараторил пылко и напористо:

— Кто бы говорил, молодой человек, кто бы говорил! Вы находитесь в преступных отношениях с этим... как его... Дубманом и смеете обвинять в непорядочности нас? Да если бы вы не заварили кашу с подменной базы данных на этом... черт...

— Сервере, — подсказал Апрель, за что удостоился недоброго взгляда.

— Слово-то какое, — Январь поморщился. — Так вот, если бы не вы с вашей жадной мести, замешанной на обычной человеческой алчности, и нам бы не пришлось идти на такой — совершенно верно вы подметили — незаконный поступок. Поэтому извольте покинуть нашу компанию! Как только покончите с едой, разумеется.

Настя не поняла, почему дед взъелся на Николая. Ведь он всего-навсего разбирался в деле, вел следствие. В конце концов, не каждый способен поверить в сказку вот так, сходу. Милочкиной стало жаль своего мучителя — милого, но запутавшегося человека.

— Помогите ему, пожалуйста, братья-месяцы, — попросила Милочкина и посмотрела на Октября. — Может быть, капитан действительно натворил что-то худое, но разве хорошо оставлять человека в беде? Милосердие, оно ведь выше мести.

Июль, который сжал кулаки, готовый знойным вихрем налететь на Саморезова, сунул руки в карманы и отступил в темноту.

— Наивная душа, — повторил Январь.

— А что, если так, — вспыхнул Октябрь, вскружив под ногами ворох листьев, — мы выполним не капитанскую просьбу, а Настину? То есть, конечно, в итоге мы поможем этому господину, но не потому что он того заслужил, а поскольку за него заступились?

Октябрь посмотрел на Милочкину, и в глазах его мелькнула жалость. Не к ней — к себе. Не могут месяцы любить человеческим чувством, а коль Насте чем-то мил Саморезов, пусть хотя бы участие в его судьбе станет для девушки знаком внимания.

— Так-то, конечно, можно, — пробормотал Декабрь.

Месяцы посмотрели на Февраля. Тот продолжал изучать свои награды.

Самым ответственным месяцем был Январь, ибо являлся последним сроком сдачи отчетов по финансовому году. Но старый вояка Февраль давал возможность нерадивым бухгалтерам исправить ошибки и «решал вопросы», растягивая сдачу годового баланса.

— Чего уставились, так вас разэдак? — бросил в пространство Февраль, смахивая застрявший между погоном и тканью листочек. — Я изначально был против ваших штучек. Еще тогда, с подснежниками, говорил, что...

— Помоги, брат Февраль, — сказал Октябрь, на расстоянии сдул с погона лист и поднял большой палец правой руки.

Летние и осенние месяцы по очереди показали тот же жест. Зимние — наоборот, повернули большой палец вниз. Глядя на них, «против» показали и весенние пацаны.

Голоса разделились поровну.

Сзади раздался хрип, на который обернулась вся компания: тринадцатый месяц остался спать в прежнем наряде, по-детски засунув большой палец в рот. Сам того не зная, пьяница дал Саморезову репающий голос «за». Впрочем, тринадцатый никогда ничего не делал в трезвом уме и здравом рассудке.

— Твою маму через огород да в погреб, — выругался Февраль и зыркнул на Саморезова. — Чего вылупися, салага? А ты, комсомолочка, — это Насте, — пиши заяву.

До последнего мгновения Саморезов еще не верил в волшебство, но когда Февраль занес руку с печатью, отчетливо понял: в каждой сказке есть именно доля сказки. И, в отличие от налога на добавленную стоимость, этот процент точно назвать невозможно.

— Обещайте, что больше не будем собираться в лесу, — потребовал Февраль, держа печать в воздухе. — У меня на примете есть один заброшенный оборонный заводик...

— Обещаем, — сказал Октябрь, кивая остальным: дескать, так надо, не спорьте.

Февраль припечатал заявление.

Машину вело на покрытой февральским снежком дороге. Саморезов опаздывал на встречу с Дубманом, назначенную в ресторане на окружной, но гнать боялся. Дело не в правилах движения, а в инстинкте, который не пропищел ни в каком своде.

Слева пронесся черный внедорожник. Тоже куда-то спешит человек... Ба, да это же номера Максима Георгиевича! А ну-ка, припустим за ним.

Николай уже наступил на педаль газа, но вдруг на снежном бруствере у края трассы увидел голосующего подростка. Парень был одет не по сезону легко.

Замерзнет, надо бы подбросить. Хотя — опаздываю...

Остановился. Подождал, пока автостопер подойдет к пассажирской двери. Никого. Посмотрел в зеркало — пусто. Неужели задумался и сбил парня? Этого не хватало!

Тела не было.

От обочины в лесопосадку вели глубокие следы. Сам не понимая зачем, Николай пошел по протоптанной веренице — как был, без пальто. След скоро оборвался. Замести не могло: метель стихла перед самым выездом. Не улетел же пацан!

Саморезов повертелся, стараясь не набрать снега в ботинки, и уже собрался обратно, как заметил что-то внутри последней ямки от ноги загадочного паренька.

Наклонился и сорвал подснежник.

В раздумьях плелся к машине, рассматривая апрельский цветок.

— Елки-палки! Меня же Дубман ждет!

Машина набрала скорость и обдала теплом. Саморезов сунул цветок во внутренний карман: наружные зашты во избежание дачи взятки, так положено.

Впереди образовался глухой затор — странно для скоростного шоссе. Вновь пришлось покинуть теплый салон — узнать, в чем дело.

На обочине лежал вверх тормашками давешний внедорожник.

— Несся на обгон, как сумасшедший, — живописал очевидец. — А там яма, засыпанная снегом. Раза два перевернулся.

Саморезов подошел к искореженному авто. Врачи «скорой» открыли дверь, не дожидаясь МЧСников. Достали Дубмана.

— А ведь если бы не пацан, — подумал Коля, — я бы притопил за Дубманом и сейчас, вполне вероятно, меня доставали бы с «болгарками».

Беднягу уложили на носилки, накрыли и задвинули в нутро «скорой помощи». Перед тем, как захлопнули дверь, Николай успел положить на покрывало белый подснежник.

Карета умчалась с воем и миганием.

— Может, оно к лу-учшему, — думал Саморезов, разворачивая машину к городу.

Мерцающий монитор освещал беспорядок в маленькой комнате. Ее хозяин отчаялся ждать заказчика — сколько можно?! Наверняка спрыгнул, зараза. А работа сделана немалая: меняй в базе кого и когда угодно. Ну и DOS с ним, глядишь, еще сгодится.

За успешную проверку «Триль» (там и без Настиной подмены оказалось много интересного) Николай Саморезов получил звание майора. Нацепив звездочку, он зашил и внутренний карман пиджака — на всякий случай. Часто вспоминает Милочкину и даже нашел в закрытом деле ее телефон. Странная девушка, но симпатичная. Позвонить ей, что ли?

После выписки из больницы компаньоны Максима Дубмана сжалились над ним и оставили работать в «Триле» — бухгалтером отдела инвестиций.

Зазвонил телефон. Настя посмотрела на номер.

— Опять он. Поднять трубку, что ли?

Милочкина выиграла конкурс фотографов, получила грант и открыла собственную студию. Работу бухгалтера оставила без сожалений. Готовится к персональной выставке, где красной нитью проходит цикл фотографий леса под названием «Времена года». Критики удивляются: на что талантливая художница — каждый месяц получается, как живой!

А недавно Настя сфотографировала какой-то оборонный завод. Снимок выбивался из общей концепции ее работ, но что-то привлекательное в нем есть...

АННА СЕМИРОЛЬ

СКАЗАТЕЛИ

Моему Дракону

— И

за! Где ты, Иза? Иза!

Эхо металось по коридору, риколетилось от бетонных стен. Мигала под потолком красная лампа аварийного освещения. По ту сторону одной из запертых дверей жалобно мяукала кошка. Да, гуманно — бежать, схватив вещи, а живое существо бросить умирать. Хотя... все здесь знали, что не убежишь. Все равно накроет. И накроет всех, никого не щадя.

Олег остановился, перевел дыхание, прислушался. Где-то вне прогрохотала по стихшей улице грузовая машина — и вновь стало тихо.

— Иза! Это я! Ну где ты?

Тишина. Может, нет ее здесь? Может, показалось, что мелькнула в дверном проеме маленькая фигурка с пышными черными косами? Нет. Чутье не подводило ни разу. Просто прячется в пустом здании испуганная до полусмерти девчонка.

Вопила брошенная кошка. Надрывно прося выпустить. Олег вернулся, подергал дверную ручку. Заперто. Не судьба.

За спиной всхлипнули. Он обернулся — и наткнулся на взгляд полных страха глаз.

— Иза, малыш...

Девочка отшатнулась, прижалась к противоположной стене. Не доверяет, с сожалением подумал Олег. Осторожно двинулся ей навстречу. Протянул руку к обтянутому серой тканью острому плечу.

— Ты что такая дикая? Это же я...

Потом понял: одежда. Он никогда не появлялся перед ней в гражданском, а форму она привыкла видеть лишь на тех, кто олицетворял для нее страх и унижение. Она помнит его в белом халате. Олег улыбнулся — старался, чтобы вышло ободряюще и по-доброму.

— Иза, я — Олег. Это действительно я. Просто на мне другая одежда.

Она немного успокоилась. Исчезло из глаз выражение тоскливого ужаса. Еще секунда — и он взял ее за руку. Все. Все, маленькая. Теперь мы отсюда

уйдем... и попробуем уйти как можно дальше. Теперь нас никто не остановит. Сколько бы не было до взрыва — это только наше время.

Он медленно повел ее к выходу, уговаривая, успокаивая, как совсем маленькую. И лишь на лестничной клетке заметил, что в руках у нее кошка — серая, полосатая, испуганно озирающаяся по сторонам. Иза едва заметно улыбалась уголками губ.

Повезло — удалось остановить машину. Вдвойне повезло, что согласились взять попутчиков. Впрочем, взяли бы так или иначе — Олег вполне мог воспользоваться удостоверением, дающим право высадить всех и уехать в конфискованной машине. Обошлось миром.

Устроились кое-как на заднем сидении, среди сумок и коробок. Олег усадил Изу на колени, обнял. Она прижалась к его щеке лбом. Кошка мурлыкала у девочки на руках. Женщина на переднем сидении — видимо, жена водителя — хмуро поглядывала на них в зеркальце заднего вида. То ли военная форма ей не внушала доверия, то ли не нравилась молчаливая бледная девушка-подросток в похожем на робу сером платье.

— Скажи...

От неожиданности Олег вздрогнул. Настолько отвык от ее голоса за последние дни, что начал забывать. Ответить. Ей надо ответить. Что сказать? Что жить осталось час-полтора? Она ж понятия не имеет, что значит «смерть». И объяснять не хочется...

— Я тебя люблю, — сказал он и поцеловал ее в пушистую макушку. — Ты знаешь, что это такое?

Она кивнула.

— Да. Когда хочется тебя придумать. Чтобы ты не уходил больше никуда.

От ее слов перехватило дыхание. Подумалось в который раз, что она все же удивительная. Уникальная. Кто бы что не говорил. И теперь они вместе. Наконец-то ему не надо будет никуда уходить. Никто не запретит.

— Я с тобой. Я никуда больше не уйду, маленькая.

Пролетали за окном дома. Брошенные, молчаливые. Кто мог, уехали еще вчера или сегодня утром. Город напоминал декорацию, царство съемочной площадки блокбастера про анхэппи энд. Сумерки разливали по асфальту длинные кляксы теней.

— Когда рванет? — мрачно обратился к Олегу водитель.

Странная психология окружающих: думать, что в чрезвычайной ситуации каждый человек в военной форме знает абсолютно все.

— Не знаю. Смотря, насколько интенсивно там горит. И сколько выдержит защита. Думаю, час-полтора.

Женщина на переднем сидении тоненько завyla, закрыв лицо ладонями.

— Что орешь, дура! — рявкнул на нее водитель. — Все равно всем тут крышка! Такое ощущение, что все, кроме тебя, знали, что живут на бомбе!

Иза пошевелилась, испуганно моргнула.

— Что будет? — спросила она негромко.

Олег попытался улыбнуться. Не пугать ее, не надо. Достаточно уже.

— Ничего не будет, все нормально. Мы просто отсюда уедем.

Водитель так резко вывернул руль, что они едва не влетели в павильон на углу.

— Да, уедем... — хмыкнул водитель; чувствовалось, что его всего трясет. — Даже улетим. Ноги в одну сторону, руки в другую... Успокаивай, успокаивай. Скоро все успокоится.

Иза его уже не слушала.

— Олег, будет больно? Всем?

— Не бойся. Нам с тобой больно не будет.

В боковом кармане куртки пистолет. Он просто не даст ей мучиться, когда все это произойдет. Только бы она не боялась. Как сделать, чтобы она не боялась?.. Осталось всего-то ничего времени, когда можно никого не бояться.

Обнял ее. Закрыл одно маленькое бледное ушко ладонью, в другое принялся шептать:

— Жили-были в одном царстве...

В тот странный год Олег успел защитить кандидатскую, купить машину, окончательно разойтись с Ясей и получить четыре перспективных предложения по работе. Последнее было неудивительным: военно-медицинская академия сделала одному из лучших своих выпускников великолепную рекламу.

Гость, пришедший с пятым предложением, был лаконичен, уверен в себе и очень убедителен. Сказал, что Олега рекомендовали ему, как нейрофизиолога с большим будущим (о да, он видел его институтские работы, весьма и весьма впечатлен). Показал Олегу несколько интересных фотографий и спросил, хочет ли он помочь в работе над чрезвычайно увлекательным проектом. Когда Олег заинтересовался подробностями, гость оставил ему карточку с адресом и несколько поспешно ретировался.

Проект оказался правительственным. Дети из пробирки с искусственно смоделированными способностями к материализации объектов с заданными свойствами. Первые исследования дали ошеломляющие результаты, проект взяли под крыло военные... а потом все пошло кувырком. Дети болели и чахли один за другим, несмотря на качественный уход. Бригада местных эскулапов ничего не понимала, проект грозили закрыть, финансирование урезали, медперсонал попал под горячую руку руководства, часть поувольняли, остальные разбежались сами.... Туповатый педиатр и пожилой кардиолог разводили руками. Вот тогда кто-то и замолвил за Олега словечко — как за психолога и нейрофизиолога.

Его поразили эти дети. Семеро десятилеток — молчаливых, безразличных к окружающим и происходящему вокруг них. Бледные, амимичные личики, одинаковая серая одежда, поведение, больше присущее роботам, а не живым детям.

Антон. Галя. Дима. Иза. Костя. Максим. Юра. Имена придумывали по алфавиту — по порядковым номерам. Изначально их было двадцать три. Двадцать дожили до года. К семи годам их осталось пятнадцать. К десяти — семеро.

Олега поселили в том же здании, где размещался исследовательский центр и находились дети, дали все необходимое для исследования здоровья подопытных и велели разобраться в ситуации как можно скорее. За те три дня, которые Олег потратил на изучение документации и забор необходимых анализов, один из семерки — Дима — впал в подобие каталепсии. Похожего на куклу малыша увезли в психиатрическую клинику где-то в столице.

Результаты обследования детей Олега смущали. Абсолютная норма во всем. Разве что снижение мозговой активности — и то незначительное. На всякий случай назначил всем ноотропы. Принялся наблюдать. Присутствовал во время завтраков-обедов-ужинов, сопровождал детей во время прогулок по маленькому скверу, отгороженному от мира высокой стеной, посещал вместе с ними занятия. Постепенно ситуация начала проясняться.

Картина вырисовывалась жутковатая. Дети не умели ни читать, ни писать, ни рисовать. Абсолютно. Речь их была крайне скудной, лишенной каких-либо эмоций. Простейшие тесты на логику, с которым справился бы и двухлетний карапуз, ставили их в тупик. Во время так называемых занятий их тренировали лишь в материализации разных предметов — реальных или изображенных на картинках. Демонстрация сопровождалась перечислением свойств предмета: тяжелый-легкий, металлический-деревянный, холодный-горячий... одни качественные характеристики. Дети послушно исполняли, не задавая ни единого вопроса. Получалось не у всех и далеко не всегда. Успехи поощрялись кусочком шоколада. Параллель с дрессировкой животных вызвала у Олега оторопь.

Коллеги-медики занимали четкую позицию невмешательства. Проанализировав беседы с ними, Олег понял, что детей они боятся, а рапорт об увольнении не подают из-за хорошей зарплаты.

— Вы хоть что-то пытаетесь для детей сделать? Или просто тупо наблюдаете? — возмущался он.

— А что тут сделать-то? — пожимали плечами оба светоча медицины. — Ты сам-то у них нашел хоть что-то? Они неживые — в этом и болезнь.

Олег обратился к своим непосредственным руководителям за разъяснениями:

— Вся проблема именно в том, что дети не развиваются, как личности. У них нет не просто детства, а стимула к жизни. Даже у животных детеныши развиваются, познавая мир в играх. Остановка умственного развития тянет за собой угасание нервной деятельности — это же очевидно! Дети — не роботы, они не могут просто тупо выполнять команды. Посмотрите, что

происходит: шестеро из двадцати. И чудом живы до сих пор. Почему вы не позволяете им развиваться нормально?

Его спокойно выслушали и так же спокойно объяснили, что живое существо с функциями Творца — это страшнее любого оружия.

— Позвольте им фантазировать — и они наводнят мир чудовищами. Вы хотите оживших детских каракулей? Ночных кошмаров, воплотившихся для всего мира? Если не обуздать фантазию, дети станут полностью неконтролируемыми! Стоит лишь появиться цели, стоит им просто захотеть — и вы не сможете остановить их. Нет стимула к появлению желаний — нет и противостояния. Они должны быть полностью контролируемы. Подавление воли и желаний — единственный путь управления ими.

— Это же дети... — беспомощно сказал Олег.

— Это не дети. Это экспериментальные образцы, — сурово оборвали его. — Ваша задача — найти способ поддержания их высшей нервной деятельности на должном уровне. Если решения задачи нет — Вы устраняетесь от участия, эксперимент признается неудачным, образцы уничтожаются, проект закрывается.

Олег вышел от руководства с четким ощущением надвигающейся катастрофы. Ничего не предпринимать — это значит позволить детям стать расходным материалом. А предпринимать ему, по сути, ничего не разрешили.

Пробовал давать им препараты, стимулирующие нервную деятельность, антидепрессанты — эффект был практически нулевой. Юрка на занятиях вместо металлического бруска материализовал овощное рагу, которым детей кормили накануне — за что воспитатель жестоко отхлестал его ремнем на глазах других детей. Мальчишка жалобно плакал, остальные дети молча смотрели в пол. Девочки жались к стене. Олег пытался вмешаться, но его мягко попросили не влезать в воспитательный процесс. Хорошо, хоть позволили забрать мальчика в медблок после наказания.

Юрку пришлось нести на руках. Когда Олег со своей ношей выходил из учебной комнаты, одна из девочек сделала было несколько робких шагов за ним.

— Иза, куда? — остановил ее воспитатель.

Олег посмотрел на девочку. Стоп. Это как-никак волеизъявление. Или попытка...

— Я беру ее с собой, — сказал он поспешно. — Сниму энцефалограмму и приведу обратно. Иза, идем со мной.

В блоке уложил Юрку на кушетку, указал Изе на стул — та послушно села. Прибывший педиатр принялся набирать в шприц обезболивающее. Мальчик плакал, девочка робко смотрела в его сторону. Сострадание?

— Что ты чувствуешь, Иза? О чем думаешь?

— Ему больно, — тихо ответила она.

— А тебе?

— Мне страшно.

Педиатр сделал Юрке укол и ретировался. Олег подошел, положил под голову ребенку подушку и укрыл простыней.

— Отдохни, малыш.

Перехватил внимательный взгляд девочки. Растерялся. Что сказать? Вопрос «что ты хочешь» она вряд ли поймет. Или ответит, что ничего. Волеизъявление для них запрет. Подумал. Улыбнулся ей и сказал:

— Можно.

Она подошла, приподняла край простыни и погладила Юркину руку. Олег удивленно приподнял брови: ого. А ведь не все так плохо...

— Иза, ты и сейчас боишься?

Она долго молчала, глядя себе под ноги. Олег смотрел на нее и думал о причине: нехватка слов или настолько запутана?

— Да, — наконец выдала она.

— Я тебя не обижаю. Не наказываю. Не повышаю голос. Чего же ты боишься?

На этот раз молчание тянулось еще дольше. Мысль явно давалась с трудом.

— Ты не такой.

— Хорошо. Тогда договоримся так: раз я не такой, меня не надо бояться. И здесь вообще не надо бояться.

Она послушно кивнула. Метнулись тоненькие черные косички. Олег погладил девочку по голове и ощутил, как Иза замирает, ловит эту незамысловатую ласку. Боятся, да... Но теперь он точно знал, что ей нужно. Да и не только ей...

Он пользовался любым предлогом, лишь бы забрать детей из-под контроля воспитателей. Чаще водил их на осмотры, подменял сослуживцев, в обязанности которых входило гулять с ними в сквере (как уж те были рады избежать скучного времяпрепровождения...), делал обходы тесных неуютных детских спален перед сном. Просто коснуться. Улыбнуться. Вызвать любую положительную реакцию. Или хотя бы исключить понятие «страх» — хоть ненадолго. День за днем. Неделя за неделей. Витамины и ноотропные препараты были лишь для прикрытия. Коллеги-врачи обрадовались появлению в коллективе фанатичного трудоголика и совершенно отошли от дел. Олег молчал. Не вмешиваются — тем только лучше делают.

Результаты были странными. Девочки откликались на ласку обе. С мальчишками было сложнее. Костю присутствие Олега успокаивало. Антон говорил с ним больше и охотнее остальных. Максим оставался полностью безразличен. Юрка же боялся Олега едва ли не больше офицера, который обычно вел у них занятия и который чуть что — бил. Пятеро из шести. Пусть хоть как-то, но их еще можно было спасти.

Олег пристально следил за результатами своих действий. Вел записи, в которых фиксировал малейшие изменения в состоянии, поведении и достижениях каждого из шестерых. Доклаживал руководству

еженедельно. Молчал лишь о том, что предпринимает на самом деле. Его сдержанно хвалили. Даже пошли навстречу его пожеланиям и отстранили от работы тупую и ленивую медсестру Свету, присутствие которой Олега только раздражало.

В ноябре стало совсем холодно, и детские прогулки запретили. Настроение в маленькой компании сразу упало. Малыши стали невнимательными, на них кричали, у Гали совершенно пропал апшетит, Антон перестал улыбаться. Олег обратился к руководству с просьбой возобновить прогулки.

— Это их радость. Одна из немногих, и притом — самая большая. А вы запретили...

Странно, но к нему прислушались. Через несколько дней одетых по-зимнему детей выпустили в сквер. С ними отправили Олега, поэтому четверым малышам никто не мешал улыбаться.

Новый Год Олег планировал встретить с семьей, но так как никто из родни даже не позвонил ему с приглашением, решил остаться на работе.

Купил продуктов, настрогал себе пару нехитрых салатов, запек в микроволновке куриный окорочок. Яблоки, мандарины, бутылка шампанского. Вывел на монитор компа старую фотку Яси — не пить же в одиночестве... С сослуживцами праздновать не тянуло.

Отговорил по радио президент, пробили куранты. Олег отпил шампанского, задумался... и понял, что желание так и не загадал. Стало неудобно, захотелось просто выйти. Отвлечь себя движением. Встал, выключил радио, вышел в коридор.

Откуда-то доносились возбужденные веселые голоса, смех, звон бокалов. Сослуживцы вовсю праздновали — те, кто остался сегодня дежурить. Новый год — это именно тот праздник, который прокладывает четкую границу между теми, кто кому-то нужен, и теми, кто не нужен никому. Олег усмехнулся. Да ерунда это... нужен. Просто родители считают, что он настолько взрослый, что ему лучше в компании друзей, а друзьями он тут не обзавелся. Не успел. Слишком ушел в работу, быть может... А может, ровно настолько, насколько было нужно.

А детям даже по лишней шоколадке не дали. Что уж там о подарках... И ему запретили. Праздник, черт подери. Праздник... Неотъемлемый атрибут детства.

Постоял у окна, выходящего во двор НИИ. Снежная пелена делала небо мутно-серым, похожим на подсвеченную со стороны грязную воду. Снежинки подлетали к окну, заглядывали Олегу в лицо — и испуганно шарахались прочь. Он подумал, что снег хранит память о губительности теплого дыхания — вот инстинктивно и отлетает от стекла. А фонари привлекают снежных бабочек точно так же, как и обычных...

Ощущение, будто толкнули в плечо. Обернулся — никого, конечно. Призрак Деда Мороза, не иначе. Прошелся по этажу — тихому, темному.

Лишь из окон, образующих практически полностью одну из сторон коридора, лился сероватый свет с улицы. Проходя мимо детских комнат, Олег замедлил шаг. Двери в маленькие боксы были прозрачными с внешней стороны — удобно для наблюдения за их обитателями.

Иза не спала. Стояла у двери, прижавшись к ней лбом и ладонями. Словно долго-долго пыталась открыть и устала. Олег провел по замку удостоверением-пропуском — дверь открылась. Иза отступила на шаг назад.

— Иза, это Олег. Не пугайся. Почему ты не спишь?

Она молча пожала узкими плечиками. Олег снял с неразобранной кровати одеяло, укутал девочку и вынес ее в коридор. Встал с ней у окна. Иза вдруг осмелела и прижалась к щеке Олега затылком.

— Что ж ты косички на ночь не расплела? — спросил он шепотом.

— Никто не пришел, — ответила она.

— Ты же сама умеешь, — улыбнулся он.

Иза высвободила руку из складок одеяла, коснулась стекла, пытаясь поймать пролетавшую за окном снежинку. Посмотрела на Олега просящим взглядом. Обычно за этим взглядом таилось желание сказать — а это желание давилось в детях безжалостно. Их приучили говорить только тогда, когда спросят.

— Можно, Иза. Я тебе все разрешаю.

— Ты мог прийти, — ответила она, тщательно подбирая слова.

Еще одно табу — слово «хочу».

— Ты хотела, чтобы я пришел?

В больших темных глазах метнулся страх. Олег перехватил ее поудобнее, поправил одеяло.

— Хотеть нельзя. Дети для того, чтобы слушаться... — прошептала девочка.

— Это на занятиях. Не здесь.

Олег задумался, как бы объяснить девочке, что с ним рядом бояться не надо. И не надо бояться вообще.

— Послушай, Иза... Из тарелки есть можно?

— Да.

— А с пола?

— С пола нельзя. За это наказывают.

— Правильно. Вот и со мной — можно. Как есть из тарелки. Я не наказываю, ты же видишь.

— У тебя нет ремня. И другая одежда.

— Ага, — усмехнулся Олег.

Иза скользнула по его лицу взглядом, посмотрела в окно. Снег летел, бился об стекло, бессильно падал вниз...

— Отнести тебя спать?

— Нет.

— Побывать с тобой?

Она кивнула. В коридоре было прохладно, Олег боялся, что девочка замерзнет. Подумал о том, что до утра все равно никто не хватится ее, и забрал в свою мини-квартиру (всего лишь маленькую комнату с ванной и туалетом). Устроил на диване, сел в ноги.

— Кушать хочешь?

— Нет.

Взял со стола конфету, протянул Изе — хоть чем-то ребенка угостить, праздник все же... Девочка уставилась на него с непониманием. Болван ты, Олег! Им же ни разу не давали таких вещей. Шоколад — и тот без оберток...

— Это вкусное. Разверни фантик и ешь.

— Фантик... — она указала на конфету. Потом умоляюще уставилась на Олега: — Скажи...

— Фантик. В него заворачивают вкусные конфеты.

Пошелестел бумажкой, извлек лакомство, отдал девочке. Она зачарованно смотрела на мятую обертку, как будто в конфете именно это было главным. Олег протянул ей фантик. На фантике аляповатые человечки водили хоровод. Иза приняла мятую бумажку в ладони так, будто ей доверили самое величайшее из сокровищ мира. Замерла, рассматривая рисунок. Потрогала пальцем. Попробовала на язык. Перевернула. Положила обратно на ладонь. Подняла на Олега огромные глаза, в глубине которых плескалось искреннее изумление.

— Сказать? — предугадал он ее просьбу.

— Да...

— Хорошо. Только помни про то, что есть можно только из тарелки, ладно?..

Память почему-то не сохранила, как именно он объяснил Изе, что такое рисунок и для чего он нужен. Но Олег на всю жизнь запомнил, с каким торжественным выражением лица она слушала его: так, будто узнала самую большую на свете тайну, которую не выдала бы ни при каких обстоятельствах.

Через неделю он тайком принес ей маленькую детскую книжку с картинками. Десяток растрепанных страничек со стишками для самых маленьких. И на каждую страничку пришлось с десяток изумленно-просящих «скажи...». И он говорил, говорил...

Это стало ритуалом: каждый вечер Олег укладывал детей спать сам. Руководство разрешило, убедившись в том, что четверо из шести детей реагируют на присутствие врача улучшением результатов занятий и медицинских тестов. Олег тихо гнул свою линию, в докладах делая упор на результаты человеческого отношения к детям. Именно тепла и общения. Про конфеты и книжку с картинками он молчал.

И, к сожалению, из всей шестерки лишь Изу в конфетах интересовали фантики. Антон, Галя и Костя видели только сладкое и ласку, Юрка

смотрел на Олега волчонком, а Максим так и оставался безучастным и замкнутым. Иногда Олегу казалось, что у маленького Макса в голове нет ничего, кроме кнопки, сигнал от которой включал в ребенке способность к копированию предмета с картинки или муляжа.

В середине лета Олег впервые рассказал Изе перед сном сказку. Самую простую, про курочку рябу. Впечатлений и просьб, заключенных в волшебном слове «скажи», хватило на неделю.

— ...Не уходи.

— Иза, пора спать. Я вернусь завтра. Ты же знаешь.

— Не уходи. Скажи еще.

Присел на край жесткой кровати, поправил одеяло. Улыбнулся звездам, сияющим в больших карих глазах.

— Я скажу завтра. Сейчас нельзя. Если я задержусь дольше, меня могут больше не пустить к тебе.

— Есть только из тарелки...

— Да, моя хорошая.

— Олег... Ты — это хорошо. Ты гладил по голове, улыбаешься и рассказываешь сказки. Будь всегда.

Усмехнулся грустно. Аккуратно расплел тоненькие черные косички.

— Увы, это не все, что нужно для счастья, Иза. Все. Баньки, моя девочка. Спи.

К пятнадцати годам их осталось четверо. Юрку забрали психиатры: мальчик вел себя, как забитый зверек, пытался спрятаться при любом удобном случае и впадал в истерику при обращении к нему. Максим тихо угас от пневмонии ранней весной. Оставшиеся держались тихой стайкой.

Поздними вечерами, когда все расходился из «детинца», Олег учил Изу читать. Давалось сложно: трудно было объяснить, что такое буквы и почему слова не нарисованы картинками — ведь картинки гораздо интереснее. Некоторые буквы ей откровенно не нравились: «пп», «пц» и «ц» она называла не иначе, как «вилки» и друг от друга не отличала весьма долгое время, буква «ж» ее чем-то необъяснимо пугала. Смысл твердого и мягкого знаков Олег так и не смог объяснить. В общем, процесс обучения давался с трудом.

— Иза — вот, — показывала она на себя пальчиком. — А эти буквы — не Иза! Можно сказать словами, зачем буквами, Олег?

— А как ты будешь сказки читать?

— Я буду их рассказывать. Как ты. Ты же сказатель...

С великим и могучим русским языком тоже были проблемы. Иза оказалась невероятно изобретательной на слова. Сказатель — потому что сказал, рассказывал сказки. Буквы, а не буквы — потому что буквы вкуснее говорить. С кровати утром она сногивалась — вставала на ноги, следы на снегу звала темнотками, подоконник — локотником. Олег пытался «выправлять» слова, но Иза со своими неологизмами была настолько изобретательна и упорна, что он махнул на это дело рукой.

Дети росли. Олег с любопытством и тревогой наблюдал за тем, как они менялись. Даже сквозь беспрекословное послушание отчетливо проступали черты характера. Не было ничего проще, чем рассмешить пухленькую светловолосую Галю, и труднее, чем оторвать Антона от созерцания неба на прогулках, — разве что суровым резким окриком воспитателя. Никакие наказания не выбивали слез из спокойного, ясноглазого Кости, дававшего на занятиях самые хорошие результаты. Тихая Иза всегда стремилась пожалеть наказанных и больше других была подвержена перепадам настроения. Странно, но во всем НИИ никто не воспринимал их, как детей. Никто, кроме Олега.

— Как ты вообще можешь проводить с ними столько времени? — удивлялся Виталий — один из офицеров, проводивший с детьми занятия-тренировки. — Они же тупее овец. И опаснее психов. С ними невозможно общаться. Я не удивлюсь, если по итогам эксперимента этой осенью проект закроют. И так денег выделяют все меньше и меньше. С нас требуют настоящих результатов, а они настолько тупы, что не могут ничего, кроме копирования предметов. На нужное расстояние переместить их не могут — хорошо, хоть в нужном направлении перемещают. И то частенько хрень всякую материализуют. Лупи — не лупи... Бестолковщина.

— Кормить надо досыта — тогда они будут думать о том, что вам от них надо, а не о том, чего им в данный момент больше всего хочется, — мрачно ответил тогда Олег.

— Может, еще усыновишь их, а? Или женишься на одной из овечек годика через два?..

Он не обращал внимания на гогот, плоские шуточки и сплетни. Для человека, живущего только своей работой, не существовало никаких других радостей. Да. Это были его дети.

Смотр осенью они практически провалили. Мальчики с заданиями справились успешно, а девочки...

Иза разбудила Олега в четыре часа утра. Он проснулся и понял — зовет. Просто почувствовал неладное. Натянул брюки, набросил сверху белый халат и босой, выбежал в полутемный коридор спящего НИИ.

Девочка сидела в углу комнатухи — сжавшаяся в комок, растрепанная, плачущая почти беззвучно.

— Иза, малыш, ты что? Что случилось?

Олег щелкнул выключателем, тусклый свет ночника сменился искусственным днем. Темные пятна на полу, подол застиранной до потери цвета ночной рубашки, судорожно зажатый между коленями, также в подсохших бурых и свежих алых... И перепачканные красным маленькие руки.

— О господи, Иза... Не плачь, все в порядке.

Присел рядом с ней, накрыл сорванным с кровати одеялом. Иза вздрагивала, глотая слезы, и испуганно повторяла:

— Я не сделала ничего... Я была послушной, я хорошая... За что меня наказывают? За что?

— Тихо-тихо, никто не наказывает тебя. Я понимаю, что ты испугана, но давай-ка успокаивайся. Пойдем, тебе ополоснуться надо.

Отнес ее в душ, вымыл, вытер, одел в свою старую рубашку. До утра рассказывал, как девочка превращается в девушку. Говорил, что это таинство, сказка, это хорошо, это правильно. Иза успокоилась, притихла. Задумалась о чем-то. А днем на смотре не смогла выполнить ни одного задания, пребывая в состоянии непонятной Олегу отрешенности. Потом будто очнулась, поняла, что наказание неминуемо, и забилась в тихой истерике перед комиссией. Ее испуг передался Гале, и та с трудом выполнила несколько заданий. Выглядела она при этом до того затравленно, что со стороны казалось, что девчонка исполняет приказы под дулом пистолета.

Принятое комиссией решение повергло Олега в глубочайшее уныние. Результатами эксперимента высокие чины остались недовольны, и проект решено было закрыть — как малорезультативный. А когда после отъезда гостей Олег обратился к руководству с вопросом, что будет с детьми — нарвался на ледяное:

— С какими детьми? Не значится в документах никаких детей.

В приоткрывшуюся дверь заглянул красный, встрепанный Виталий.

— Господин полковник, разрешите доложить...

Руководство устало приподняло седую бровь.

— Ну что там, Виталий? И давай без чинов.

— Дети отказываются повиноваться приказам.

Олег оттолкнул стоящего в дверях офицера и помчался по полупустому коридору в противоположное крыло. В голове металась одна мысль: только бы ничего не натворили... Только бы не прорвало на полную реализацию их способностей.

Вся четверка обнаружилась в коридоре. Сбившись в тесный живой комок, мальчишки и Галя закрывали собой съезжившуюся на полу плачущую Изу. На окрики и побои дети практически не реагировали — лишь вздрагивали и жались друг к другу плотнее. Олег плохо помнил, куда и кого он бил, ему плевать было на приказы и последствия их нарушения. Это были его дети. Его. И кроме него некому было их защитить.

Оттащили, заломили руки за спину, по-доброму успокоили коленом в живот. Прежде чем его уволокли, успел крикнуть:

— Иза! Ты — сказатель! Надо поверить! Открой дверь, беги! Можно!..

— Зря ты это сделал, Олег.

Болело все. Или только скованные за спиной руки? Боль пульсировала в вывернутых запястьях, змеилась по телу, впивалась кривыми острыми зубами. Больно было даже от солнечного света, льющегося из окна. Олег поерзал на стуле, отворачиваясь от раздражающего сияния. Пахло осенними кострами, горьковатой листвой.

— Ты прекрасно знал, к чему это приведет. Ну, дал ты им ласку, расслабил — и что? Ради чего ты научил их огрызаться, идиот? Они все равно не смогли бы оказать должного сопротивления. Ты обрек проект на провал, а образцы — на уничтожение. Эти существа без чувства страха способны угробить мир. Ты понимаешь?

Руководство не то, чтобы гневало и топало ногами — скорее, пребывало в отчаянии. Иначе Олега расстреляли бы еще вчера, а не притащили бы на этот моноспектакль. Он просто молчал и старался не слушать. Слова усиливали головную боль.

— Зачем ты это сделал, отвечай!

А что ему было ответить? Что он любит этих детей? Что Иза ему дороже всего НИИ, всех секретов государства с его миллиардами? Что у детей должно быть детство и право на сказку? Что не все можно держать в кулаке, не всего добьешься угрозами и подавлением? Не поймет все равно. Олег молчал, глядя в пол.

— Иза все рассказала, можешь не отпираться.

Ерунда и ложь. Она послушная, знает правила. Про тарелку — любимая приписка. Он улыбнулся и покачал головой. Мели, Емеля...

— Зря не веришь. У нас есть способы заставить говорить даже немного.

Полковник взял со стола диск, вставил его в привод компьютера, запустил. Олега развернули лицом к экрану. От увиденного перехватило дыхание.

Бледное личико с дорожками от слез на щеках. Обесмыслившийся взгляд больших и неподвижных, как у куклы, глаз. Ни страха, ни искорки жизни. Ремни, фиксирующие к подлокотникам кресла тоненькие руки у локтей и запястий. Покрытые синяками и ссадинами маленькие ступни, не достающие до пола. Тихий, бесцветный голос:

— Он сказывал сказки. От сказок тепло и тянет вверх. Улыбался — и улыбались мы. Не страшно. Картинки яркие. Их можно рисовать в голове — никто не видит, не узнает, не отнимет, не накажет. А с ними хорошо... Он хороший. Лучше всех. Он никогда не делает больно и плохо. Всегда рядом — и становится хорошо. Он приносит сказку — и страх уходит... Я не боюсь. Придет Олег. Он сказатель.

Олег понял, что плачет.

За неимением карцера Олега заперли в одном из пустующих боксов. До выяснения обстоятельств и принятия окончательного решения — как сказал ему приносящий еду солдатик. Дни тянулись один за другим, ничего не происходило. Только сны. В них его звали дети. И Иза — тянула за руки. «Скажи... скажи...»

Присутствие Изы он чувствовал почти постоянно. Как ноющую боль, как неудержимое желание бежать, полагаясь лишь на интуицию, как гнетущую тоску. Знал точно — зовет, просит. Говорил вслух в пустой надежде, что его уникальная девочка услышит сквозь стены и расстояние. Говорил,

что все хорошо, что она сама — сказатель хоть куда... Скажет, пожелает — и все исполнится. Иза, только пожелай крепко-крепко, слышишь?..

Потом сны пропали. Резко.

К вечеру ему сказали, что детей больше нет. Врете вы все, вымученно усмехнулся он, Иза здесь. Он ее все еще чувствовал.

Ночью в городе были сирены, не смолкая до утра.

А утром пожаловало само руководство.

— Тебе повезло, парень. Эвакуация. В столице доигрались с одним из наших образцов — из тех, кого они якобы к психиатрам забрали. Пожар на АЭС за городом, локализовать не удастся. У тебя шанс исчезнуть. Ты молодой парень, начнешь все с начала — если повезет убраться отсюда. Протоколы допросов я потерял, расследования по срыву проекта не будет.

— Господин полковник!

Руководство остановилось в дверях.

— Что еще?

— Их... всех?

Полковник выглянул в коридор, убедился, что с Олегом он один на один. И только потом ответил:

— Иза пропала. Из-за тебя. Хотя разницы нет никакой: реактор рванет — и ее не станет.

— Как пропала? В каком смысле?

— В прямом. Дверь в стене. А за дверью — поле ромашек. Ромашковое поле за порогом — и на уровне седьмого этажа. Представляешь себе такое? Туда никто не сунулся. Все, хватит вопросов. Беги, если есть куда. Теперь уже все равно.

Полковник молча вложил ему в руку пистолет — тот самый, что у Олега изъяли первым делом после того, как арестовали.

Олег прошел по опустевшему зданию. Никого. Все уже эвакуированы, что ж полковник-то — в числе последних?.. Постоял у окна возле детских спален и вернулся в свою комнату. Плюхнулся на кровать. В голове было пусто и гулко.

Отлично. Горит АЭС. Если объявлена эвакуация города — там безнадега. Полная. Чернобыль все еще помнили многие. А тут будет посерьезнее Чернобыля. Ядерный взрыв. В радиусе нескольких десятков километров не останется ничего живого. А тех, кто успеет сбежать, достанет радиация. Сколько времени проживет человек, получив огромную дозу облучения? Немного. Явно немного. И уходить на тот свет от острой лучевой болезни — препогано.

Эвакуация по сути своей бесполезна. Стоит ли рыпаться? Безусловно. Только для себя он не находил веской причины бежать, очертя голову.

Включил радио. Послушал новости. По прогнозам, пламя доберется до реактора часов через шесть — или меньше. Сколько это — «меньше»? Пять, час, минута? Посидел, полистал бумаги с рабочего стола. Дневники,

доклады, бланки анализов, ленты кардиограмм — вперемешку с детскими книжками. Основательно искали, да...

«Скажи...»

Он замер, держа в руках книжку. А ведь Иза где-то здесь. Уже здесь или вернется. Обязательно вернется — ведь некуда ей больше идти. И он здесь. Он ее дожждется.

Олег переоделся, пристроил в боковой карман куртки пистолет с полной обоймой, сунул в карман служебное удостоверение и пошел бродить по безлюдным коридорам.

...— И жили они долго и счастливо.

Водитель чуть сбросил скорость, обернулся.

— А ты сказочник. Может, еще и волшебник к тому же? Сотвори-ка чудо. Ведь не сможешь. Что толку от твоих сказок? — он выругался в полголоса, сплюнул в окно. — Сдохнем все.

— Витя, хватит! — умоляюще вскрикнула женщина.

— А что хватит-то?

— В самом деле, мужик, успокойся, — сурово сказал Олег. — Не нагнетай. Не пугай ребенка.

Иза погладила его по щеке. От прикосновения маленькой теплой ладони захотелось закрыть глаза и перестать думать. Чувствовать эту ладошку вечно...

— Олег, скажи...

— Что, моя хорошая?

— Почему будет больно?

— Не будет. Все хорошо. Не думай об этом.

— Думай, не думай, а горит здесь все, — снова влез водитель. — Ядерный реактор — это не детская хлопушка. Огонь все пожрет, ничего не оставит. Да, и жить здесь нельзя будет лет сто. Вот она — правда жизни, не сказка.

Девочка задумалась.

— Есть огонь — будет больно. Не станет огня — не будет больно... Я только должна крепко-крепко захотеть...

Кошка с воплем сорвалась с ее колен и нырнула в щель между коробками.

— И была ящерица, что искала тепла в огне, да не находила и замерзала, забирая пламя...

Олег оторопел. Его слова. Эту сказку он рассказывал Изе больше года назад. Он даже толком уже и не помнил, о чем она была.

— И носили ее по миру ледяные ветра тоски, и не было ей покоя...

Водитель ударил по тормозам — настолько резко, что Изу рвануло из рук Олега. Он судорожно прижал ее к себе, взглянул вперед...

Посреди дороги стояла саламандра. Огромная — размером с откормленную крупную корову. Золотистые отблески играли на теле ящерицы в свете фар. Янтарные глаза внимательно взирали на Изу. Олег даже не успел

ничего сказать, как девочка выскочила из машины, подбежала к ящерице и обняла ее за шею.

— Хорошая... красивая... помоги. Потуши огонь. Пусть не будет больше больно и плохо мне и Олегу...

— Бред, — отчетливо произнес водитель. — Это какой-то бред.

Олег вышел из авто, подошел к водительской двери, распахнул ее.

— Выметайся. И быстро, — приказал он водителю. И женщине: — Вас тоже касается. Поможете нам — имеете большой шанс уцелеть.

Пистолет в его руке был надежным аргументом. Ему подчинились беспрекословно.

— Иза, садись скорее!

Она послушно устроилась рядом с ним.

— Мы ее проводим?

— Да.

Помог девочке пристегнуться, бросил взгляд на саламандру. Та с интересом разглядывала замерших у обочины владельцев машины. Вернее, бывших владельцев.

— Давай за нами, милая, — шепотом сказал Олег, сядя за руль.

Иза смотрела на него сияющими глазами.

— Олег...

— Всегда-всегда. Я никуда не уйду. Я тебя люблю.

Посмотрел на часы. Развернул машину. Высунулся в окно, посвистел саламандре. С удивлением пронаблюдал, как пасть ящерицы расплывается в широченной улыбке, и понял, как на самом деле мало нужно, чтобы поверить даже в самое невероятное. Крепко-крепко поверить...

Летела по дорогам опустевшего города одинокая легковушка. И следовала за ней великолепная огненная саламандра — легко, словно несли ее ветры. Улицы взирали им вслед расширенными зрачками окон. Время замедлило ход, заморожено любуясь заревом над горящим зданием реактора. Замершие вдалеке в тревожном ожидании люди и понятия не имели о том, что Сказатель уже родился.

В мир возвращалась сказка.

28.08—2.09.08 г.

МАЙК ГЕЛПРИН

ПРИДУРОК

Н ет ничего хуже, чем продрать утром глаза не оттого, что пора, а оттого, что стреляют. А постреливают у нас частенько. И никогда не знаешь, папашка в драбадан нажрался и теперь палит по белкам, прискакали с соседнего ранчо Безголовый Джим Тернер, которого хлебом не корми, дай пошуметь, или дочка его, тощая Линда, отваживает очередного ухажера.

Но я вам так скажу: папашка под мухой и Безголовый олух с ранчо Литтл-дог — это полбеда. Даже худосочная Линда, у которой нрав, что у необъезженной кобылы, еще не беда. А беда, если накатила из Кактусовой пустоши банда Костявого Бада Покера. Если грабанули парни ночным временем лавку или салун, и теперь возвращаются восвояси, а шериф Джо, у которого команда почище банды Костявого будет, их преследует. А беда это потому, что на Кактусовую пустошь путь всего один, и проходит он ровнехонько через Чертов перевал. А там, на склонах, братья мои старшие, ковбои недоделанные, выпасают стадо. И, как пальбу услышат, обязательно ввяжутся, все трое. И, глядишь, новые холмики на семейном кладбище появятся, аккурат между тем, под которым лежит мама, и теми двумя, под которыми — Гарри и Пит. Шестеро нас было всего, погодков. А осталось лишь четверо, если меня считать, хотя меня считать не каждый станет. Чего, говорят, придурка за человека считать, разве что только за половину. Придурок — он придурок и есть.

В это утро пальба началась, едва петухи пропели. Я скатился с кровати и, путаясь в ночной сорочке, на четвереньках попылился к окну. Это папашка мой разудалый выдернул бы из-под подушки два кольца да и засадил бы на звук, а после разбирался бы, чего стреляли. Или Грег, старший из оставшихся братьев, он вообще вылитый папашка, разве что с девками меньше путается. Да и остальные двое труса праздновать бы не стали. А я вот честно скажу: боюсь, что меня пристрелят. Ну, да мне простительно, что с придурка взять: мало того, что на башку слабак, так еще и слабак по жизни.

В общем, не успел я до окна добраться, как дверь входная отворилась. Да не просто отворилась, а от такого пинка, что позавидовал бы наш саврасый, которому как кого лягнуть, так равных в округе нету.

Я уже и с жизнью прощаться начал, однако обошлось.

— Том, ты дома, сынок? — от двери орут. Голосом, от которого кони шарахаются. Такой голос только у одного человека на всю округу — у горлопанистого шерифа Джо. Я иногда думаю, что его в шерифы за голос и произвели, больше-то все равно не за что.

— Дома, — говорю, — мистер, где мне быть-то. А что шумели, никак случилось чего?

Тут вслед за шерифом вся его команда вваливается — семь рыл в полной боевой сбруе и при пушках, а дышат так, будто каждого миль пятнадцать галопом гоняли да еще кнутом подбадривали, чтобы шибче копыта переставлял.

— Случилось, сынок, — шериф Джо отвечает. — Случилось. Беги, отпирай конюшню, Том, мы лошадей возьмем, наши запалились уже, мы их здесь оставим.

— Не могу, — говорю, — господин шериф. Папашка меня застрелит, как вернется, если коней отдам.

Тут шериф подходит ко мне, руку на плечо кладет и говорит:

— Времени у нас нет, сынок. Отпирай конюшню. Не станет отец на тебя сердчать, он уже больше ни на кого сердчать не станет. Убили твоего отца, Том, застрелили три часа тому назад, когда салун грабили. Сам Костялый Бад и пристрелил, говорят. И не только его, много народу побили, там, в салуне, крупная игра шла, большой куш Костялый взял. Не догоним — уйдут ублюдки в Кактусовую пустошь, там их уже не достать.

На похороны вся округа съехалась. Стоял я под проливным дождем рядом с Линдой из Литтл-дог и под монотонное бормотание пастора Смита все гадал, почему она не плачет. Так ни одной слезинки и не обронила, пока в могилы одного за другим опускали отцов наших, а за ними и братьев.

Там, на склоне холма, за которым Чертов перевал начинается, и сложили они головы. Три моих брата и оба Линдиных вместе с ними. Стада рядом паслись, наше по восточную сторону от Кривой тропы, что к Чертову перевалу ведет, а их — по западную. Так оба стада за перевал и угнали. Шериф Джо говорит, что простить себе не может, на считанные минуты опоздали всего, на склоне могли бы всех снять, а как к перевалу рванули, встретили их оттуда огнем, едва сами уцелели. А еще он говорит, что после такого дела уйдет из наших краев Костялый Бад. Стада продаст перекупщикам по дешевке и уйдет. Вмести с теми деньгами, что в салуне взяли, банде теперь надолго хватит.

— Но ты не отчаивайся, Том, сынок, — шериф еще сказал. — И ты, дочка. С голоду вам, сиротам, умереть не дадим. За ранчо ваши неплохие деньги выручить можно, даже без скотины. Земля нынче в цене, найдем покупателей, сейчас людей с деньгами много. Поедете в Хьюстон или даже в Даллас, там к какому-никакому делу пристроитесь. Жить-то надо, ребятки, всем надо, даже полным сиротам.

Сиротам... Только после его слов я осознал, что теперь сирота. И Линда Тернер тоже. Отца ее, Безголового Джима Тернера, вместе с моим в салуне угрохали. А мать умерла, когда ее рожала, так же, как моя, когда рожала меня.

— Что делать-то теперь будешь, Том? — Линда спросила, когда все закончилось, и соседи разъехались по своим ранчо. — Ты уже думал над тем, как будешь его искать?

— Кого искать? — не понял я. — Зачем?

— Тебе следовало родиться женщиной, Том, — сказала Линда. — А мне — мужчиной. Господь Бог ошибся, когда поступил с нами наоборот. Так ты что же, не станешь его искать?

— Да кого искать-то?

— Бада Покера. Так и позволишь ему уйти в Мексику прогуливать жизни твоей родни?

— Ты, наверное, считаешь, что я теперь должен отправиться вслед за остальными? «Искать Бада Покера», — передразнил я Линду. — Мне? Даже, допустим, найду я его. Что дальше? Он меня пристрелит, как муху, походя. А не он, так его парни. И какой в этом смысл?

— Тебя не зря прозвали придурком, Том. Смысл ищешь... Я была не права, когда сказала, что тебе не следовало рождаться мужчиной в семье ковбоя. Тебе вообще не следовало рождаться. Такие, как ты, не имеют права жить. Ты сам-то не чувствуешь, какая произошла несправедливость, Том? Семь человек убиты, отчаянные, храбрые парни. Они не стали бы искать смысла на твоём месте. Они и жить бы не стали, не отомстив. А ты вот живешь, Том. И будешь еще, наверное, долго жить. Кому ты нужен. Таких, как ты, даже смерть не берет, на тебя и пулю тратить не станут.

Это она верно сказала. Никому не нужен. С детства. Придурок, что с меня взять. Я к семнадцати годам на лошади-то ездить не научился. Так, на кляче разве что старой могу. И стрелять не умею, меня от пороховой гари тошнит, и голова кружиться начинает. Плаваю как топор, бегаю, как поросая свинья, летом меня знобит, зимой — в жар кидает. А главное — люди говорят, что глаз у меня дурной. И язык подстать глазу — мелет неведомо что. Я сначала не верил, а потом и сам призадумался. А затем и уверился. В том, что вижу то, что случиться должно. Не глазами, сам не пойму чем, но вот вижу, и все.

Мне еще и тринадцати не сравнялось, когда выменял себе Рыжий Боб Хансен скакового жеребца. Полгода его торговал у лошадника, всю кровь у того выпил, наконец, уломал. Красавец жеребец был, Боб на нем к нам и прискакал с папашкой-покойником приобретение обмывать. А я посмотрел на коня вскользь, да и говорю:

— Не жилец жеребец-то. И недели не пройдет, как богу душу отдаст.

Рыжий Хансен аж поперхнулся, когда услышал. А как уехал, отец

меня выпорол и велел язык поганый на привязи держать, чтобы, дескать, не позорить семью перед приличными людьми.

Недели не прошло, как споткнулся под Бобом жеребец на горной тропе да и сиганул в пропасть, хорошо, Хансен в последнюю секунду соскочить успел.

Затем на свадьбе у Питерсонов сказал я старому Геку Питерсону, что нехорошую невесту себе его младшенький подобрал.

— На передок, мне сдается, слаба, — сказал я Геку и едва в штаны не навалил, когда тот схватился за кольт.

Элли Питерсон сбежала с заезжим цыганом через полгода после свадьбы.

Затем много чего еще было. И Длинный Джек Мур за одну ночь проиграл свое ранчо в покер после того, как я сказал, что ему лучше за карты в ту ночь не садиться. И половина стада у Носатого Абрахама Козна зимой издохла, а я ему еще летом говорил, что надо бы продать коровенок скупщикам, пока приличную цену давали. И Дебора, дочка Рябого Мика Джонсона обе ноги сломала, когда отцу помогала крышу править, а я ведь говорил: не лезь на крышу, Дебора, ногами по земле ходить надо. И много чего еще. В конце концов, от меня люди шарахаться начали да так и прозвали придурком. Отец покойный даже пороть меня перестал, хотя братьев до совершеннолетия каждого плетью нещадно учил. А на меня рукой махнул. «Неисправим ты, Том, — сказал, — прогнал бы я тебя из дома прочь. Не могу — через тебя мать твоя смерть приняла, когда рожала, в ее память лишь и кормлю тебя, дармоеда...»

— Дерьмо ты, Том, — сказала Линда мне на прощание. — Засохшее на солнце коровье дерьмо.

Трое суток прошло, а слова Линдины никак у меня из башки не шли. И, вроде, привык, что люди от меня шарахаются и придурком кличут, да и дерьмом, бывало, а вот от девчонки-ровесницы услышал, и проняло меня до самого нутра.

На четвертые сутки от осознания собственной никчемности я перестал спать, на пятые — есть. На седьмые сутки я был близок к тому, чтобы наложить на себя руки. На восьмые от этой идеи отказался.

Я вытащил из ветхого сундука папашкин старый кольт. На антресолях отыскал припрятанный туда одним из покойных братьев смит-и-вессон. Распечатав коробки с патронами, рассовал их по карманам и двинулся на конюшню седлать Звезду. Это была единственная кобыла, на которой я с грехом пополам ездил — дряхлая, ледащая, готовая в любую минуту откинуть копыта от старости. Через полчаса я покинул отцовский дом. Отъехал с полмили и оглянулся.

Когда-нибудь этот дом превратят в музей, подумал я. Прибьют мемориальную табличку «Здесь жил придурок, самый глазливый, черноротый и никчемный ковбой штата Техас, ныне, присно и вовеки веков, аминь».

Придурок, не умеющий стрелять, скакать, плавать, играть в азартные игры, пить виски и волочиться за юбками. Жить, и то не умеющий. Зато

с дурным глазом и болтливым грязным языком. Придурок, решивший стать кровавым мстителем под конец жизни. Каковой конец, безусловно, вскорости и наступит.

Бедолага Звезда околела, не добравшись всего пару сотен футов до вершины Чертова перевала. Наверное, это обстоятельство временно продлило мне жизнь, потому что иначе я наверняка сорвался бы вместе с лошадьёю с Кривой тропы и упокоился бы на дне пропасти либо по левую, либо по правую от нее сторону. Впрочем, не вполне понимаю, как я не сорвался с нее и пеший.

Преодоление перевала заняло у меня большую часть дня. Когда тропа, наконец, расширилась и, втянувшись в узкое ущелье между холмами Западной гряды, пошла вниз, я внезапно подумал, каково пришлось бедным коровам, которых бандиты Бада Покера гнали по Кривой тропе в спешке да еще преследуемые по пятам людьми шерифа Джо. Подумал, и явственно ощутил себя пускай и не крупным, и даже не рогатым, но уж точно скотом.

Ночевать я улегся под открытым небом и вскорости уже стучал зубами от холода. Проворочавшись с боку на бок еще с полчаса, я поднялся и, прокляв собственную несуразность, отправился куда глаза глядят. Точнее, куда не глядят, потому что в неверном ночном лунном свете разглядеть что-либо не представлялось возможным.

Когда начало светать, я впервые пожалел о том, что опрометчиво не запаса пищи в дорогу. К полудню я уже клял себя за это. К вечеру уразумел, что подохну с голоду. В довершение всего я понятия не имел, куда иду и даже откуда — найти дорогу назад я уже был не в состоянии.

На следующее утро я сделал последний глоток из фляги и запустил ею в ближайший кактус. К этому моменту я едва волочил ноги. Дурацкие, заткнутые за пояс пистолеты весили, наверное, под тонну каждый. Усевшись на землю, я отстегнул кобур с кольцом и отправил ее вслед за флягой. Затем взялся за смит-и-вессон. Неожиданно я подумал, что сдохнуть, ни разу в жизни не выстрелив, по крайней мере, неразумно. Кое-как я зарядил пистолет и принялся наводить на кактус, на котором, зацепившись за колючки, болталась фляга. Руки ходили от холода ходуном, и в результате, плюнув на меткость, я открыл огонь. Кактус мне поразить так и не удалось. Зато удалось другое — я внезапно услышал ответный выстрел.

Оба молодчика выглядели в точности так, как я представлял себе бандитов — с заросшими щетиной скуластыми, кирпичными от загара довольно гнусными рожами.

— Кто таков? — сдерживая коня и наводя на меня ствол, спросил тот, что помоложе.

— А какая вам разница, мистер? — вопросом на вопрос ответил я.

— Я скажу тебе, кто он такой, — проговорил тот, что постарше. — Это покойник.

— Подожди, Панчо, покойником мы его сделать успеем.

Молодой прыгнул с коня, подошел и, стволом задрав мне вверх подбородок, участливо спросил:

— Скажешь, кто ты и зачем здесь или предпочитаешь проглотить пулю?

— Скажу, — отказался я от нежеланного угощения. — Меня зовут Том, мистер. И я здесь потому, что имею дело к Костявому Бад Покеру.

Молодчики хором расхохотались.

— Дело к Костявому Бад! — давясь от смеха, проговорил Панчо. — Нет, клянусь, я давненько так не веселился. С Костявым Бадом лучше дел не иметь, парень, — отреготав, сказал он. — Те, кто имели до него дело, давно на небесах.

— Ладно, Панчо, посмеялись и будет, — сказал молодой. — Так какое у тебя к нему дело?

— Хочу сыграть с ним в покер, — выпалил я.

— В покер?! С Бадом?! — не поверил молодой. — Ты рехнулся, парень. И на что ты желаешь с ним сыграть?

— Это не ваше дело, мистер, — ответил я. — Мне играть, а не вам, значит, мне и предлагать ставку.

— Нет, Панчо, а парень определенно мне нравится, — сказал молодой. — Встречаются же в этой жизни такие придурки. Слышишь, как тебя, Том, ты знаешь, что ты — придурок? Настоящий.

— Знаю, — не стал отрицать я. — У меня и прозвище такое. Вы тоже можете называть меня придурком, мистер, меня все так зовут.

Костявый Бад костявым вовсе не был, а, напротив, оказался дородным детиной с вислыми подковообразными усами, достающими до объемистого двойного подбородка. Я сообразил, что прозвищем Бада наградили в честь самой смерти. Костявая, несомненно, была ему если не сестрой, то невестой.

— На что же ты желаешь сыграть, щенок? — отдуваясь и шурясь на солнце, спросил Костявый Бад. — И почему со мной? Ты, видать, не слышал, что равных мне в этой игре в округе нет?

— Сыграть с вами для меня дело чести, — ответил я. — У меня есть, что поставить. Вот бумаги, мистер, свидетельство о владении ранчо, все выправлено, как надо, и заверено законниками. За ранчо кто угодно выложит пять тысяч, мистер, а то и шесть, если продавать с умом.

— Ну, допустим, — кинув беглый взгляд на бумаги, сказал Бад. — Эй, Панчо, на, отнеси Эду, пускай проверит. Грамотей у нас один на всех, — объяснил Костявый мне. — Если бумаги в порядке, будем играть. Так на какую же мою ставку ты рассчитываешь, сопляк?

— Меня устроят наличные, — скромно потупив глаза, сказал я.

Толпившиеся за спиной главаря бандиты дружно зареготали.

— Тихо, вы! — вскинул руку Костявый Бад, и смех оборвался. — Ты в своем уме, парень, откуда у нас деньги? Будь у меня пять тонн наличности, я бы здесь не сидел.

— Мне казалось, деньги у вас водятся, мистер, — сказал я. — Что ж, на нет и суда нет. Тогда меня устроит другая ставка. Если вы проиграте, то будете стреляться со мной, один на один. И если я убью вас, ваши парни дадут мне коня и позволят уйти.

У Костлявого Бада отвалилась челюсть. Я глазом не успел моргнуть, как в его руке оказался кольт, и я обменялся взглядами со зрачком его ствола.

Наступила пауза, и, пока она длилась, я вдруг понял, что мне совершенно не страшно. Не успел я этому удивиться, как Бад Покер шумно выдохнул и отвел пистолет в сторону.

— Ну, ты и гаденыш, — сказал Бад. В его голосе мне почудилось даже некоторое подобие уважения. — Эй, кто-нибудь, расстелите попо-ну, тащите сюда колоду и фишки. Играем в техасский холдем, щенок, ставки не ограничены, у кого кончатся фишки, тот проиграл. Тебя устраивает?

— Устраивает, — ответил я. — Пусть только кто-нибудь объяснит мне правила, мистер.

— Ты что же, и правил не знаешь? — изумился главарь.

— Не знаю, мистер. Я иногда смотрел, как отец играет на кухне с братьями. Комбинации помню, но какая из них какой старше и кому когда ставить — нет.

— Настоящий придурок, — объявил Бад Покер. — Эй, Эд, иди сюда. Нечего там проверять, у придурка бумаги наверняка в порядке, по его роже видно, что такой не надуется. А пускай и не в порядке, это уже неважно. Возьми салфетку, Эд, распиши недоумку старшинство покерных комбинаций. Будешь стоять рядом, подсказывать сопляку, чья очередь ставить.

Половину своих фишек я проиграл за пять минут.

— Ты не играешь в покер, парень, — сказал Бад, сребрая очередной банк к себе. — Ты издеваешься над игрой. Тебе никогда не говорили, что нельзя играть слабые руки? Не переживай, это знание тебе не понадобится. Через пять минут ты будешь пустой, как карман салунного оборванца.

— Две сотни, — вместо ответа сказал я, бегло ознакомившись с пришедшими картами. Дама и тройка червей вместе смотрелись довольно приятно.

— Две и пять сверху, — Бад бросил семь фишек поверх моих двух.

— Отвечаю, — я уравнил ставку.

Костлявый открыл флоп. Туз трэф, десятка пик и четверка червей.

— Чек, — сказал я.

— Что, не подходит флоп? — усмехнулся в усы главарь. — Три сотни, щенок, немного, так, чтобы ты не сбежал.

Я помедлил и вдруг помимо собственной воли выпалил:

— Я выиграю этот пот, мистер. Отвечаю три.

— Ну-ну, выигрывай, — Костлявый Бад открыл карту терна. Пятерка бубен.

— Чек, — сказал я.

— Понятно, что чек, — Бад отсчитал и бросил в банк десять фишек. — Десять сотен, парень, как тебе это?

— Мне это нравится, мистер. Ва-банк. Я сгреб оставшиеся фишки и двинул их на середину.

— Отвечаю, — Бад быстро уравнил ставку и перевернул свои карты. — Что, спекся, щенок? Две пары. — Туз и десятка червей спарились с двумя старшими картами стола. — Что у тебя?

Я открыл свою руку. Присутствующие заржали.

— У тебя пустой лист, приятель. Ты можешь выиграть, если на ривере откроется двойка. Их в колоде четыре против сорока остальных карт. Эй, Эд, посчитай придурку его шансы.

— Десять из ста, — мгновенно ответил Эд.

— Откроется двойка, мистер, — сказал я. — Что ж вы медлите, вскрывайте ривер.

Под молчание присутствующих червовая двойка легла на превращенную в карточный стол лошадиную попону.

— Идиот, — выдохнул Бад Покер. — Ты что, знал, что поймашь на ривере стрит? Знал, что откроется двойка, поганец?

— Чувствовал.

— Придурочный идиот.

Теперь фишек у нас вновь стало поровну. Я стасовал колоду и дал Баду поднять.

— Пять сотен, — сказал он, ознакомившись с пришедшими картами.

Я бросил взгляд на свои. Только что выручившая меня двойка червей теперь пришла мне в руку. С ней соседствовала вторая двойка, бубновая.

— Отвечаю пять, — сказал я и открыл флоп.

Король бубен, дама пик и двойка треф.

— Еще пять, — Бад бросил фишки в банк.

— Пять и десять.

— Что, пришла карта, приятель? — Бад изучающе уставился на меня. — Или, как обычно, пустой лист? Отвечаю.

Я открыл терн. Туз треф.

— Чек.

— Ва-банк, — я двинул на середину оставшиеся фишки.

— На этот раз тебе никакая больница не поможет, — Бад уравнил ставку и перевернул свои карты — два красных туза. — Три туза, сопляк. Что у тебя на этот раз — король с двойкой?

— Три двойки, мистер, — я предъявил свою руку.

— Готов, — ухмыльнулся Костлявый Бад. — Благодарю за игру, приятель.

— Вы проиграете, мистер, — сказал я и открыл ривер. — Двойка пик упала на стол. — Каре двоек, — объявил я. — Бьет ваш тузовый фул, мистер.

— Невероятно. Шансы около двух из ста, — ошеломленно проговорил Эд.

— Бад, гаденыш подтасовал, — подал голос Панчо.

Наступила пауза. Костлявый Бад переваривал идею умника Панчо.

— Пожалуй, нет, — закусив ус, медленно проговорил, наконец, Костлявый. — Я следил за его руками. Да сопляк, похоже, даже не знает, что такое подтасовать. Он, похоже, вообще ничего не знает. Что ж, тебе выпал неважный расклад, приятель. Лучше бы ты проиграл мне ранчо и остался жив. Для тебя лучше. А теперь мне придется тебя пристрелить.

— Я убью вас, мистер, — сказал я.

— Что-о???!!!

— Я убью вас, — повторил я.

Челюсть у Бада вновь отвалилась. От моей наглости он потерял дар речи и теперь сидел, уставившись на меня словно корова, которую привели на бойню.

— Постой, Бад, — шагнул вперед Эд. — Слушай, парень, как там тебя, Том. Ты не Джада Уильямса ли сынок?

— Да, его, — признался я.

Эд наклонился к главарю и зашептал ему на ухо.

— Вот как, — задумчиво проговорил Костлявый Бад. — Вот, значит, как. Ты, получается, тот самый парень с дурным глазом, который наводит на людей порчу. И теперь пришел, чтобы сглазить меня, не так ли? У тебя этот финт не пройдет, приятель. Но клянусь чем угодно, ты мне нравишься. Второго такого наглеца я еще не встречал. Я не стану с тобой стреляться. Коли люди говорят правду, ты прикончишь меня, даже если не знаешь, с какой стороны у пистолета дуло. Итак, стреляться с тобой я не стану. Но проигрыши надо платить. Никто не может сказать, что Костлявый Бад когда-нибудь, проиграв, не рассчитался. Карты на стол, приятель, что тебе от меня нужно?

— Зачем вы убили моего отца и братьев, мистер?

Челюсть отвалилась в третий раз.

— Они убиты? Старый Джад Уильямс убит?

— Вы что же, мистер, хотите сказать, что не знаете этого?

— Ты плохо шутишь со мной, парень. Твой отец и я были приятелями. Я никогда бы не поднял руку на Джада Уильямса. Больше сказать, однажды он сильно выручил меня, а недавно и я отплатил ему тем же: нашел парня, который купил все его стадо, оптом, и выложил хорошие денюжки. Я их передал твоему брату и ни гроша не взял себе за работу.

— Мои братья убиты, мистер. Все трое.

— Ты что же, хочешь сказать, что за деньгами приходил не твой брат? Кто же тогда?

— Я, кажется, знаю кто, — сказал я. — Вернее, от кого.

Шерифа Джо застрелили во время ночного налета, когда тот выходил

из салуна, которым владел, откупив его у сына убитого в предыдущей стычке хозяина. Я лично всадил на скаку пулю шерифу между бровей. До этого полгода я провел в банде Костлявого Бада, учился стрелять, плавать и объезжать лошадей.

После налета Бад Покер вернулся в Кактусовую пустошь, а я — к себе домой. Еще через полгода я женился на Линде, сейчас у нас уже трое парней и девочка. Мы продали ее ранчо и теперь горбатимся на моем.

Костлявый Бад частенько навещается в гости потреться на кухне с Линдой, распить со мной четверть галлона кукурузного виски и перекинуться в покер. Бад постоянно выигрывает, впрочем, мы играем по мелочи.

Недавно он сказал, что решил покончить с ремеслом бандита и осесть на старости лет в Далласе, Хьюстоне или Лос-Анджелесе.

— Я поднакопил кое-какие денежки, сынок, — сказал Бад, опорожнив стопку кукурузного. — Эд сейчас присматривает мне дельце в большом городе, что-нибудь насчет торговли скотом. Пойдешь ко мне партнером, Том? Вдвоем мы сможем обтяпать неплохой бизнес. А после моей смерти дело останется тебе и детям. Соглашайся, сынок, нечего тебе здесь ипачить. Таким людям, как мы с тобой, не пристало надрывать жилы на пастбищах и полях.

Я сказал, что подумаю, но, наверное, откажусь, да и Линда не хочет.

Здесь наш дом, в нем прожили пять поколений моих предков, а теперь растут мои дети.

Меня больше не называют придурком, хотя многие по-прежнему сторонятся, опасаясь дурного глаза.

А еще мне предложили занять должность шерифа. Намекнули, что знают обо мне кое-что. И это «кое-что», мол, для шерифа вполне подходит.

Я сказал, что подумаю, но, наверное, откажусь, да и Линда не хочет.

ОЛЕГ АНДРОС

ЗДЕСЬ ПОБЫВАЛИ ЛЮДИ

обрый день, благословенный край Terra Humana, — с почтением проговорил старый седой эльф, выходя из лесу на лужайку за Человеческим мостом. Впереди простиралась еще долгая дорога. Дорога к Святилищу

паладинов, к Месту, откуда проистекает Сила. К месту, откуда идут истоки всех жизненных дорог эльфов.

К Эверлагу.

Но до него еще предстояло идти.

Что было под силу далеко не всем паломникам за всю долгую историю эльфов...

Обычно дорога к Эверлагу занимала у паломников от шести месяцев до года. Они не знали прямых путей туда — только обходные, через земли многочисленных разумных рас, живших в мире. И много ловушек на пути эльфов уже были заранее известны. Чтобы не попасть в Тартар, следовало остерегаться Пилгримадских скал, а чтобы не увидеть Огненную Сканту, следовало не подплывать близко к Святой Усейде. Но паломники на сей раз четко придерживались всех правил, и до Земли Людей они дошли вполне благополучно. Никто не ослаб, не пал в битве с чудовищами, и путники смогли даже умножить свои съестные и питьевые запасы, когда набрали на Кладезь Кентавра. Кентавр свой кладезь давно покинул, а неприязнительные эльфы смогли насладиться изысканной пищей и вкусить Плода Гердерлина. Говорят, он приносил удачу. Что ж, может, иногда и стоит поверить преданиям эльфов... Особенно по части съестного.

Но существовали еще и неизвестные опасности. Вот их-то и следовало всерьез остерегаться всем странствующим эльфам.

Итак, эльфы вышли один за другим на лужайку, что пролежала вблизи дороги на Корфорс, главный город Людей, и облегченно вздохнули. Все было вроде бы спокойно. Солнце сияло в предвечернем сентябрьском небе, птицы пели где-то в зеленых шатрах лесов. Типь и гладь царил на этом новом участке пути.

Но что-то настораживало мудрого Наставника Вейра...

— Скажи мне, Гайрик, — пробасил он, поворачивая соломинку из левого

угла рта в правый и назад. — Злы или добры люди? Каков нрав существ, населяющих земли, через которые мы идем?

— Скорее добры, сир Меджик, — ответил подобострастно Гайрик, не смея называть Проводника паладинов его настоящим именем. Он был пока только уйрином, новичком в группе скитальцев, и не мог называть своего наставника по полному образцу...

— Говорят о них, что искусны они в любви и не менее искусны в архитектуре. Что девушки их златокудры и прекрасны, а кони быстры и неуловимы... — продолжил Гайрик.

— Девушки, говоришь? Неужто они сравнятся по красоте с эльфийками?

— Прекрасны их лица, сир, а волосы выются золотистым потоком, когда идут они по сельскому полю... Конечно, нет ничего прекраснее красоты эльфийки, но люди... Люди получили от Властелинов мира не менее прекрасный дар. И еще одно говорили мне, сир. Они всегда смотрят тебе в глаза. Они не отворачивают взгляд свой, как это делают великаны или кентавры. Они смотрят прямо. И вы можете доверить им всю правду — они никому не расскажут то, что вы не хотите рассказать всем сами.

— Значит, так ты говоришь, уйрин Гайрик? Так ты советуешь нам идти напрямик через сии земли?

— Истинно так, сир Меджик! — ответил без промедления юный эльф. — Конечно, каждый осмотнительный паломник должен идти, скрываясь, не без осторожности, но люди... Люди не причинят нам ничего плохого. Я надеюсь.

— Давай сейчас поверю тебе, о, брат по посоху. Идемте же в путь, братья! Долог он и извилист... И немало миль предстоит нам сегодня пройти.

И эльфы неторопливо двинулись в путь по зеленым лесам, по залитым солнцем дорожкам и покрытым буйной травой холмам. Край был прекрасен, и весело пели в нем птицы...

Только вот людей самих не было видно.

Неужто они ушли из этих благодатных земель?

Так продолжалось большую часть дня, пока, наконец, зоркий Гайрик не заметил вдалеке что-то серое, наподобие столба дыма, а потом и сам столб — высокий, носимый ветром, явно на месте какого-то пожарища...

— Что скажешь на это, паладин Гайрик? — спросил Наставник Вейр у шедшего рядом с ним ученика. — Чье это свидетельство?

— Это люди, сир, — ответил тот. — Лишь они умеют печь еду, производить огонь и осушать болота. Они — хозяева огня. И это они подожгли лес...

— Как видишь, они не только еду пекут своим огнем, — мрачно проговорил Изийрин, пробуя поддеть носком край обгоревшего поля.

— А как сочетаются твои слова о добре людей с тем, что ты видишь? — заговорил Наставник Вейр.

— Пока никак... Но дайте мне время. Я увижу. И все объясню...

Когда они подошли к месту пожарища, местность радикально изменилась. Запахло не только дымом, но и отбросами, застойной водой, гнилостным каким-то духом... Все здесь пропиталось этим, и все еще горевший лес лишь дополнял общую картину разрухи. Где-то здесь было поселение тех самых Людей, только опять-таки, хозяев нигде нельзя было увидеть... Они будто попрятались или вымерли. Или убежали.

Эльфы с опаской ступили на обгоревшую землю, но она не содержала в себе ловушек, и они пошли по ней, не менее опасно оглядываясь по сторонам. Их остроконечные уши шевелились, прислушиваясь к малейшему шороху вокруг. Но ничего не шумело в лесу или на пожарище. Все живые существа ушли отсюда. А те, что не ушли, спрятались...

— Это ведь был их город, истину говорю? — заговорил Сен, шедший позади Гайрика. — Они строят целые поселения из досок и бревен. А бревна высекают из живых деревьев. Истинно речу?

— Да, товарищ по посоху, — ответствовал Гайрик. — Именно так речут о Людях. Но...

— Но что же? Этот город не соответствует девушкам с длинными золотистыми косами и с открытым взором? — насмешливо спросил Наставник Вейр. Обычно он молчал, как ему и подобало, но на сей раз он не скрывал своего настроения...

— Все так, Наставник на пути... Все так. Так они не живут.

— Но это же людской город! Людское жилище!

— Но оно было... И его больше нет.

Когда они вышли из бывшего города, они увидели могилы. Кто-то аккуратно насыпал холмики на всем большом поле перед ними, от края горизонта и до края, будто стремясь скрыть под землей каждую жертву произошедшего здесь лиха. Кто-то проложил дорожки между могилами, посыпав их песком и обложив каждую тропинку камешками. Кто-то поставил подле могил кувшины с водой, дабы путникам не было на что жаловаться в этой обители скорби и смерти...

Только того, кто это все сделал, опять-таки не было видно.

Эльфы с благодарностью приняли воду и вкусили походного хлеба, что еще оставался у них. И неторопливо пошли дальше, проходя по извилистой тропе и не отступая от нее ни на шаг. Они все еще ярко и отчетливо помнили те места, в которых им доводилось побывать перед пришествием на земли Людей — места опасные, полные неведомых тайн и ловушек...

— Странно все-таки, — проговорил Уйрик. — Так не бывало в местах людских поселений. И вообще... Это противоречит самим законам природы.

— Все меняется, — проговорил в ответ Наставник. — Или же твои представления были неправильными...

Уйрик не захотел отвечать. Он не имел права ответить Наставнику, что, скорее, неправильны его, Наставника, представления, чем воззрения на мир самого Уйрика.

Так они шли далее, по вытоптанной и погоревшей траве. Молча и настороженно.

— Сейчас бы на эту вот речку... — мечтательно проговорил Гиверон, тоже один из молодых паладинов, когда они вышли к мосту. — Рыбки половить...

Мост знаменовал, как и во всех остальных землях прежде, середину их пути по землях Людей. Мудрые Властелины земли разумно распорядились землями всех одаренных разумом существ — разделили их в незапамятные времена ровно наполовину и на середине каждого участка повелели поставить мост. И только Гарпии не послушались разумного повеления Властелинов. За что и поплатились...

Эльфы вышли на мост в превеликой задумчивости. Уже дважды они встречали полуставшие тела людей, повешенные за ноги или прибитые к деревьям вдоль дороги. Никто еще столь явно не показывал свою враждебность по отношению к людям. Но кто мог такое сделать? Кто мог осмелиться поднять руку на разумное существо, да еще в его собственных землях, можно сказать, в его собственных чертогах? Не могло такого быть.

Но это — было.

— Люди куют клинки и сеют пшеницу намного лучше всех смертных в мире, — рассказывал по дороге Уйрик, чтобы хоть как-то развеять невеселые мысли, навеянные увиденным, эльфам-паладинам. — Они умело владеют клинками и умело управляют с плугом. Но чтобы так...

— Я лично считаю, что люди несут в себе зло, — высказал свое мнение наконец-то четвертый член группы — Арс Таркас, мудрый брат из Поселения Спелых Вишен. Никто не знал причину, по которой тот отправился в паломничество, потому что был до того Арс Таркас нелюдям, неулыбчив и жил на отшибе, на самом краю скалы у села. Но вот нате вам — пошел, и прошел успешно уже большую часть пути. Невежливо было бы ему напоминать, что он сейчас возводит хулу на хозяев той земли, по которой они идут...

Хотя сами хозяева все почему-то не появлялись. Что было поистине странно.

— Объясни, мудрый брат, — откликнулся из «головы» вереницы Наставник Вейр.

— Вы же видели, что лежит позади нас. Отравленная земля, испоганенная отбросами, убитые лошади и повешенные люди. Они не чтут мертвых. Они не знают, что есть красота.

— Как же так, Арс Таркас? Ведь брат Уйрик говорил нам давеча, что их девушки — эталон красоты во всем мире, и что любовь их пылает жарче всех?

— Это не противоречит тому, что мы видели, — ответил горячо Арс. — Это значит лишь, что любовь их уходит так же быстро, как и разгорается, и что бьются они не менее лихо, чем умеют любить. Они не чтут красоту.

В том городе они построили немало красивых зданий, но где они теперь?.. Все разрушены.

— Как же так, брат Арс... Как же такое может быть?

Размышления паладина прервал возглас юного уйрина, неосмотрительно шедшего впереди вей вереницы.

— Стойте! Там единорог!

Эльфы как по команде уперлись посохами в землю и завернулись в плащи. Теперь их почти не стало видно на фоне зелени, и единорог мог спокойно щипать свою траву и горделиво прохаживаться по лужайке, на которой он пасся. Это было священное животное, и эльфы еще не встречали его на всем пути из дому. Только в том святом месте, куда они шли, могли встретиться единороги.

Но здесь они тоже жили... Значит... Это место тоже могло претендовать на святость.

Но не тут-то было.

Стрела вылетела из зарослей можжевельника и вонзилась в бок горделивого животного. Единорог протрубил коротко и бросился прочь от лужайки, неся стрелу в теле. Вторая стрела пролетела мимо, а затем на лужайку выбежал охотник — мальчишка в странных латах и с мечом на поясе, улюлюкавший и кричавший вслед единорогу:

— Не беги так прытко, тварь! Все равно я тебя прикончу!

Эльфы остолбенели от таких кощунственных слов, произнесенных не просто человеком, а мальчишкой, который должен был быть научен всему, что касалось обращения со святыми вещами. Но мальчишка явно правил этикета не знал.

Он подошел к эльфам и сдернул капюшон с головы испуганно прятавшегося под накидкой Гейсика.

— Ану откройся, зеленая рожа! Что ты там прячешь?!

— Я паладин, сэр! Не смейте трогать меня! — с обиженным достоинством провозгласил Гейсик, уже не пытаясь прикрыться накидкой. Он смотрел на юного варвара, не скрывая испуга и возмущения.

— Ану показывай! Неужто золото? — проорал мальчишка и стал рыться по карманам маленького — маленького перед ним, дубиной, — эльфа, выворачивая их и высыпая на траву всякий, на его взгляд, хлам — священные ручки, кольца, наголенники... Он не признавал никаких правил приличия. Решительно никаких.

— Ты ошибаешься, юный человек... — начал было Наставник. Но мальчишка грубо оборвал его:

— Молчи, поганец! У тебя нет золота! Как ты смеешь бродить по нашему лесу без дани?

Такого эльфы не могли перенести. Они переглянулись, произнесли волшебное слово — и мальчишки след простыл. Он испарился, только лишь латы остались лежать на оплавленной земле.

— Так его, оборванца! Он не смеет настолько не уважать странников-эльфов! — заключил Наставник Вейр. — Пойдемте же, братья. Нам предстоит долгий путь.

— А верно ли мы поступили? Разве можно убивать разумное существо? — робко спросил Гайрик.

— Все, что делается во славу Святилища Паладинов, верно! — произнес Наставник веско. И пошел дальше. Никто не имел особого желания продолжать этот спор...

Когда они вышли на новое пожарище, на котором испуганно каркали вороны, равнодушным не остался уже никто...

— Не ходите туда! Прошу! Прочь! — прокричала пролетающая мимо птица на вороньем, и Наставник Вейр оценил предупреждение.

Здесь никто уже не закапывал трупы. Здесь произошла ужасная сеча, и никому уже нельзя было идти равнодушным через центр этого места, засеянного ужасом, вспаханного не плугом, а окровавленным мечом... Но эльфы мужественно шли, покуда не пересекали это место и не вздохнули облегченно по выходе из него.

— Здесь точно побывали люди... — проговорил Сен, еще один немолодой эльф. — Они несут только зло и смерть.

— Смерть не всегда зло, брат Сен, — проговорил Наставник. — Но здесь я склонен к согласию с тобой...

— Но люди... О них говорят столько хорошего, — начал было Гайрик.

— Нет, брат Гайрик. Я теперь понимаю, кто такие люди. Они сжигают и оскверняют все, что видят перед собой... Это существа, которые не умеют любить.

— Ты не совсем прав... — пытался оправдаться Гайрик.

— А ты оглянись вокруг. И вдохни в себя этот запах, — проговорил Наставник. — И пойми: здесь побывали люди.

— Какие же люди злые и жестокие... — проговорил один из паладинов на очередном броду.

— Нет. Не совсем так, — ответил Наставник. — Они просто не припили к согласию. Они просто многого, слишком многого хотят. И, наконец, они еще не умеют жить в полном согласии с собой и с природой вокруг.

— Они его и не хотят, этого согласия... Они жаждут на этом свете только одного — набить свое брюхо. Я теперь понимаю, зачем им золото. Они с помощью его едят... Питаться без него они не могут... Скоро они начнут пожирать просто этот желтый металл. Без посредничества. Они ведь его так любят...

— А еще они любят держать таких, как мы, взаперти, — раздался вдруг откуда-то сверху голос, говоривший на копящем. Эльфы едва различали в шуме листвы слова родственного им языка, но смысл был понятен.

— Кто ты, пушистый брат? Откуда явился? — спросил Арс Таркас, шедший на сей раз впереди.

— Я — кот. Живу у людей. Ловлю мышей, когда они в этом нуждаются. Но они меня любят. Особенно хозяйка, — ответил тихий кошачий голос из зеленых переплетений веток над головой.

— У тебя — кота! — есть хозяева?

— А как же! Люди не терпят, когда что-то в их краю остается без хозяина. Даже мы, коты. Потому и положено нам беречь их дом от крыс и мышей — они в нас нуждаются. Они сами не способны поймать и убить живую мышь.

— Но они же подлые убийцы! — возразил Арс.

— Никак нет. Они любят, когда того хотят, и убивают только для самообороны. Таковы мои хозяева, если говорить о тех, кого я знаю.

— Но мы же видели позади столько следов их жестокости!

— Присмотритесь-ка лучше... — ответил с ленцой кот. — А мне пора дальше... Как они считают — гулять самому по себе...

И он с грацией перепрыгнул с ветки на ветку и горделиво удалился в листву. По обычаю котов, даже не прощаясь.

— Вот такие они, коты на службе у людей... — растерянно проговорил Паладин Сен. — Ни убавить, ни прибавить.

И случилось так, что небольшая вереница странных путников с пушистыми ушами, выглядывающими из-под серых капюшонов, вышла в один прекрасный сентябрьский день — после многих миль вытопанной, но все же безлюдной лесной дороги — к огромному, по их меркам, человеческому городу. Городу с могучими стенами и башнями по периметру, преграждающими путь внутрь странникам и, как оказалось, — путь наружу его жителям...

Град был зачумлен и оставлен на произвол судьбы. Люди не умели еще лечить все болезни на свете. Паладины решили пойти в обход. Они нюхом чували неладное, чували, что здесь побывала та зараза, от которой живые существа еще не знали излечения... Потому что белые тряпки на башнях так просто не висят. Знаки того, что город сдался не врагу, а мнимой Божьей каре — это стоило того, чтобы остерегаться города...

Паладины стали лагерем в миле от города, поглядывая с опаской на башни и могучие стены, скрывавшие неизвестно какую опасность за собой... Ложась спать, они заворачивались в свои плащи все с той же опаской, но каждый вспоминал при этом изречение жившего давным-давно мудрого эльфа о том, что не надо остерегаться смерти — она рано или поздно постигнет всех...

Но люди в городе за этими мрачными башнями все еще жили. Жили и жаждали того же, что и все остальные люди...

С приходом ночи таинственные обитатели града вышли незаметно из ворот городских, неслышно раздвинув их створки, переключаясь подобно ночным совам, и захватили в плен спящий, не вооруженный ничем, кроме магических слов, и застигнутый врасплох эльфийский отряд.

Варвары, захватившие путников в плен, свое дело знали. Связывая эльфов и затыкая им рты кляпами, они чутко следили, чтобы пленники не произносили ни одного лишнего слова. Лишь Сен пытался единожды начать шептать заклинание, но заработал в итоге лишь удар мечом по шее. Отчего и умер на месте. Больше никто из паладинов не пытался бороться с силой клинков силой магического слова...

К тому же врагов вокруг стало слишком много. На всех произнести по волшебному слову просто не успели бы...

А уйрин Гайрик, оказавшийся, по случайности, единственным эльфом без кляпа во рту, просто пока еще не знал магических слов...

Князь Галисийский, Нареченный богом Властелин местных земель, оказался мужчиной с пронзительным и всепонимающим взглядом. Он возвышался над всеми эльфами, закованный в латы с ног до головы, и вытаскивал паладинов одного за другим из общей кучи, в которую их свалили, чтобы у каждого выпытать, что тот знает об эльфийском золоте. Он пытал Наставника Вейра, привязав его к дереву, и хотел от него лишь одного — чтобы тот сказал, где скрывается знаменитое эльфийское золото. Но Наставник Вейр этого не знал... Золотом он, в отличие от людей, никогда не интересовался.

Из-за своего незнания он и умер, когда Князь применил для пыток жгучее пламя.

Перед смертью Вейр вспомнил только слова юного ученика:

«Они все, эти люди, смотрят тебе в глаза... Всегда... Они не отворачивают свой взгляд, подобно великанам...»

Да уж, действительно... Не отворачивают.

Особенно, когда прежде всего на свете жаждут золота и обогащения.

Люди отпустили на волю лишь одного эльфа, самого юного в отряде ученика. И то благодаря тому, что перепились на радостях, узнав от палатина Сикха легенду о том, что золото спрятано в лапах Великого Дракона Огли. Дракон жил неподалеку, в неприступной пещере, охраняемой, к тому же, поставленными Великими магами чарами. Однако люди, схватившие паладинов, еще об этом не знали... Они не соображали до конца, что лишние свидетели пленения паладинов им не нужны...

И после того выживший эльф шел по лесу в ожидании встречи с новым отрядом... Или встречи с пограничным столбом. Чувствуя, как он все больше слабеет от полученной острым человеческим мечом раны, он думал лишь одно:

«В людях есть добро. Не может такого быть... Они ведь так умеют любить... Это ведь мне говорили все и повсюду...»

Князь Галисийский, властелин здешних земель, явно не умел любить. Он явно не знал, что такое милость врагов и милосердие к врагам...

Гайрик упал на пороге края Львов, не дойдя буквально нескольких шагов до конца человеческого края Terra Humana. Он уже видел припудренные

столбы, расставленные мудрыми Властелинами у самого края земель тогда, когда создавалась сама Земля...

Но как раз тогда Гайрик и заснул. Тихим и глубоким сном, который ведом только эльфам.

Эльфам снилось, как он идет по тихому, светлому сентябрьскому лесу. Как подходит к избушке, как отворяет дверь и видит Ее... Свою возлюбленную. Ту самую, которую оставил за тридцать земель в ожидании того, как он вернется. Вернется из тревожного и многомесячного паломничества...

Юная Гарсоль вышла на лужайку в один прекрасный сентябрьский день как раз тогда, когда на ней лежало, раскинув руки, пушистое, одетое в зеленые одежды существо со странными остроконечными ушами и забавной мордочкой. Оно было совсем маленькое, это существо, и почему-то кровь текла у него из прорезанной на боку раны...

— Кто ты, чудик? Уж не эльф ли ты случайно? — спросила девушка у Гайрика, присев возле него и взяв в ладони маленькую пушистую руку. — Кто это тебя так?..

Эльф не отвечал. Он смотрел сквозь полуприкрытые веки на златовласую девушку, дочь человеческого народа. Он пытался перебороть боль...

Она смотрела прямо ему в глаза, ничего не скрывая, ничего не утаивая. Она была полна искреннего сочувствия.

— Я отнесу тебя в дом... Вылечу... — шептала она. Пыталась утешить. — Да ты совсем кровью истекаешь... — Но златокудрая человеческая дочь не боялась крови. И она, не долго думая, оторвала рукав, разделила ткань на широкие полосы и перевязала, как могла, рану на боку эльфа. Тот тихонько постанывал. — Теперь тебе станет чуть-чуть легче...

— Дойди за меня до Святилища Эльфов, — шептал ей Гайрик через силу. Девушка понимала его. Но лишь отстраненно кивала — она ничего не знала об этом месте. — Дойди... Я покажу как... Кто-то же обязан дойти...

— Хорошо, пушистый брат, — ответила Гарсоль, дабы утешить его. — Я дойду.

И подняла легкого, как пухляка, эльфа, и понесла его в глубь леса, к своему уединенному человеческому дому...

«Они действительно умеют любить без оглядки, — думал эльф, уже не в силах ничего сказать, чувствуя, как все больше он угасает, теряет последние силы даже в благодатном потоке любви и тепла, который шел от этого златовласого чуда... — Они любят и воюют с одинаковым жаром... И иногда они нам прощают... Так же, как мы прощаем им...»

Девушка все несла на руках Гайрика, все дальше и дальше, к дому в глухом лесу, к родителям, которые вылечили бы его и накормили... Боль едва ощущалась — она прошла, как только человеческая дочь взяла его на руки... Но силы все больше покидали его.

«Отнеси меня к краю... Дай мне увидеть край Terra Humana...» — все

шептал и шептал, не в силах сказать это в полный голос, Гайрик. Но Гарсоль его мыслей не слышала. Она этого пока не умела.

А последней явственно прозвучавшей мыслью эльфа было:
«Все-таки люди умеют любить...»

АЛЕКС МУСТЕЙКИС

ПУТЬ ПРОГРЕССА

(Перевод с ненашего)

вери вагона подземки плавно открылись, и внутрь шагнул какой-то человек. Одет он был так же, как и все, однако его вид немедленно привлек внимание всех находившихся внутри. Все насторожились, и их правые руки как бы случайно оказались за левыми отворотами пиджаков и курток. Никто не отводил взгляда от вошедшего.

Он улыбался.

Он улыбался, и это было странно. Это была не привычная всем усмешка снисходительности — отпечаток великого пренебрежения ко всем и вся, свойственная Очень Влиятельным Людям или Людям, Умеющим Очень Хорошо Стрелять. Это была не кровожадная ухмылка Охотника, наконец-то настигшего свою жертву и предвкушающего скорую расправу. Это была даже не знакомая всем с детства гримаса, не сходявшая с лиц садистов-профессионалов.

Но это была улыбка, не сулившая людям ничего плохого, открывшая и светлая, как апрельский солнечный луч. И это было непонятнее и страшнее всего.

Не замечая вокруг ничего: ни настороженных взглядов, ни очень осторожных движений рук под пиджаками, ни свирепых взоров Патрулей Порядка, сидевших в конце вагона, — вошедший прошел в середину вагона и сел на свободную скамейку. Сидевший напротив немолодой мужчина с давно не бритой физиономией повернулся к нему левым боком, чтобы в случае чего было удобнее.

— Какая сегодня замечательная погода! — сказал вошедший, обращаясь ко всем и ни к кому в частности. Это было сказано не с саркастической издевкой, и не обычным мрачным разговорным тоном, а с каким-то странным подъемом, впрочем, сочетающимся и с его улыбкой, и с безумным блеском глаз.

— Это случилось вчера, — продолжил этот странный человек. — Я шел по светлой, залитой солнечным светом улице, и вдруг понял, что можно жить совсем-совсем по-другому. Гораздо свободнее, а главное — без страха... Нужно только улыбнуться. И протянуть всем руки, чтобы все видели, что можно жить и не желать другим людям ничего плохого. — И он протянул правую руку сидящему напротив. Тот вжался в угол и смотрел

исподлобья, с неприкрытой злобой. И все прочие в вагоне продолжали сидеть в таких же напряженных позах и не спускали глаз с этого странного человека. Все боялись упустить момент.

Одному из Патрулей Порядка все было ясно. Его напарник сговорился с этим психом, видимо, психом-профессионалом, чтобы отвлечь внимание и пристукнуть в нужный момент. Тогда-то он будет ходить и грабить свой участок один, без конкурентов. То-то он вон как на меня смотрит. И пальцы сами собой сжались на рукоятке.

— Неужели никто из вас не понимает? — говорил странный незнакомец. — Неужели никому из вас не хотелось просто поговорить с другим человеком? Не держа палец на курке, не думая только о том, как успеть первым?

Краем глаза патрульный увидел движение руки своего коллеги и выстрелил сквозь пиджак, не мешкая ни секунды. Ему здорово повезло — он сидел справа. Второй патрульный выронил пистолет и упал в проход между скамейек. Первый же, судорожно сжимая пистолет, направил дуло на психа и медленно пошел к его скамейке. Тот встал, но по-прежнему улыбался, хотя улыбка стала слегка растерянной.

— Ну, поймите же, — произнес он. — Так лучше, так просто замечательно жить. Всем сразу. Вы только попробуйте, вы поймете.

На лицах у пассажиров не отражалось ничего, кроме тупой готовности выстрелить.

— Вы попробуйте хотя бы не носить оружие, — сказал незнакомец, — это совсем не страшно... Вот я хожу — и ничего...

Он распахнул пиджак, и патрульный увидел пустую кобуру.

Старший сержант Джонсон всегда отличался отменной реакцией, а его логика была не только железной, но и нержавеющей, как лучшая оружейная сталь. Раз пистолета нет, значит, есть другое, более опасное, более смертоносное оружие. Грохнул выстрел, и незнакомца отбросило в угол между скамейкой и стенкой вагона. Джонсон тут же обернулся и хладнокровно уложил на месте какую-то женщину в шортах, которая уже хотела в него стрелять. «Это оружие достанется только мне», — самодовольно подумал старший сержант.

Он нагнулся, краем глаза наблюдая за пассажирами, и вывернул у незнакомца карманы. На пол упали гладкий камешек, окатанный морской волной, обломок цветной прозрачной пластмассы и увядший голубой цветок.

Оружия не было. Это настолько поразило патрульного Джонсона, что он на мгновение забыл о пассажирах. Но они о нем не забыли.

Машинист состава увидел на пульте красный огонек. Этот огонек загорался против номера вагона каждый раз, как только специальное устройство фиксировало больше двадцати выстрелов.

— Мерзавцы! — сказал машинист, имея в виду пассажиров восьмого вагона и их манеру сводить счеты в поезде, портя при этом имущество Транспортной Компании.

Он решительно нажал на основательно затертую кнопку, и огонек погас. Там, в восьмом вагоне, из специальных распылителей брызнул трихлоросуперциан, и перестрелка мгновенно прекратилась.

Массивная, толщиной в десять дюймов, стальная дверь с табличкой «д-р Марлей» бесшумно и медленно повернулась на петлях, открыв за собой внутренности приемного кабинета. В дверь вошли два охранника в чудовищных пулегазоминобоболучеогнезащитных скафандрах, и втащили за собой грязного, обросшего, в оборванной одежде человека. Несмотря на такой внешний вид, человек являлся Гражданином. Через плечо у него болталась кобура с пистолетом «Лама 2075-супер».

Человек за столом рылся в наваленных грудой на стол и на пол бумагах и не обратил никакого внимания на вошедших. Охранники подождали с полминуты и ушли, закрыв за собой дверь. Тем временем человек за столом наконец-то нашел то, что искал. Это была картонная папка с надписью «История болезни Гражданина Джона Грейвса. Диагноз: шизофрения».

Не бросив и взгляда на стоящего перед столом, доктор раскрыл папку.

«...Приседал к прохожим... дебоширил в подземке... ранен старшим сержантом Джонсоном при восстановлении порядка... четыре часа реанимации...» Хм, странно, попал к докторам и выжил, все у этого Марлея странно. *«...Вновь доставлен в психиатрический лагерь...»* Ага, вот здесь: *«...острая форма... пытался заговорить из-за колючей проволоки с санитарями фрочной службы... интенсивная терапия... повторная реанимация... после трех месяцев терапии электрошоком, температурными и трудовыми воздействиями и болевыми шоками перестал отказываться от положенного по закону пистолета, говорит, что понял, что нужно делать...»* Да, типичный случай, вовремя я убрал этого Марлея, в этом лагере порядка никакого. Держать столько неплатежеспособных пациентов — это надо же!

— Вы доктор... — неуверенно произнес вдруг Грейвс.

Доктор удивленно поднял голову и уставился на него.

— Вы другой доктор, не Марлей, — сказал Грейвс. — Я хочу с вами поговорить.

«Те же симптомы, — отметил доктор, — попытки заговорить с человеком без ожидания материальной выгоды».

— Скажите, доктор, вы когда-нибудь замечали, что творится вокруг? Вы посмотрите! Кругом ненависть, ко всем, без разбору. Все готовы убивать. Все готовы стрелять во всех, мучить, издеваться. Каждый готов убить весь мир. Для чего? — думал я вначале. Теперь я понял: просто мир таков.

Доктор смотрел на Грейвса, не отводя глаз.

— Но ведь мир может быть совсем не таким! — закричал Грейвс. — Вы же доктор, вы призваны помогать людям, поймите же хоть вы! Все вокруг больны. Все — сумасшедшие. Их надо лечить, им надо помочь!

«Да, все без изменений», — подумал доктор. Он перевернул страницу. Вот: *«...патологическое стремление помочь окружающим...»*

— Раньше я думал, что люди сами смогут увидеть это, — продолжал Грейвс. — Но теперь я понял, что их надо заставить открыть глаза. Они все хотят жить, они не виноваты. Но кто тогда виновен? А люди просто не хотят быть убитыми, и видят самый легкий путь — выстрелить первыми. И поэтому они стреляют, и потому в них стреляют. Заколдованный круг! Но надо же его разорвать! Надо же их заставить задуматься! Помогите же мне в этом!

«Все ясно», — подумал доктор и начал рыться в ящиках стола.

— Скажите хоть слово! — воскликнул Грейвс. — Или вы тоже такой, как все?

Доктор наконец вынул из последнего ящика стола прямоугольную печать, и, подышав на нее, приложил к истории болезни. На обложке папки появился фиолетовый оттиск: «Особо опасен. К уничтожению».

Доктор швырнул папку в окошко конвейера и нажал кнопку. Бесконечная резиновая лента зашуршала за стеной, вознося приговор в исполнительный отдел.

— Да, я, видимо, опять ошибся, — сказал Грейвс. — Этот мир — миллиард сумасшедших! Ни на кого нельзя положиться! Никому нельзя верить! Остается только одно: стрелять, стрелять, стрелять!

Пистолет оказался у него в руках, и вся обойма была тут же выпущена в направлении доктора. Но на прозрачной пластиковой стене толщиной в фут не осталось и следа. Пули срикошетировали и ушли в стену из специального пулепоглощающего материала.

«А ведь он не безнадёжен», — подумал доктор и в последний раз посмотрел на Грейвса. «Впрочем, изменить что-то уже поздно», — без всяких эмоций отметил он.

Доктор Харлоу сидел в своем удобном бронированном кресле и заканчивал очередной научный труд. Время от времени он посматривал на дисплей, показывающий, кто из домашних где и с каким оружием. Рядом по круглому экрану бегал тонкий лучик радиолокатора, сообщающий, что на подступах и подлетах к дому все относительно спокойно.

«Последние дни, — писал Харлоу, — столкнули меня еще с двумя случаями подобного заболевания, оба они, хоть и дошли почти до последней стадии, тем не менее не причинили ни одной из Компаний значительного ущерба. Эти случаи только подтверждают мой вывод, что эта болезнь является ремиссией патологического состояния дикости, атавизмом тех первобытных времен, когда свободного обращения оружия не существовало, и людям приходилось мириться с недостатком средств убийства, вызванного малой производительностью труда, приспособляться к этому недостатку общества посредством подобных психологических извращений. Первый случай — девушка пятнадцати лет, Джейн Макленнан, стреляла по прохожим из винтовки с оптическим прицелом микроядерными пулями и кричала при этом в мегафон: “Люди, если вы еще остались! Стреляйте

в этих зверей!” Мне пришлось собственноручно положить этому конец с помощью гранатомета с лазерным прицелом (модель 65М фирмы Харлоу Ганз Продакшен, отделение Компании Производства). Всего в перестрелке было убито сто двадцать пять прохожих. Мне стыдно об этом говорить — позор тем людям, которые, видя, что в них стреляют, не могут метко выстрелить в ответ. Таким я могу лишь посоветовать потратить всего сто сорок девять долларов девяносто девять центов и приобрести обладающий большой поражающей способностью гранатомет с лазерным прицелом Харлоу Ганз 65М. Это значительно облегчит вашу жизнь!

Второй случай — Джон Грейвс, тридцать девять лет, все заболевание от начала и до конца протекало под моим наблюдением, и это самый яркий пример подобной болезни. Я привожу выдержки из истории болезни».

Харлоу долго и старательно переписывал историю болезни из личного блокнота доктора Марлея. Наконец, он покончил с этим и вернулся к обобщающим рассуждениям:

«Заболевание начинается с ощущения резкого дискомфорта без достаточных на то оснований, несмотря на обеспеченность едой, питьевой водой, дешевым сексом и развлекательными программами. В большинстве случаев первым и решающим признаком является параноидальное представление больного о том, что возможно другое отношение человека к человеку, в корне отличающееся от существующего. Больной предпринимает попытки найти это другое отношение, у него появляется т.н. синдром “потребности общения”, описанный у Кларенса в его работе...»

Раздался тревожный звонок. У доктора Харлоу в руках вместо ручки мгновенно оказался небольшой автомат. Доктор медленно встал из-за стола, подошел к двери, повернул переключатель селектора и спросил:

— Кто там и что нужно?

— Это я, Энн Харлоу, жена мистера Харлоу, — привычно ответил голос из селектора. — Дик, я принесла тебе кофе.

— Очень хорошо, — ответил Харлоу, глядя в экран внутреннего наблюдения, — оставь кофе в шлюзе и выходи.

Проследив за действиями жены на экране, Харлоу повернул ручки уплотнителей, открыл дверь шлюза и взял поднос с кофе. Половину содержимого чашки и по кусочку от каждого сэндвича он заложил в Универсальный Ядораспознающий Агрегат Повышенной Точности, затем сел в кресло и продолжил работу.

«...Попытки лечить заболевание обычными средствами не дают стойкого положительного эффекта, наблюдаются только временные ремиссии нормального агрессивного уровня. Больной вскоре начинает заговаривать с каждым встречным, его воспаленное сознание уже не воспринимает тот факт, что ни один человек в здравом уме не только не заговорит, но даже и не подойдет к другому человеку, пока не убьет его. Больной наивно полагает, что его неудачи происходят из-за наличия оружия,

он перестает его носить сам и убеждает других сделать то же самое. Если после этого он остается жив, то начальная фаза болезни переходит в фазу депрессии, описанной ван Дрейком в “Болезнях социума” и аналогичную сексуальной фрустрации. После недолгого периода депрессии и раздумий начинается следующая, парадоксальная, фаза. Вначале кажется, что больной выздоровел, он с радостью берет оружие, к нему возвращается бывшая агрессивность. Но при ближайшем рассмотрении — он видит теперь корень зла не в оружии, а в людях, его использующих. Против этих людей (то есть против всех нормальных людей) он и применяет оружие, причем даже не для обычной нервной разрядки, а просто без повода, продолжая при этом испытывать болезненное отвращение к убийству. Ван Дрейк считает подобное применение оружия всего лишь своеобразным способом самоубийства, когда человек не в состоянии сделать это сам, а попросить окружающих просто стесняется. Я думаю, он недалек от истины, добавлю только, что неспровоцированные нападения на окружающих вызваны тем же синдромом “потребности общения”, только больной начинает разговаривать на доступном для окружающих языке. По моему мнению, на этой стадии восприимчивость к лечению максимальна, и оно должно проводиться немедленно — либо консервативным и испытанным методом лоботомии, либо радикальным — оперативным удалением больного из общества. Беда в том, что больной проходит эту стадию чрезвычайно быстро, и часто эти попытки самоубийства, а точнее, просьбы помочь в этом проходят незамеченными на фоне обычных городских перестрелок, и больной остается жить. Вскоре наступает завершающая фаза — больной окончательно сходит с ума и начинает видеть источник зла в нашей общественной системе, и, в частности, в деятельности Компаний. Он пропадает целыми днями в библиотеках (это такие заброшенные древние книжные склады) и изучает старинные религиозные трактаты, а также проводит развращающие беседы с молодежью, к счастью, не встречающие никакой поддержки со стороны последней, ибо ее больше интересуют методы достижения жизненных целей, чем любая телеологическая мотивировка. При этих действиях больной попадает под статью Уголовной Конституции нашего Основного Закона (статья о свободе мыслей и действий, смертная казнь) и прекращает существование. Конечно, любой здравомыслящий человек, и я в том числе, не в состоянии даже понять, каким образом мысль об изменении структуры нашего общества может прийти в голову. Все с детства знают, что наше сообщество есть единственно возможное объединение разумных существ, в котором каждый индивид имеет неотъемлемое право на защиту от посягательств со стороны другого, равного ему по правам индивида. Компании лишь обеспечивают материальную базу для существования этого сообщества, а Компания Управления — координацию действий всего социума. Да и как можно изменить эту

структуру, если она не прихоть какого-то одного человека или группы лиц, если она появилась и поддерживается добровольным желанием всех свободных людей?

Мне кажется, причины проявления атакизмов в наше время необходимо искать в генетических нарушениях. Некоторые древние летописи, любезно предоставленные мне Компанией Контроля, доносят до нас сведения о том, что некто Грейвс — очевидно, предок моего пациента — участвовал в религиозном движении под странным и непонятным названием «Миру — мир!». Возможно, именно тогда, на сектантских сборищах, в угаре мистического экстаза, и возникли необратимые сдвиги психики у предка Грейвса. Поэтому необходимо детальное изучение летописей на предмет выявления и уничтожения потенциально опасных для общества людей, несущих в своих генах взрывоопасную информацию о первобытном мире...»

Зазвучал пронзительный сигнал. Харлоу включил монитор внешнего обзора и увидел, как вблизи дома, за периметром колючей проволоки, группа детей преследует мальчишку постарше. Вот он обернулся и выстрелил. Промазал, конечно. Сопляк. Двоечник. О, вот это выстрел! Мальчишка споткнулся и упал, пуля попала ему в ногу. Идиот, выронил пистолет. Ну что ж, выживает сильнейший. Древний социальный закон... Э-э... Дарвинга. Просит пощады, дурачок. Как же, дождешься... Погоня прекратилась, и Харлоу с интересом наблюдал, как дети добивают раненого ногами. С чувством приятного удивления Харлоу узнал среди них свою дочь. Восемь лет, а уже может постоять и пострелять за себя. Настоящий постреленок. Надо удвоить теперь осторожность с ней. Ну, пусть дети играют.

Харлоу выключил монитор и вернулся к работе. Увиденное подсказало ему еще один поворот темы.

«...Кстати, о летописях, легендах и мифах. К этому материалу, особенно полученному из непроверенных источников, необходимо подходить очень осторожно. Вполне возможно, что некоторые из легенд помогают атакизмам проявляться, так как содержат помимо известной заповеди “человек человеку волк” еще и “человек человеку друг”. Безусловно, “друг” — синоним слова “противник” (вспомним: “собака — друг человека”, а принадлежность человека, собаки и волка к одному отряду хищников сомнения не вызывает). Однако некоторые люди готовы подразумевать под этим забытым термином все, что хочет их атакистическое подсознание.

Особенное внимание следует уделить недавно найденным в архивах циклам мифов, где говорится о народе, жившем не по заповеди “человек человеку волк”, а по прямо противоположному. Впоследствии, говорится в мифах, этот народ улетел к звездам, покинув наш грешный мир. История изобилует подобными преданиями, в которых дикари выдумывали себе богов. Наш мир стоит на позиции материализма, и ему нет дела до всяких сказочек. Ведь во всех мифах этих циклов загадочный народ именуют по-разному: в одних — “раш”, в других — “рус”, в третьих — “совье”, очень

часто прибавляется слово “рэд”, что означает, с одной стороны, рыжий или русый, а с другой стороны — красный, красивый. Видно, что это те же эпитеты, которые относятся к богам. К тому же на всех четырех континентах никаких следов рыжего народа обнаружено не было, а утверждения о том, что эти следы были уничтожены специально, “чтобы не смущать умы”, приписываемые историку древности Аристотелю, как и его же сведения об Атлантиде, доверия не внушают. Сами такие путешествия попросту невозможны, да и логичнее было бы не лететь к звездам из-за каких-то так называемых в мифах “этических принципов”, а навести в этом мире необходимые порядки, истребив непокорных. Мы бы сделали именно так, без сомнения. Словом, предположения о возможной реальной основе этих мифов не имеет под собой никаких оснований...»

Харлоу захлопнул тетрадь. Теперь можно будет продать этот труд долларов за двести на Толкучке Идей. Или лучше все-таки, как договаривались, за сто пятьдесят — Компании Контроля? Ладно, там видно будет. Он допил остатки простерилизованного кофе (в нем оказалось огромное количество микробов сибирской язвы), подошел к гардеробу. Обычный костюм состоятельного человека: пуленепробиваемые майка и трусы, защитный кожаный, огнеупорный пиджак, два пистолета, дюжина атомных гранат, баллон с метафосгеном и противогаз, сапоги-миноискатели... Ему вдруг пришла в голову мысль: «Все эти сумасшествия — от неуверенности в себе и в завтрашнем дне. А надо быть уверенным. Уверенным, что выстрелишь первым. Тогда так и будет». Он надел шлем, опустил броневой щиток. Спустился потайным ходом в ангар и сел в броневик. Четырехфутовые половинки двери разъехались в разные стороны.

Путь был свободен. Страна уверенно шла по пути прогресса и процветания.

ЯРОСЛАВ ВЕРОВ

ЖУТКО ИНТЕРЕСНОЕ ЧТИВО

Вечером позвонил мой старый знакомец и собрат по перу писатель Г. Примерно вот с такой просьбой:

— Послушай, старик, тут у меня появился молодой, но жутко перспективный автор. Очень свежо пишет. Слегка коряво, но любопытно. Ты не мог бы завтра уделить ему время? Посмотри, что там можно сделать с рукописью?

Ты же работаешь в стиле экшн.

— Экшн? — это прозвучало для меня откровением, ибо доселе я писал преимущественно сказки для взрослых.

Голос Г. показался мне каким-то напряженным. «Да, надо выручать человека». Мне не оставалось ничего другого, как согласиться.

Назначив встречу на следующий день, я тут же позабыл про Г. и про его протеже. Он пришел в назначенный час. Молодой человек лет двадцати пяти.

— Я от Г., он вчера вам звонил...

Ну ладно, поборемся.

— Видите ли, я не даю отзывов, и вообще не читаю неопубликованных рукописей.

— Все так говорят, — нимало не смутившись, возразил он. — Но без рекомендации в издательстве не читают.

— Предположим. Тогда сделаем так. Вы мне свою рукопись оставьте. А я в свободный час посмотрю.

— Не посмотрите, — просто сказал он. — Я знаю, вы меня, наверное, проклинаете в душе последними словами, но куда деваться? Что делать молодому неизвестному автору?

Я вспомнил, что когда-то тоже был молодым и неизвестным. Подумалось: «В самом деле, вдруг у него там что-то съедобное?» И я впустил его в квартиру.

— Прошу прощения, — усадив гостя, осведомился я, — в каком жанре пишете?

Гость задумался.

— Хотя бы приблизительно?

— Да вы лучше почитайте.

Судя по толщине рукописи, это был роман.

Я стал читать:

— «Его жуткая мордаха лучилась тоской». М-м...

Я посмотрел на гостя.

— Искрометной, — сказал он.

— Что?

— Лучилась искрометной тоской.

— Ну, предположим. «Ее высокая грудь шумно вздымалась, как рука пионера в приветственном салюте». Это что такое? Почему же шумно? Вы где такое видели?

— Видел, — скромно ответил гость.

— Чтобы рука пионера шумно вздымалась? Он у вас что, каратист? Это в гонконговских боевиках все с шумом... Ну, предположим... «Они слились в поцелуе»... — я снова посмотрел на гостя. Тот согласно кивал.

— Ну слились, и ладно. Но в поцелуе? Что там сливать? «Они слились в поцелуе, долгом как трясина вечности». Вы уверены? — спросил я у него. — У вечности трясина?

— Так колоритнее, — объяснил он мне.

— Ну, предположим. Что там дальше? «Я такая несчастная сегодня! — воскликнула она». Это как, в процессе поцелуя воскликнула?

Гость сделал страдальческое лицо. И я продолжил чтение:

— «Что тебя разволновало? — спросил, картавя своим ртом, Юджин. — Эти песни. Они такие странные! — Песни? — удивился Юджин. — Да, песни. Сегодня, по радио. — Не следует бояться радиоволн. Они абсолют-но безопасны! — твердо успокоил ее он». Вы тоже так считаете? — спросил я гостя.

— А разве нет? — удивился он.

— Ну хорошо. «...твердо успокоил ее он. — Вот эта. Там такие страшные слова про рыбку. Моя любовь, как рыбка золотая на песке. Она лежит и плачет... — Плачет? — переспросил он. — Это и в самом деле страшные слова у этой песни». Е-мое. Послушайте, уважаемый, э-э...

— Сортир Сортирч.

— Послушайте, к чему вам такой псевдоним? Наверняка вызовет неприятие редакторов.

Гость с готовностью полез в портфель и достал книгу. «Хромая судьба». Раскрыл на заложенной странице и протянул мне.

Я знал это место, а потому книги не взял.

— С чего вы решили, что это псевдоним?

— Здесь написано, — в его голосе сквозила наглая уверенность. Кажется, он начал сомневаться в моих умственных способностях. Этого еще не хватало.

— Ну хорошо. Сортир, так Сортир. С вашего позволения, я почитаю из другой главы.

Гость согласно закивал.

— М-м... Ну, скажем... — я пролистал несколько страниц и стал читать: «Их высокий краснобедрый дом стоял на самой макушке холма, накренья в сторону». Это уже интересно. Послушайте, Сор... Послушайте, уважаемый, как это накренья? Зачем? Куда?

— Там сказано.

— Сказано? А, ну да, в самом деле. «...накренья в сторону заката». Значит, избушка на курьих ножках? Тогда краснобедрый — вполне логично выглядит. «По широкой, извилистой дороге приближалась большая брюхатая машина». Кто же ее так обрюхатил? «Она везла тело несчастной утопленницы». Ага, это роман ужасов! — обрадовался я.

— Не ужасов, — печально покачал головой Сортир Сортирыч, — это мелодрама.

— Понятно. «Ее тело было вытянуто вдоль бортов машины, распухшее, посиневшее, оно источало нестерпимый смрад». Мелодрама? — переспросил я.

— Да, — коротко подтвердил гость.

— Это хорошо. «Рядом с телом находился молодой человек, студент несуразно скособоченной наружности. Он, плача, вытирал захлестывавшие его слезы. — Моя любовь, моя любовь... — снова и снова повторял он». А знаете, это ничего. Пробирает даже. «Наконец, не удержавшись, с громким криком он упал на ее безобразную, синюшную грудь. Из полости ее рта плеснула струя мерзкой вонючей жижи».

Я внимательно посмотрел на гостя, стараясь разглядеть в его серых, каких-то вылинявших глазах настораживающие огоньки безумия. Их там не было. Сосредоточенность кретина там была, а огоньков — нет.

— «... вонючей жижи прямо ему на голову. Но он не видел этого, не замечал. Он рыдал и стонал, уткнув лицо свое в ее груди, пока машина не остановилась перед домом на холме. Раздались громкие, даже чересчур громкие шаги сапог, и задний борт военной машины с грохотом и скрежетом был откинут. — Вот она! — произнес мужчина с черными большими усами. — Да, совсем юная, а могла бы еще пожить! — ответила ему старушка лет семидесяти трех, в белом накрахмаленном чепце. — Я сейчас принесу грабли, — сказал садовник. Черноусый мужчина был садовником. — Скорее, а то воняет так, что хоть святых выноси, — поторопила его графиня. Садовник принес грабли, и они вместе с графиней вытащили несчастную девушку, утонувшую прошлой ночью в графском пруду, из военной машины».

Почему несчастная так безобразно распухла за одну ночь, я спрашивать у Сортира не стал. Вдруг, омут подвернулся какой-то особенный, с невообразимо гнилой водой?

— «Тело шлепнулось на гравийную дорожку, покровы его разорвались, и белый гравий залила черная жижа, перемешанная с болотной тиной

и внутренностями несчастной. Из кузова появился рыдающий студент и, ломая руки, произнес: — Вы! Вы, сволочи, во всем виноваты! Ни за что! Никогда не прощу вам этого! После этих слов он выхватил из рук садовника грабли и разможил ими череп графини, ударив прямо в чепец ее. Голова старушки хрустнула, как кокосовый орех, и во все стороны брызнули дымящиеся мозги, а из стволковой артерии прямо в небо ударила алая струя крови. Черноусый мужчина попытался вырвать роковые грабли из рук студента. Но по нечаянности наступил на труп утопленницы, его нога погрузилась по колено во чрево юной девушки, уже неживой, и он упал, увлекши под себя студента. Грабли вспороли грудь садовника, и он страшно крикнул своим последним предсмертным криком. А студент, также падая, ударился затылком о борт военной машины и в тот же миг испустил дыхание». Мелодрама, говорите?

— Это завязка, — пояснил гость.

— Тогда понятно. Мне читать дальше?

— Если можно, — попросил он.

— Тогда читаю, вот хотя бы отсюда, — я отхватил добрую половину листов. — «Самолет падал в воздушную яму». Ого! Многообещающе «...яму, глубокую, как марианская впадина». Сочно сказано! «Пробитый бак дымился жирным сизым дымом, и из него вырывались опасные языки пламени. — Иду на таран! — сообщил на землю командир экипажа. Под брюхом пассажирского авиалайнера в крошечной ночной темноте неярко сверкала крыша Пентагона». Значит, мелодрама выходит с политическим уклоном...

— Там будет про черный чемоданчик, — доверительно сообщил гость.

— Черный чемоданчик? Надеюсь, никто не станет нажимать красную кнопку?

Лицо гостя просияло.

— Значит, нажмут, — понял я. — Ну, давайте почитаем ближе к концу.

«Радиоактивный пепел обильно падал на искалеченные, обожженные, как освежеванная туша барана на сильном огне, останки горожан. Город горел и трещал. С треском и грохотом рушились стены, горел камень, плавился асфальт. Из канализационных труб текла кроваво-ржавая лава». Круто, — оценил я. — Лава из канализации?

— Там было очень жарко, — пояснил он.

— То, что жарко — это я понял. Но трубы должны были тоже расплавиться.

— Не-а, — простодушно возразил он. — Вот вы пропустили и не читали, что трубы были сделаны из космического материала, из которого делают обшивки космическим кораблям.

— Тогда все в порядке. Значит, это фантастическая мелодрама с элементами политики и непрерывным ужасом. «По уничтоженной страшным ядерным взрывом улице бежала Ядвига». А она из какого космического материала сделана?

— Она в особом скафандре! Вы все пропустили! — гость даже обиделся. — Это же главная героиня!

— О! Это расчудесно. Наконец, мы видим саму героиню романа. «Ее рука сжимала букет увядших роз, тех самых, что подарил ей Юджин».

Из какого материала были розы, я уже интересоваться у Сортира не стал.

— «Юдж! Юдж! — кричала оглохшая от падавших со всех сторон небоскребов она. — Я здесь! Спаси меня! Я твоя навек!» Браво, Сортир Сортирыч, — на этот раз я выговорил его псевдоним со всей серьезностью.

Лицо начинающего литератора сияло, как двуривенный.

— «Ядвига! Это ты? — его распоротый арматурой рот с трудом, безобразно уродуя, произносил человеческую речь. — Это я! — успела только вскрикнуть она, как асфальт, окончательно расплавившись, рухнул под ней, прямо в туннель метрополитена. Темный, как шахтный штрек туннель был завален трупами набившихся в него людей, пытавшихся спастись от поражающих факторов ядерного оружия — ударной волны, светового излучения и электромагнитного импульса, выводящего из строя электроаппаратуру. Некоторые из тел еще билась в страшных и нелепых предсмертных судорогах, со всех сторон раздавались стенания. Кто-то неживыми губами просил пить, а кто-то, тоже умирающий, умолял пристрелить его, чтобы тем сократить нестерпимые мучения. Юджин, припадая на сожженную до обуглившейся берцовой кости ногу, приблизился к провалу. — Ядвига! — позвал он непослушным обезображенным ртом. Из кучи трупов выделилась рука и слабо помахала ему кистью, залитой черной копотной кровью. Но это была рука не его Ядвиги! Это была другая Ядвига, тоже тезка. Она здесь лежала, а все никак не могла умереть, хотя температура в закупоренном туннеле поднялась почти до ста градусов — температуры, превышающей температуру денатурации белка. А его любовь, его Ядвига, потеряв сознание от удара с высоты десяти метров, лежала спиной вверх и даже не стонала. Но еще была жива. Жить ей оставалось, учитывая температурный фактор, не больше пяти минут — время, достаточное для спасения Ядвиги».

— Уф, — честно вздохнул я. — Однако, что за бред вы написали?

— Это последствия ядерного взрыва, — объяснил с некой снисходительностью гость.

— Ну, взрыв, так взрыв. Посмотрим концовку. «Все так же багрово светило солнце, и его лучи не могли достичь сквозь тучи пепла, витавшие над землей, земли, и не могли ее согреть. Поэтому страшный холод — минус сто градусов по Цельсию — терзал последних уцелевших на Земле. Они сидели в самой глубокой пещере, там, где уже может согревать мантийное тепло, и ждали, когда за ними прилетят. Конец». Что, это все?

— Я еще хотел добавить две главы, но мне сказали, что в редакции принимают рукописи не больше двадцати авторских листов. А там инопланетяне прилетают и спасают Землю!

Ай да Г., ай да сукин сын! Удружил, нечего сказать.

— Вы что же, — осторожно поинтересовался я, — намерены это опубликовать?

— Разумеется, это новое направление.

— М-да. Мне все же кажется, что публиковать еще рановато. Пусть рукопись отлежится, потом перечитаете свежим глазом. Некоторая стилистическая правка...

— Вам что, не понравилось?

— Понимаете, стилистика... — я почему-то стал оправдываться.

— А стилистика кажется вам сложной из-за того, что это новизна! — назидательно разъяснил он.

— Ну, предположим. И что же вы от меня-то хотите?

— Рекомендацию! — твердо ответил он. — Хотя бы, хорошую рецензию.

Не хватало только.

— Знаете, уважаемый, почему бы вам не обратиться за помощью... ну, хотя бы к Д. Он работает в жанре ужаса, я могу вас отрекомендовать.

— А вы? — у гостя сделалось лицо недовольного ребенка.

— Я не могу, — твердо возразил я. — Это не мой жанр. Рецензия не будет иметь ценности в глазах издателей. А вот Д. — это совсем другое дело.

Он, похоже, обиделся.

— Только позвоните сейчас.

— Почему сейчас?

— Идеи носятся в воздухе, — охотно объяснил он. — Пока я тут хожу, уже кто-то пишет... У меня так украли три идеи романов!

Я вздохнул и взялся за трубку телефона. Как назло, Д. был дома.

— Послушай, старик, — начал я, — тут у меня появился молодой, но жутко перспективный автор...

ФЕДОР ЧЕШКО

СО СТОРОНЫ

(новелла из романа «Между степью и небом»)

ДОВОЛЬНО.

Голос усталый, тусклый. И свет тоже как-то по-странному тускл — небольшая комната будто бы подернута тончайшей пудрой неухоженного дряхлого золота. И видится она будто бы сквозь стекло... сквозь толстое стекло, на котором еле намечены прозрачно-дымчатые узоры... такие же, как на резных дубовых панелях, как на тисненых корешках массивных старинных книг...

— Довольно, Генрих. Не хочу сейчас обсуждать дела. Ваши дела не хочу и не могу сейчас обсуждать.

Говорящий сидит во втиснутом меж двумя книжными шкапами готическом кресле. Сидит сутуло и грузно, пряча лицо в ладонях; серый китель без знаков различия нелепо топорщится на вялых плечах.

— Лучше расскажите мне о другом. Расскажите, что думают они, они все.

Оранжевые блики вычурных настенных светильников плоско, как приклеенные, лежат на лаковой черноте его голенищ; назревающим лысиным глянец просвечивают сквозь зализанные темные пряди...

— Кто «они», мой магистр?

Второй стоит посреди комнаты. Он вроде бы спокоен, расслаблен даже; узкую спину его облегает не мундир, а пиджачное коричневое сукно... Вот только и от штатского изысканного костюма, и от показной вольготности позы почему-то назойливо веет стойкой «во-фрунт».

— Все они, Генрих. Все. Матросы. Патеры. Генералы. Шлюхи. Бюргеры, мастеровые, промышленники... карточные шулера... торговцы вразнос... Как все, все, все они сами себе объясняют то, что происходит?

Стоящий растопыривает локти, принимается делать что-то невидимое со спины. Достал из нагрудного кармана платок, утирает лицо? Возможно. Или как-нибудь по-другому тянет время, соображая, чего от него хотят. Наконец, принимает прежнюю позу, говорит осторожно:

— Я, конечно, не могу точно узнавать мысли... тем более, мысли всех...

Голова сидящего вскидывается, едва не впечатываясь затылком в высокую кресельную спинку; руки, будто вдруг обезкостнев, падают на колени...

Теперь можно видеть его лицо. Глаза полусосущены, пронзительны, неподвижны; от клювообразного носа залегла на верхней губе странная тень; лоб косо перечеркнут острой слышшейся прядью...

— Генрих, ваш актерский талант не вызывает сомнений, но амплуа рекомендую переменить: роль христианского смиренника вам не идет. Ну же, не тратьте время. Мне некогда: через час я назначил штабистам кригсмарине.

А коричневый щеголь тем временем раздумчиво прошелся по комнате, прислонился-замер в углу расплывчатым ступком сумерек — только на то и хватило сил пыльно-золотому электрическому сиянию, что до глаз его дотянуться, расплескаться в них лужицами неестественно ярких бликов... бликов... в глазах... нет, в очках... в пенсне... в двух стеклянных дисках, то ли впрямь дымчатых, то ли вымутненных глубокой тенью.

— Мне не вполне понятен вопрос, мой магистр, — выговорил, наконец, спрятавшийся в тени Генрих. — Вы не можете не знать, что думают все... э-э-э... они. Нация, как никогда, сплочена безоговорочной верой в ваш гений, в силу и мудрость Партии, в свою священную миссию установить новый мировой порядок... Конечно, есть еще критиканы и скептики, но они малочисленны, разобщены и активно выявляются при всемерной помощи широких народных масс. Будь положение дел иным, я бы доложил, не ожидая ваших...

— Воистину, пропаганда — оружие пострашней урановой бомбы! — Лицо сидящего коверкает мучительная брезгливость. — Если даже высшие посвященные Ордена в приватной беседе не могут обойтись без Геббельсовских штампов...

Все еще кривясь, он принимается теребить верхнюю губу (а-а, это не тень там у него, это усы-щечочка); речь его делается маловнятной:

— Безоговорочная вера... Если так, если действительно так, то немцы — нация идиотов! Нация кретинов, не способных даже задуматься: как нищая, изнасилованная, погрязшая в анархии и разрухе страна за десяток лет достигла могущества, которого не знала история... история человечества... В двадцать седьмом им платили жалование дважды в день, чтоб они успели хоть сухарь купить на свои пожираемые инфляцией миллионы... А в тридцать шестом они выступили в новый великий поход против всего мира! А в тридцать девятом они уже топтали знамена своих недавних победителей! И никому не приходит в голову поразиться: как?! Как могло случиться такое чудо?!

— Вы не правы, мой магистр. Некоторые смутно догадываются о мистической подоплеке наших успехов. Многим, даже известным прежде как закоренелые материалисты, вы внушаете суеверный восторг. Одни считают вас надсуществом, другие видят в вас сверхъестественное двойственное начало. «Как по вечерам темные окна загораются светом, так и в этом с виду простом человеке зачастую вспыхивает нечто непостижимое, внезапно преображая его в архангела», — это я почти слово в слово процитировал

Штрассера. Вас считают медиумом, посредником между людьми и некими высшими могучими силами...

— Это называется проще, Генрих, — магистр обмяк в своем кресле, снова прикрыл ладонью глаза. — Это называется шизофрения. Шизофреники тоже, бывает, слышат голоса, которые учат, что и как делать. Слышат, выполняют приказы... не будучи в состоянии понять, зачем... — Он вцепился в подлокотники, сжался, будто бы почувствовав над собой убойную, готовую рухнуть тяжесть. — Я перестал понимать, Генрих! — сильный надорванный шепот кажется пронзительней крика. — Нет, не так. Я только теперь понял по-настоящему. Понял, что раньше понимание мне только мерещилось.

— Но мой магистр...

— Нет, молчите, Генрих! Вы преданный талантливый исполнитель, вы посвящены в Высшие, но и Высший Круг тоже во власти химер, рожденных туманом... промозглым туманом северных свинцовых морей... Невидимый остров Туле, этот нордический вариант преданий о Шамбале... Тайное убежище, инкубатор, где величайшие маги древности выспевают в богоравных сверхлюдей будущего, направляют нас, избранных, в нашей священной борьбе... Направляют и наставляют... Химера, химера!

— Но почему?..

— Почему?! — Магистр всем телом подается вперед, словно бы пытаясь и не находя сил вскочить. — Вот именно — почему?! Почему мы воображали, будто ОНИ помогают нам?!

— Это же очевидно. Вспомните хотя бы ваши гениальные предвидения, — Генрих затевает тщательное протиранье пенсне (нарочитая размеренность движений кажется попыткой ненавязчиво успокоить собеседника). — Пассивная реакция западных демократий на ввод наших войск в Рейнскую область, точная дата подписания пакта с Советами, точная дата падения Парижа... Вы же сами говорили, что все это подсказано ИМИ!

А магистр уже вновь обмяк.

— Да, — вяло говорит он. — Да, нас мастерски приручили... приручили... верить ИХ предсказаниям... В октябре население Москвы поднимет антисталинское восстание, большевистские вожди уведут остатки армии за Урал в надежде, что сибирские снега и морозы задержат наше наступление... Но зима выйдет сухой и небывало теплой... К тому же японцы не позже ноября вторгнутся в Россию с востока... А если все это не сбудется? Вместо детального, четко проработанного плана действий — падение в неопределенность; и нам останется только блуждать наощупь впотьмах, как детям, потерявшимся на огромных русских просторах...

— Но зачем ИМ это? Ведь общая наша священная борьба... — Генрих смолкает, растерянно взблескивает стекляшками пенсне там, в темном своем углу, потому что... Не то кашель, не то рыдания... Или это смех такой у магистра?

— Общая... — продавливается, наконец, сквозь булькающие всхлипы что-то членораздельное. — Общая наша... Поймите же, наконец: это ИХ борьба! И мы ИМ не помощники, нет — мы сами напросились к НИМ в слепые орудия! Понимаете?! Сами! Мы привлекли к себе внимание сил, ужас власти которых не способны постичь! Я начинаю подозревать, что ИМ безразлично даже, кто победит в нашей нынешней муравьиной возне. ИМ нужна не чья-то победа, а жертвы. Сотни тысяч, миллионы, десятки миллионов жертвоприношений, беспримерных в своей извращенной жестокости. Раньше ОНИ намекали на это, теперь уже откровенно угрожают бросить нас на произвол судьбы, если мы не... Жертвы, новые и новые множества убитых ужасом, голодом, страданием, унижением... Понимаете?! Им нужны убийства не тел, а душ! И после всего этого вы смеете лепетать мне про Туле! Я же говорил: впереди туман, туман, туман... А в тумане так легко принять за остров окончность одного из мысов неведомого берега... Тайного берега, населенного... населенного... — Его речь все чаще срывается истеричными провизгами, глаза закатываются, на губах лопаются мутные пузыри... — Вы все, кажется, ждете пришествия «сверхчеловека будущего»? Могу обрадовать: дожидаться уже не надо. Он уже здесь — по крайней мере, один. ОН страшен, Генрих! На свою беду я наделен... Нет, не так — я ПРОКЛЯТ некоторыми сверхъестественными возможностями, я сумел ЕГО распознать, я смог даже заглянуть мельком в ЕГО помыслы... Генрих, я — я! — едва не умер от ужаса! Вы не представляете, не способны представить себе то, что грядет! Мы стронули с места какой-то шарнир времен! На планете Земля произойдет переворот, равного которому не знает Вселенная! И я счастлив — слышите? — счастлив, что не успею дожить. При мне только начата закладка фундамента этого умопомрачительного здания, этого храма нового порядка, невообразимого для обычного человека... Из всех вас один только Рудольф...

— Простите... Рудольф? Гесс?

— Да! Только он один... нет, не понял — лишь почувствовал, заподозрил... И бросился бежать, очертя голову, не разбирая средств и дороги. И теперь трясется в английской тюрьме, молится, чтобы стены оказались достаточно крепкими, а запоры надежными... Глупец! На земле нет, человеку не выдумать спасительных убежищ от того кошмара, который навис над миром!

Генрих порывается что-то сказать, но магистр обрывает его раздраженным взмахом трясущейся молочно-белой ладони:

— Вдумайтесь в мои слова, переберите в уме факты, и вы поймете, что все это — не бред усталости! Вспомните хотя бы это чудовище, Академию!

— Вы подразумеваете Ананербе?

— Да, да! Огромный институт с нордической педантичностью разрабатывает архиважные для воюющего государства темы. Анатомические зоны локализации расового духа в человеческом организме... История

ордена Розенкрейцеров... Символизм отказа от использования арфы в музыке Ольстера... Тайные экспедиции в Тибет, в Тунгусию — к месту падения гигантского метеорита... Вивисекция, энтомология... Огромные, многотысячные коллекции черепов и скелетов евреев, цыган, славян... Я много раз пытался понять: зачем? Я расспрашивал непосредственных исполнителей — по-моему, они сами не...

Он вдруг резко выпрямляется в своем кресле; взгляд немислимо расширившихся зрачков упирается словно бы прямо в глаза, которыми видится вся эта сцена.

— Что с вами, мой магистр?

— Мне померещилась собака. — Голос дрожит, пресекается. — Овчарка. Большая, рыжая — вон там, словно бы на стене... в стене...

— Вы слишком много работаете, — мягко, успокоительно внушает коричневый. — Вы переутомлены, расстроены, и подсознательно ищете источник положительных эмоций. Ведь ваша слабость к собакам и детям общеизвестна.

— Общеизвестна, — чуть ли не по слогам выговаривает магистр. — Слабость. — Он явно силится, но все не может оторваться от приворожившей его стены. — Вы правы, это именно слабость. Я их боюсь.

— Собак?

— Да. И детей.

— Но почему?!

Глаза магистра блекнут, от крыльев носа к уголкам рта западают глубокие трещинообразные складки.

— Это мой давний неотвязный кошмар. Новое в старом. Дитя в утробе. Еще во время той, прошлой войны, я часто видел во сне: нерожденный ребенок с волчьей пастью... Говорят, такое уродство бывает на самом деле... ребенок... с пастью... и вот он, наскучив дожидаться естественных родов, начинает... начинает... выгрызаться наружу... сквозь живую материнскую плоть... урча... захлебываясь кровью... под животные вопли ничего не понимающей жен... женщины...

Омелелое остроносое лицо как-то внезапно, толчком мокреет от пота, глаза закатываются, скрюченные пальцы впиваются в воротник...

Мгновение-другое Генрих, не шевелясь, следит, как магистр сползает с кресла, как он дергается, елозя затылком по вощенному паркету, надсадно хрипя...

Потом смутная коричневая фигура вышагивает из своего угла к журнальному столику, наклоняется над массивным телефонным аппаратом...

— Это я. Я в эрст-бункере. Немедленно пришлите врача — того, вашего. И готовьте дублера. У фюрера снова припадок — думаю, в этот раз не меньше, чем дня на два.

МАРИНА ЯСИНСКАЯ

ЗВУКОРЕЖИССЕР

Слышь, шеф, переключи на сто три и восемь, а? — трогаю я за рукав водителя маршрутки.

— Валяй, — не отрывая сосредоточенного взгляда от дороги, отзывается он.

Я играю разбитыми кнопками на потертой магнитоле, и вскоре из колонок раздастся незатейливая мелодия.

Выжидаю с минуту, словно невзначай оборачиваюсь. Сидит, конечно, сидит — куда же он денется? Смотрит на унылый осенний пейзаж. Нахмуренный лоб постепенно разглаживается... Повезло ему — именно в его имя я ткнул наугад в длинном списке тех, кому сегодня был нужен.

— Останови на следующей.

Я выпрыгиваю на мокрый асфальт пасмурной улицы, провожаю взглядом фыркнувшую бензиновым облачком «Газель».

Вот я и озвучил еще один кадр из чьей-то жизни.

Ох уж это поколение, выросшее на голливудских фильмах! Не мыслят себе грустных размышлений без рока, напряженного ожидания без брегбита, а любовных объяснений без блюза.

Когда ты учишься жизни только по кино, неудивительно, что трогательное признание возлюбленного без серенады под окном отдает фальшью, а горькая утрата без меланхоличного Баха — подделкой... Настоящие эмоции по сравнению с усиленными саундтреком кадрами кажутся бедными и бледными; без директора картины, запускающего продуманную музыку к соответствующим моментам в ленте их жизни, людям не хватает остроты переживаний и полноты чувств.

Людям нужны звукорежиссеры.

Окно второго этажа облупившейся «хрущевки» распахнуто настежь; я сижу в неприметной «хонде» с опущенными стеклами и слушаю напряженный обмен упреками. Точнее, слышу я только одну сторону:

— Ты же мне обещал! Ты же говорил!..

Олег, молоденький звукооператор, отданный мне «на воспитание», шепотом спрашивает:

— Пора?

Новенький, еще недавно на работе, пока не научился чувствовать подходящий момент.

— Рано. Она еще не закончила.

Проходит пара минут тишины. Для нас — тишины, но я-то знаю, что расстроенной женщине что-то тихо втолковывает глуховатым голосом ее муж.

— Да если бы тебе было до меня хоть какое-то дело, ты бы никогда не продлил контракт! — снова раздается из окна. — А тебе наплевать! Наплевать на то, каково мне здесь! Наплевать, что я боюсь каждого телефонного звонка! Боюсь каждого стука в дверь! Что каждый раз сердце замирает от ужаса, стоит только представить...

Раздаются горькие всхлипы.

Вот теперь пора.

— Включай, — киваю Олегу, а сам выбираюсь из машины.

Тот послушно поворачивает ключ в замке зажигания, и через миг из «хонды» начинает литься какая-то в меру печальная попса.

Я, тем временем, бегу за угол дома. Вот и он. Облокотился на перила балкона; красноватый кончик сигареты обрисовывает в темноте силуэт плеч, кажущихся совсем квадратными от жестких погон на кителе.

Так... Как бы мне понезаметнее...

У подъезда соседнего дома сидят подростки с гитарой. Сойдет. Решительно направляюсь к ним. Прощу огоньку, хотя, вообще-то, не курю.

— А давайте, я вам сыграю, — ненавязчиво предлагаю я.

Через миг гитара — в руках, и я перебираю струны, нангрывая какой-то искренний и безыскусный армейский мотив.

Жду, когда погаснет на балконе второго этажа огонек сигареты и хлопнет стеклянная дверь.

Я помню мир еще без звукорежиссеров. Но стараюсь не афишировать. Не знаящие времени, когда лучшим аккомпанементом к рыбалке было щелканье сверчков и далекий гудок проходящего поезда, а для приятных воспоминаний — барабанившие капли дождя по стеклу и шелест шин по мокрому асфальту, они выпрашивают меня с жадным любопытством:

— И как же вы тогда, а?

«Да неплохо», — мог бы ответить я. Но не отвечаю. Потому что знаю, что жадное любопытство в глазах сменится снисходительным, отчасти даже жалостливым недоверием.

Разучились, разучились мы чувствовать сами. Нам теперь подавай музыкальное сопровождение. Без него все чувства для нас стали как «понарошку».

А по мне, «понарошку» — как раз так. Саундтрек для меня даже столько лет спустя так и остался костылем для разучившейся чувствовать самостоятельно души.

— Почему мы никогда не бываем на свадьбах? — интересуется у меня Олег.

Мы сидим за столиком уличной кафешки и глядим на проносящийся мимо нарядный, в лентах и шариках, кортеж.

— Ну, подумай сам, — говорю я, жмурясь на по-летнему теплое сентябрьское солнце, — на свадьбах они прекрасно справляются сами. Очень давно научились, еще до нас. Марш Мендельсона, Венский вальс, «Музыка нас связала», «Ах, эта свадьба», «Виновата ли я»...

— Понял, — кивает он головой, нарушая ложкой подтаявшую округлость шарика пломбира.

Мы оба делаем вид, что не смотрим на сидящих за соседним столиком. Нетронутое мороженое тает в стеклянной вазочке; девушка нервно крутит в руках соломинку молочного коктейля, парень хмурится и смотрит в сторону.

Вот он подался вперед, принялся что-то медленно, с трудом говорить.

— Пора, — шепчу я Олегу.

Звукооператор идет к стойке, заставленной бачками с разноцветным мороженым и, обаятельно улыбаясь, просит продавщицу:

— Извините, вы не могли бы, пожалуйста, сделать радио погромче — сейчас будут крутить песню, которую я у них заказал...

У девушки за соседним столиком в глазах стоят слезы; кольцо, снятое с безмянного пыльца, лежит рядом с запотевшей вазочкой и ловит свет сгорающих сентябрьских листьев.

Из колонок несется ностальгический джаз.

Мы часто полагаемся на радио. Конечно, и с ним случаются сбои: отвлечет телефонный звонок, переключит радиостанцию водитель, убавит громкость сосед... Именно когда риск неудачи особенно велик, мы и идем к «объекту» сами — страхуем. Если никак не получится с радио, у нас с собой диски и магнитофон. Порой приходится играть самому, и хорошо еще, если под рукой есть инструмент. Однажды в ресторане мне пришлось играть на хрустальных бокалах...

Но в основном, конечно, радио.

Нет, ди-джеи вовсе не «наши» люди. Их слишком много, мы не успевали бы связываться со всеми. Слишком беспокойно, слишком сложно. Вместо этого мы управляем системой случайной выборки мелодий, той программой, которая перемешивает имеющуюся в запасах радиостанции музыку и проигрывает композиции в произвольном порядке.

Каждый раз, когда я раскрываю этот секрет профессии начинающим звукооператорам, они восхищаются. Мистическое попадание композиции под настроение приобретает совсем иные черты. Оказывается, вовсе неспроста ты замираешь на волнах какой-то радиостанции, а потому, что играющая музыка так созвучна твоим мыслям и переживаниям! И вовсе не случайно доносящаяся из окна проезжающей машины мелодия оказывается «в тему».

Я же в такой момент думаю, что им еще только предстоит пережить разочарование, которое испытывает каждый человек, который развенчал

какую-то тайну. Чем меньше в мире становится необъяснимого, тем меньше остается очарования. Куда приятнее думать, что неожиданная музыка, подсакавшая ответ на мучивший тебя вопрос, является знаком судьбы, а не результатом тщательной подготовки невидимого звукорежиссера твоей жизни.

Простейшая ситуация, классическая до невозможности: кафе-бар, приглушенный свет, затемненная сцена с одиноким микрофоном, слезы в глазах только что брошенной девушки. Мы проходили такие ситуации десятки раз...

Олег выходит к микрофону с гитарой:

— Разрешите, я исполню одну песню.

Зал не возражает.

Отыграно прекрасно — шансон с налетом тюремной романтики.

Шаг со сцены, всего один короткий взгляд на немного успокоившуюся девушку.

А дальше — моя вина. Только моя. Я слишком рано уступил просьбе Олега, позволив действовать самостоятельно, одному. Ему еще не хватало умения почувствовать какие-то оттенки происходящего; не хватало способности оценить всю картину целиком, не упустить из виду детали...

За одним из столов, рядом со сценой, сидела компания молодых парней, богатых деньгами родителей, пьяных разливным коньяком. Воображавших себя повивавшими кое-что в жизни.

— Слышь, пацан, прикольная песня, — пошатываясь, приподнялся один из них и протянул свернутую купюру. — Сыграй-ка еще разок.

Олег был прилежным учеником, из него вышел бы хороший звукорежиссер. Он помнил, он твердо знал, что мелодию нельзя проиграть во второй раз, в неположенном кадре она может оказать самое пагубное воздействие на ситуацию.

Он даже не провоцировал их. Просто покачал головой в ответ, отказывая.

Короткое и бурное выяснение вопроса, кто, кого и насколько уважает, завершил выкидной нож в грудь.

Олег был не первым звукооператором, которого я учил нашему делу. Но его нелепая смерть, смерть «при исполнении», что-то сдвинула во мне...

У них ни у кого не оставалось шанса: ни у присяжных, ни у прокурора, ни у судьи. Они все прослушали мелодии, которые я выбрал для них. Вердикт — виновен. Срок — пожизненно.

Но мне было мало.

Я стал преследовать семью убийцы: стоял в машине у дома его родителей и из вечера в вечер позволял одному и тому же заунывному мотиву проникать в их окна... Его отец спился, а мать приняла смертельную дозу снотворного.

На работе я уже давно не появлялся. Да, нас и так мало, на всех не хватает. Но после случившегося я не могу... не имею права называть себя звукорежиссером...

Я знаю, ты меня не слушаешь. Мне это и не надо. Мне просто надо было кому-то рассказать. О том, почему так получилось. О том, что я сожалею. О том, что я больше никогда... никогда...

Видишь, впереди мост? Там состав чуть притормаживает. Как раз успею. Сразу из поезда — вниз...

Ну, все. Мне пора. Спасибо, приятель. За то, что слушал. Ты спи, спи... Я тебе в карман сотню сунул. Купи себе, что ли, куртку почище. Или на опохмел. В общем, как решишь...

Электрический свет в пустом вагоне размывал, стирал черты спящего. Скромно одетый, слегка небритый, вязаная шапка низко надвинута на глаза. Измученный рабочий класс, отметивший парой бутылкок дешевого пива день получки. А может, бомжующая российская интеллигенция...

Мужчина, сидевший напротив, моложавый, с седыми висками и сосредоточенным взглядом, вздохнул, решительно поднялся и направился в тамбур.

Поезд чуть притормозил.

— Какая нелепость — смерть без музыки.

Мужчина, уже распахнувший тяжелую дверь, словно споткнулся о так неожиданно прозвучавшую в неживой тишине пустого вагона фразу. Фразу, исполненную для него, звукорежиссера, совершенно особого смысла.

Обернулся.

Бомжеватый рабочий всхрипнул и повел плечом, поудобнее прислонясь к стеклу окна.

Поезд, набрав скорость, помчался дальше. Оставил позади, на мосту, одинокую фигуру, провожавшую его взглядом только что проснувшегося человека.

На ближайшей станции бомжеватый рабочий встал и бодрым шагом вышел на перрон. Достал из кармана поношенной куртки смартфон, выронив на асфальт свернутую купюру. Полистал страницы, нашел нужное имя. Поставил напротив галочку — задание выполнено.

Поднял голову и некоторое время смотрел на звездное небо, о чем-то напряженно размышляя. Наконец негромко произнес:

— Звукорежиссеры, да? Интересно, интересно... Ну, что ж, было приятно познакомиться. Фразник.

ОЛЕГ ПЕЛИПЕЙЧЕНКО

ФОРУМ

(Из серии «Как это было на самом деле»)

Корабль Одиссея медленно приближался к самому большому из Сиренузских островов. Грести никто не хотел, все моряки столпились у борта и отчаянно шурились в сторону холмика, на котором сидели сирены. Время от времени мужчины, забывшись, отпускали скабрзные шуточки и тут же с досадой цокали языками: как только острова показались на горизонте, предводитель приказал залепить уши воском. Все с завистью поглядывали на двух ионийских матросов, владевших языком жестов: те оживленно махали руками, складывали пальцы в замысловатые фигуры и гнусно хихикали.

Одиссей ежился и шевелил затекшими конечностями. Стоять у мачты было весьма неудобно: шероховатая поверхность успела натереть спину, саднило кожу, ремни врезались в запястья и лодыжки. Но волшебная музыка нептуновой арфы, расположенной где-то у берега, заставляла забыть о мелких неприятностях. Волны, словно ласковые пальцы музыканта, перебирали сухожилия неведомого морского зверя, натянутые поперек костяного ящика; чуть приглушенная мелодия порождала в сознании колдовской мир океанских глубин, населенный красочными причудливыми обитателями...

Нежные голоса сирен становились все более отчетливыми, уже можно было разобрать отдельные слова. Наконец днище зашуршало по песку, корабль чуть покосился и замер. Одиссей мельком отметил, что чайки, клубящиеся в небе над другими островками, держатся от этого берега на почтительном расстоянии. Однако обдумывать подобную несуразность у него не было ни малейшего желания: итакйца ждало редкое удовольствие, недоступное для других смертных.

Изголодавшиеся по общению с женщинами моряки пожирали глазами пышные формы обительниц острова, но приказ своего предводителя выполняли беспрекословно: на берег ни ногой. Сирены тем временем сидели рядом, спокойно нанизывали ракушки на тонкие водоросли и пели так красиво и слаженно, что дух захватывало. Одиссей затаил дыхание, навестрил уши и начал вслушиваться.

—...прыщик белесый вскочил на моей ягодице, на левой... — разобрал он слова одного из самых пленительных голосов. Озадаченный герой встряхнул головой и вытянул шею в сторону певиц.

— Это субстанций обмен, — начала выводить в ответ другая, — виноват, коль ты в тягости долго...

— Надо ль снимать чешую на осмотре, коль лекарь — мужчина? — затынула свое сидевшая рядом приземистая смуглянка. — Всеми местами краснеть мне приходится в каменном кресле...

Ее напев тут же перекрыли другие голоса изумительной красоты:

—...и от испуга тотчас, мышцы знаете где сократились?..

—...в грудь заложила она для объема четыре медузы...

—...прямо по коже угри, в серых точках, расширены поры...

Брезгливо скривив губу, Одиссей отвел взгляд и от души сплюнул на палубу. Он уже начинал жалеть о своей хитроумной идее. Остальной экипаж с удовольствием любовался стройными фигурками, а вкрадчивые голоса сирен в это время медленно заползали через ухо в голову героя и ощупывали изнутри его череп своими клейкими усиками, вызывая нервную дрожь...

—...как поцелует меня, сразу ниже пупка сладко ноет...

—...ощупью не распознать, где там груди, а где ягодницы...

—...нет, не бывает, увы, у тритонов растяжек на бедрах...

—...раньше волосики тут, на подмышках, курчавыми были, а от бальзама того распрямились они в одночасье...

Багровый от смущения Одиссей громко завопил, пытаясь докричаться сквозь воск хоть до кого-нибудь из команды, но воины в кои веки проявили усердие и запечатали уши крепко-накрепко.

А голоса все не смолкали:

—...там, где потело весь день, к ночи мелкая сыпь появилась...

—...значит, дельфины всегда от массажа простаты шалеют?..

—...мой сладко-липкий малек, медовунчик мой масенький, сюсик...

—...ох, у меня над хвостом во-от такой целлюлит, посмотрите...

—...все-таки как хорошо, что у нас есть сообщество бабье...

В голове у бедного Одиссея помутилось, и голова бессильно склонилась на грудь. К счастью, рулевой случайно оглянулся и увидел, что с хитроумным героем творится что-то неладное. Вспокоенные матросы из всех сил уперли в песок длинные весла, затем начали понемногу выгребать на глубину. Как только корабль отошел от острова достаточно далеко, воины отвязали своего предводителя от мачты, бережно уложили на палубу и смочили ему губы на редкость кислым вином с острова Эола. Одиссей шевельнул ресницами. Перед глазами мелькали светло-серые тени вперемешку с темно-серыми, в висках пульсировала боль.

— Что с тобой? — спросил обеспокоенный рулевой. — Неужели напевы сирен повредили твой рассудок?

— Поверь, наш рассудок не в силах вынести их песни, — прошептал Одиссей, и его глаза опять закатились.

ОЛЬГА ЧИБИС И ГУЛЯ РИФ

ИЗ КОЖИ ВОН

(По мотивам башкирских и русских сказок)

Борон-борон замандá, что в переводе с башкирского означает: в давние-давние времена в одном густом лесу на южных хребтах Уральских гор жил шуралé. Жил он так долго, что давно уже забыл, сколько ему лет, а имя собственное, как и все его сородичи, узнавал только тогда, когда просыпался. «Как меня зовут?» — спрашивал он у птиц и зверей, пробудившись. «Урманхужá, — отвечали лесные жители. — Лесовик ты, лешак, леший, всего леса господин. Ведь “Урман” — лес, а “хужа” — хозяин!»

Жил Урманхужá себе, поживал, ни о чем особенном не думал, не горевал. Каждый день обходил лесные владения, следил за порядком. Невоспитанных охотников да не в меру жадных бортников (тех, кто мед собирает) попугивал: то медведя на них выведет, то диких пчел натравит. А придет человек вежливый, попросит громко помощи у него, невидимого, шурале тут же расстарается: сам тропиночку выстелит к дереву с дуплом, где пчелиный рой. «Айда, коли ты воспитанный да умелый бортник, — прошепчет тихо себе под нос, — собирай дикий мед, только осторожно: пчелиной семье не навреди. Навредишь — запутаю следы. С тропки сведу, в лес уведу-у-у — только тебя и видел».

Почти никогда шурале не показывался людям: не хотел пугать их необычной внешностью. Он был лохматым, одноногим и одноглазым. Но это не мешало его зоркости и сноровке. Одним-единственным глазом видел он далеко окрест, а на одной ноге скакал так высоко и быстро, что никто из лесных обитателей не мог с ним сравниться. А когда нападала на шурале тоска, озорничал он: темной ночью ловил быструю лошадку из людского табуна и катался на ней верхом. Но вообще-то совсем невредным был Урманхужа, бесхитростным, и даже робким иногда.

Вот так размеренно проходил день за днем. Ночь сменяла утро, весна растапливала зиму, осень торопила лето — стекали годы в быстрые горные речушки с каменистым дном и бежали куда-то, весело звеня. Не думал, не гадал, не мечтал и не желал изменить свою жизнь Урманхужа. Но однажды...

Как-то весной появились в лесу птицы незнакомые, гости перелетные. Маленькие ростком, но красоты — невиданной. Наполнился лес, еще

от зимней спячки не пробудившийся, веселым щебетом. Долго переговаривалась стайка хохлатых птах меж собой на неведомом языке, перелетая с дерева на дерево, порхая с ветки на ветку.

— Прекрасные птицы! — восхитился Урманхужа, вслушиваясь в их гомон. — Жаль, не разобрать, о чем щебечут...

— Я понимаю их, — подала голос тараторка-Сорока с дерева. — Я везде и всюду летаю, много разных языков знаю. Эти хохлатки — свиристели. Говорят они о краях дальних, южных, где зимовали, и о тех землях, что не так далеко от нас расположены. Вспоминают: сидит на болоте за дальним лесом, в двух днях лету отсюда, красавица-кикимора, распустив космы зеленые, выпучив глаза водянистые. Сидит на кочке и кручинится: никто замуж не берет. Зовут ту кикимору болотную Кваки Мора...

Лишь произнесла Сорока имя красавицы иноземной, как тут же в груди у Урманхужа что-то екнуло, и накатила на него грусть-тоска непонятная.

— Кваки Мора, — повторил он, прикрыв единственный глаз. — А что? — встрепенулся. — Может, мне посвататься к ней? Чем я не жених?

— Хар-хар-хар! — от души закаркали-засмеялись над головой шурале вороны.

— Чир-чир-чир! — чуть не подавилась смехом Сорока.

— Хы-хы-хы! — затрясся Волк. И остальные звери тоже весело засмеялись неожиданной выдумке шурале.

— Эй-ей, — покачал укоризненно лохматой головой Урманхужа, — смеетесь надо мной, а я точно пойду за невестой хоть за тридевять земель!

Если бы лесные жители не подняли шурале на смех, то он повздыхал бы немного, погрустил и успокоился, а тут, будто сам ен, черт, в него вселился: «Женюсь на иноземке!» — решил уже твердо.

Не мог шурале просто так уйти. Поднялся на вершину горы и попросил Пэрея, друга своего и духа ветра, последить за лесом во время его отсутствия. Согласился Пэрей.

Вечером выловил шурале из табуна тулпара, самого быстрого и крепкого скакуна, и отправился в путь-дорожку...

Лунными ночами, заглушая лягушечий гвалт, летела над болотом заунывная песня. Перемежалась песнь тяжелыми вздохами и причитаньями.

Песнь:

Э-эх, и ночка... вот так ночка...

Только жаль, я одиночка.

Поменять все надо сочно, —

Выйти замуж — это точно!

Причитанья:

Тягостно мне, тягостно,

Грустно и безрадостно!

Снова песнь:

*Крикнула в густую ночку:
«Спрячь меня ты, одиночку!»
А в ответ — лишь море точек —
Звезды, этой ночи дочки.*

Причитанья:

*Тяжело мне, тяжело —
И в душе растет бельмо!
О-ох!*

Разрастается бельмо!

Продолжение песни:

*Сердце стало мое кочкой.
Трудно в ночку одиночке.
Спеть осталось одну строчку
А потом поставлю точку.*

Причитанья:

*Где ж ты бродишь, суженый?
А-ах!*

Скоро ль станешь мужем мне?

Уже которую ночь подряд, сидя на упругой кочке и завывая, распускала Кваки Мора зеленые волосы, подолгу расчесывала их длинными крепкими когтями. Затем вплетала в косы свежие лилии.

— Как же та-а-ак? — раскачиваясь взад-вперед, спрашивала она у матушки своей Квики Моры, что у ног ее в нежно-бурой мути плескалась. — Почему-у-у?! — громко восклицала на все болото, хватаясь за голову. — На лягушку Бородулю царевич позарился, а меня, первую красавицу болотную, не приметил, стороной обошел?

Лягушки, высунув головы из мутной воды, весело квакали над горем кикиморы — радовались за подругу Бородулю. Кваки Мора злилась, шлепала прутиком по жиже, бросалась в лупоглазых комьях грязи.

— Дак ты ж сама корягой прикинулась! — пыталась ее образумить матушка-кикимориха, мимоходом ловя комаров и мошек.

— Испужалась я, засмуцалась... уж больно хорош оказался царевич-то: гладенький, пригоженький...

— То дух болотный тебя отвадил: негоже это — кикиморкам за людей замуж выходить. Чужеродные они!

— Ага, — взвилась Кваки Мора, — значит, лягухам за царевичей можно, а мне нет? Прогнивай, стало быть, годочки молодые под хлюпанье болотное, под комариный писк? Я, между прочим, на речных камешках гадала — выпало, что за царевича замуж выйду!

— Дак и схватила бы стрелу-то, — укорила дочь Квики Мора, — вона, Бородуля не растерялась... А теперь ей, заверю я тебя, из кожи вон лезти

придется, дабы царевич по-настоящему жаниться на ней порешил. Гадать-то ты мастерица... А из кожи вон ради любви полезть готова?

— А-а-а! — завопила Кваки Мора, замотав головой. — Матушка, не мажь мне ядом раны!

Та в ответ шлепнула по воде ладошкой:

— А ты не гневи больше ни меня, ни духа болотного! Ишь, капризница какая нашлась! Вот ты намеренна зачем жаниха такого справного прогнала? Лешак-то, он зажиточный: в хозяйстве цельный лес имеет. Жила бы себе припеваючи, а теперь... Чую, застрянешь ты у меня в девках с таким-то нравом, проведешь век вековухой. Нет уж, не будет по-твоему! Выйдешь за первого встречного — вот тебе мой сказ!

— Матушка!

Но старшая кикимора уже не слышала — скрылась на дне болота, только пузыри пошли...

Не пустым отправился Урманхужа за невестой: подарков всяческих захватил. Малахитовую шкатулочку у соседки, хозяйки Медной горы, выпросил. Сложил туда каменья самоцветные для будущего ожерелья.

Две ночи скакал шурале; два дня спал, спрятавшись в укромные места и отпуская пастись тулпара; два вечера коротал, вырезая невесте еще один подарок: длинную дудочку из полого тростника курай. Слышал шурале не единожды, как люди извлекают из курая дивные звуки, мелодии чарующие...

И вот края родные, холмы лесистые, остались позади. Равнина развернулась: поля чужие, дуга некошенные, реки тихие, зеркальные. И перелески, перелески: где бор, где — дубрава, а где — березняк. Только на третью ночь добрался Урманхужа до нужного места, густого леса нехоженого. Спрыгнул с тулпара, отпустил его пастись. Будто нутром почувствовал: где-то здесь невестушка...

Встал лес стеной, оцетинился ветками, — не принимает чужака. Понимал Урманхужа, что этот лес — не его родной, просто так не впустит в себя. «В любом доме хозяин должен быть», — подумал он и уже хотел кликнуть, как...

— Кто таков будешь? — прошелестел листвою могучий дуб. Это и был хозяин — лешак Лесован. Умел он оборачиваться всем, что было в его лесу.

— Я — шурале, — пролопотал на своем языке Урманхужа, угадав в дубе хозяина, но ни словечка из его речи не уразумев. Лишь по интонации понял, о чем спрос. — А зовут меня... — вдруг задумался шурале, забыв, по своему обыкновению, родное имя. «Как же меня звали, прежде чем я за невестой выехал? Не помню — хоть из шкуры лезь!»

— Урманхужа он! — прокричала с ветки та самая Сорока, которая переехала шурале щебет свиристелей. Очень она любопытной была — вслед за Урманхужой летела, вот и оказалась тут как тут.

— Почто заявился в мой лес? — продолжал дуб.

— Почто заявился в его лес? — важничая, строго переспросила Сорока. Она ужасно загордилась собой. Да и как не возгордиться: шуточное ли это дело — двух лесных хозяев, двух царей переводчиком быть?

— Э-эй, Сорока-тараторка, — ты ведь знаешь, почему я здесь — зачем спрашиваешь? — растерялся Урманхужа.

Лешак, соглашаясь, покивал ветками и вдруг — хлоп! — обернулся чудн-шем-юдищем. Весь в лохмотьях бурого мха, даже на голове мох, а не волосы; на лице, покрытом корой, глаза-плошки поблескивают. Руки-ноги, словно коряги, крючковатые, а тело согбенное.

Лесован глазел на шурале, размышляя: «От те лихо одноокое, одноногое — и где ж он ногу вывернул и потерял?» А Урманхужа с интересом разглядывал Лесована, усмехаясь про себя: «Э-эй, лешак совсем не ровня мне. Небось, когда скачет, о вторую ногу запинаятся. А два глаза? Зачем? Тьфу, шайтан он, а не шурале». Долго, думая каждый о своем, изучали друг друга два лесных хозяина, пока снова не вошла Сорока, птица настырная:

— Хватит вам в гляделки играть! — разозлилась она. Надоело ей молча на ветке сидеть. — Тоже мне, истуканы лесные! Да любая Сорока уже пять раз разобъяснить бы успела, что за кикиморой-красавицей шурале прискакал, свататься хочет! — В негодовании тряхнув хвостом, тараторка добавила: — Слетаю-ка я лучше к куме своей, Белобоке, что в лесу этом живет. Хоть новости последние узнаю! — и исчезла, только ветки закачались.

А Лесован ушам своим не верит: и этот-то уродец одноглазый, калека одноногий — на Кваки Море прекрасной жениться хочет? На той самой, которая его, Лесована гордого да пригожего, отвергла?! Опешил было лешак, а потом захохотал на весь лес.

Смех тот Урманхуже не понравился: почуял он, что соперник перед ним стоит. Да еще прямо в лицо насмехается, шайтан двуглазый! Подпрыгнув на ноге своей единственной шурале — топнул, закричал:

— А ну пропусти! — и на Лесована бросился.

Завязался меж ними бой нешуточный — такой, что аж медведи разбежались, а сморчки со строчками в землю попрятались. Кидаются друг на друга два лесовика, себя не жалея! Каждый соперника с ног сбить норовит: леший поваленный что дерево срубленное — такой же беспомощный... Да только победить ни один не может.

Обернулся Лесован осиной, ветками соперника проколоть хочет — Урманхужа в корнях его ежевичным кустом разросся, давит, душит... Перекинулся Лесован елью, иглами ошметинился — шурале его орешником тотчас же окружил-опутал, притеснять начал! Стал дубом могучим Лесован — Урманхужа вязом высоченным оборотился... ветвями, что в небо уходят, сцепились, перевились... вот-вот с корнями выскочат оба!

Поняли тут лесовики, что ничего им силой не решить. Отступили друг от друга, вернули вид себе прежний. Стоят, брови-кусты насупив, друг друга глазами сверлят.

А тут и Сорока-балаболка возвращается, новостями переполненная.

— Глядите-ка! — воскликнула, лепшаков увидев. — Я уж весь лес облететь успела, а они все на том же месте, как камни лежачие, бессловесные! А вот послушайте лучше, что мне кума сообщила! Матушка Кваки Моры за первого встречного ее замуж выдать решила — за то, что Лесована кикиморка прогнала!

А тем временем к Кваки Море подружка с соседнего болота на кашу из тины и рыски пришла. Была она в сравнение с Кваки совсем невзрачная: волосы не ярко-зеленые, а бледные, почти желтые, когти широкие и прямые, а не длиннющие и изогнутые; ноги же, наоборот, не коротенькие и толстенькие, как кикиморе порядочной полагается, а длинные и худые. И за собой дурнушка не следила совсем: перепонки меж пальцев волчьей ягодой не натирала, щеки пчелиным ядом не мазала, руки-ноги водорослями не обвивала... Даже звали ее как-то чудно, на лягушку похоже — Квакша Мурра, а чаще просто Квакша. Зато на редкость незлобива была и капризы подружки своей терпеливо сносила.

— Осерчала намедни маменька, — пожаловалась ей Кваки Мора, тину зеленым языком с ладошки слизывая, — говорит, за первого отдам, кого увидишь!

— Ну и хорошо, — ответила Квакша, — закончится твое одиночество, другую песнь запоешь!

— Да-а-а, — плаксиво протянула Кваки Мора. — Хорошо, если то царевич окажется... А если нет?! Намедни лепшак приходил, Лесован — уж до чего страшен! Весь мохом зарос, как шерстью, на лице кора, на спине горб... И мне ради такого шкуру менять, от красоты своей зеленой отказываться да еще боль нешуточную терпеть?!

— Почему б не поменять? — сказала Квакша, вздохнув, и украдкой в воду погляделась. — Я бы старую кожу сбросила — ради мужа-то хорошего, покладистого да безвредного...

— Тебе легко говорить, — надула губы Кваки Мора. — К тебе если и посватается, то водяной какой серенький, вроде Тристона Речного. Помнишь, как мы на речке его камешки для гаданья собирали? Ему ты и такая сгодишься. А я себе царевича нагадала! Каково же мне, красотке, будет, если за страшилище какое идти придется, самой страшилищем становиться?! Шкуру-то в жизни только раз поменять можно! И вообще, — дернула кикиморка плечом чешуйчатым, — сами ко мне сватаются, сами пусть и кожу меняют!

Вот так сидели они на кочках мохнатых друг против друга — о женихах рассуждали, тинкой лакомились, приправляя ее приставучими мошками,

ногами в воде болтали — лягушек распутывали... И вдруг выходят из лесу двое — и к ним.

Один — огромный, неуклюжий, руки словно коряги, тело сторбленное... Второй и того страшней — косматый, одноногий, одноглазый... А над ними Сорока-чернохвостка летит.

— Дух болотный! — охнула Квакша. — То ж к тебе женихи, подружка, пожаловали!

— Сама вижу! — буркнула Кваки Мора. — А ну-ка, исчезни, Квакшенька!

Квакша тут же бултыхнулась с кочки и только нос из воды высунула. А чудища лесные к Кваки Море подошли. Одноногий как глянул на нее, так рот и разинул: обомлел, видать, от красоты такой пучеглазой!

Пришлось Сороке его в темечко клонуть, чтоб в разум пришел.

— Девица-красавица! — помотав головой, обратился он к кикиморе. (Лесован его поганками зелеными накормил — стал понимать шурале язык чужого леса, и сам говорить на нем начал.) — Из дальнего края я к тебе пришел! Три дня да три ночи скакал, увидеть спешил. Жениться на тебе хочу, к себе в лес забрать! А зовут меня... зовут...

— Урманхужа! — раздраженно гаркнула Сорока, кругами летавшая сверху.

— Ты не думай, шурале не с пустыми руками пришел! — продолжал Урманхужа. — Подарки тебе я принес редкие, богатые... — С этими словами достал он из-за спины узел, из прутьев ивы плетенный. Пуще глаза он его берег, даже во время битвы, деревьями да кустами оборачиваясь, то под корой, то в корнях прятал! Из узла шкатулку вытащил и на колено свое единственное брякнулся. Стал каменья перед кикиморой раскладывать: — Вот это малахит. Он, как твои волосы прекрасные, черными прожилками изукрашен. А это яшма зеленая — пятнистая, что кожа твоя! А вот змеевик — на чешуйки твои похож, красавица! Ожерелье тебе сделаю — носи, сделай милость!

Поглядела на дары Кваки Мора — скривилась:

— Кто ж каменья кикиморе дарит? Ты меня никак утопить хочешь?

Растерялся Урманхужа. А Лесован смотрит, слушает да усмехается. Знал он, какой подарок кикиморе по нраву пришелся бы: волчья ягода да вороний глаз.

Сильно лешак на кикимору разобижен был, а услышав, что идти ей за первого встречного, рассудил так: явится он к ней с шурале вместе — и пускай выбирает тогда. Вот посмотрит она на лихо одноокое, так с ним рядом он, Лесован, первым ей красавцем покажется! Пожалее тогда капризная, что прогнала его. Да и матушка-кикимора на его стороне — так Сорока сказала... Забыл лешак, что сорочьим сплетням не во всем доверять можно.

Так и случилось: вылупилась Кваки Мора на женихов таких и не знает, какое лихо хуже. А Квакша за ее спиной вздыхает тихонько:

— Ах, мне бы кто такие слова сказывал да подарки такие даривал!.. Ты им, подруженька, дело какое поручи, — подсказывает она красотке-кикиморе, — займи чем-нибудь, а сама тем временем и решишь, как быть.

Обрадовалась Кваки Мора, приосанилась на кочке своей, кувшинку в волосах, жеманясь, поправила.

— Значит, красивая я, говоришь? — спрашивает у шурале. — Так у нас самым красивым другие украшения дарить принято!

— Скажи какие! — взмолился Урманжуа. — Что смогу — добуду!

— А принеси-ка мне тогда ожерелье из перьев журавля! — заявила красавица болотная. — Может, тебя тогда и выберу!

Удивился шурале необычной просьбе, хотел другое предложить: «Давай я тебе лучше дивную мелодию на курае сыграю», — да промолчал, увидев, как отвернулась Кваки Мора, к женихам спиной села и давай камушки-самоцветы ножкой толстенькой в воду скатывать. Лесован радостно руки мшистые потирает: «Так тебе и надо, чужак одноокый». А Урманжуа недоумевает: «Зачем перья? Ай-яй, капризная красавица». А делать нечего: назвался женихом — с корнями себя вырви, а уважь каприз невесты.

А меж тем и двух дней не прошло, как прознали люди: покинул лес Урманжуа. Тут же в него толпами охотники повадились, да бортники-неучи пчелиным семьям вред наносить начали, дупла разорять. Тут и дроворубы расходились, распоясались: без разбору все деревья подряд валить взялись. Не сразу увидел с горы Пэрей-ветер учиненные людьми безобразия, а как узрел — разошелся в гнев ураганом. Однако не столько людей наказал, сколько лесу навредил: деревьев еще больше повалил, кустарников с корнями повыдергивал — одним словом, дров наломал. Расстроился Пэрей: «Что ж я Урманхуже скажу? Лес не уберег от набегов, да еще сам беды добавил! Пойду-ка к хозяину ельника, — спрошу совета и помощи, авось не откажет».

Рядом с лесом Урманхужи молоденький ельник в небо свечками-пиш-ками тянулся. Всего-то несколько метров разделяло их. Давно подумывал Урманжуа тот елничек к рукам прибрать. Не знал шурале, что есть в нем хозяин...

Разошлись лешак с шурале в разные стороны — задание красавицы выполнять.

Лесован на дальнее болото поковылял: знал, что всегда там журавлиные семьи гнезда строят. Где еще перья искать? И точно: много на болоте перьев оказалось. Да только измокшие все, поломанные — как из таких красавице-невесте ожерелье дарить? А самих-то журавлей нет: углядели

Лесована — затихли, в камышах попрятались, за кочками да в кустах затаились. Пугливые журавушки птицы, недоверчивые, на виду быть не любят — не чета сорокам-трещоткам. Как их выманить? Как перья добыть?

Стал лешак вспоминать, что журки любят. Вспомнил: ягоду клюкву! И хоть не время было, приказал ей расти. Подивилась клюква, но хозяйина послушалась. Сперва цветки розоватые выбросила, затем ягодки округлила, покрасила, кислотой налила... А сам лешак ольхой прикинулся, затаился, ждать приготовился...

Ночью со стороны болота песня Кваки Моры до него донеслась:

В воду камушки кидала —

Жениха себе сгадала.

Где же ты, царевич мой?

Приходи скорей за мной...

Дальше слов Лесован не разобрал: дикий вопль послышался. «Э-эх-ма, как не терпится-то Кваки Морушке замуж за меня выйти — криком вся изводится. Небось лягушки ей мои достоинства расписали — хитрость да ловкость!» — так рассудил довольный лешак.

А клюковка все зрела, зрела...

Наутро просыпаются журавушки — все болото красными шариками усыпано. Смотрели они, смотрели издалека, шеи тянули, а потом осторожно, один за другим, из-за кустов и вышли. Так обрадовались птицы длинноногие, когда клюкву нашли, что об осторожности всякой позабыли — и давай красные ягодки клевать-поклевывать!

Тут Лесован как выскочит — и к ним! Перьев попросить хотел. Но испугались журушки, взмыли ввысь, серыми крыльями хлопая, — только перышки с хвостов полетели...

Долго потом лешак перья те собирал: по кочкам-горбикам прыгал, из коряг да кустов мосточки себе прокладывая.

А шурале топтался, топтался, не зная, куда податься, где журавлей робких искать, а потом наугад в чащу поскакал. Долго бы он по чужому лесу пробродил, оглядываясь, да вдруг ветки ивовые раздвинулись, и навстречу ему кикимора молодая вышла, бледенькая, тонконогая.

Запали Квакше Мурре в душу речи его ласковые, око, зеленым огнем горящее, нога прыгучая. Пожелала она чужака, помочь решила.

— Иди за мной, — позвала она шурале.

И привела его на свое родное болотце, маленькое да ивняком заросшее.

— Журавли сюда редко залетают: тесно им тут, неудобно. Но ты сядь-ка на кочку покрепче и в дуду свою поиграй. Журавли, они ведь танцевать любят. Может, и приманишь какого.

Послушался шурале совета. Уселся, курай свой вытащил, посмотрел кругом, подмигнул звездочкам первым — и заиграл. Поднялась над болотом песня, без слов понятная, понеслась все дальше и дальше над лесом — о том, как земля по весне цветет, о том, как ручьи по камушкам прыгают, о

том, как каждая птица небесная, каждый гад ползучий, каждый зверь зубастый свою половинку ищет...

И откликнулись на рассвете две пары молодых журавлей. Покружили они над болотом, а потом перед шурале опустились. Постояли, послушали, да и не выдержали — танцевать начали.

Играет шурале свою песню, поет курай о лесе весеннем да о большой любви — и журавли о том же танцуют: крылья серо-черные развернули, то кружатся, то кланяются, то на сильных ногах подпрыгивают... А потом Урманхужа о себе заиграл: о родных своих местах — холмах башкирских, где ковыль, на птичьи перья похожий, стелется, а воздух полынью терпкой налит; о том, что ждет его лес хозяйку заботливую... и о том, как прекрасна молодая невеста-кикимора — из шкуры бы, кажется, выскочил, коли смог бы, лишь бы ей хорошо было да весело!

Так увлекся игрой да танцами шурале, что ничего вокруг не замечает. Только единожды до ушей его вопль странный донесся. «Видать, дух болотный беснуется, сердится на что-то», — подумал мимоходом и тут же об этом позабыл.

Долго-долго танцевали журавушки, играл Урманхужа; а как опустил он курай, подошли к нему птицы и шеи гибкие склонили — благодарят за музыку чудесную, звуки дивные.

— Помочь могли б, между прочим, — подсказала им из куста Квакша. — Перья ему нужны журавлиные — подарок невесте любимой сделать!

Кивнули журавушки, встряхнулись и к ноге шурале несколько перьев сбросили. А потом поклонились еще раз и прочь унеслись.

Собрал Урманхужа перышки, травы подлиннее да покрепче нарвал, стал ожерелье плести...

Тут Сорока-чернохвостка подросла, о Лесоване новости принесла: как тот клюкву вырастил, да журавлей на нее приманил, да перьев добыл порядочно...

— Теперь ожерелье сидит мастерит, а друзья лесные ему помогают кто чем! Белки перья держат, паучки паутиной оплетают, пчелы медом скрепляют — уже готово почти! Смекалку да ловкость ожерелье это дарить будет!

А у шурале не получается ничего. Завяжет узлом травину — как живой, расплзется узел. Стянет покрепче — рвется... Не велел Лесован хитрый деревьям да травам чужаку помогать!

Пригорюнился шурале. Не знает уж, что и делать, а помощи ждать неоткуда. Но снова подошла к нему Квакша, села рядышком, прядь волос у себя вырвала и Урманхуже протянула. Стали шурале с кикиморкой волосами ее желтоватыми перья журавлиные перевивать... Быстро дело на лад пошло.

«Ну, теперь-то не устоит красавица!» — шурале думает, работой своей любуюсь. Красивое ожерелье получается, знатное, в три ряда, с узелочками искусными.

«Как раз о таком муже подруженька Кваки Мора мечтает — чтобы шкуру ради нее сбросить готов был», — Квакша размышляет. А у самой сердечко ноет — хоть плачь. Очень уж шуралиная песнь ей понравилась. Лишь беззлобный да покладистый так играть может...

— Ожерелье твоё не из найденных перьев, не из отнятых — из подаренных, — сказала Урманхуже кикиморка, когда все готово было. — Особой силой оно обладать будет: хозяину своему счастье разглядеть поможет. — И с этим словами тихо-тихо ушла Квакша, оставила шурале одного.

Встретились два лесовика перед самым болотом, остановились друг против дружки. У обоих в руках по ожерелью готовому — невесте-красоте подарок.

Глядит Лесован на шурале и думает: «Гляди-ка, одноног да одноглаз — а с заданьем-то трудным справился, в чужом лесу не что-нибудь — журавлиные перья отыскал!» А Урманхужа на лешака смотрит и размышляет: «Красивое ожерелье, однако, горбун двуногий сплел! И лишний глаз ведь ему не помешал!»

Неизвестно, сколько б так продолжалось, только раздался над ними сорочий крик:

— Нет, вы подумайте — опять они в гляделки играют! — опустилась Сорока-чернохвостка шурале на плечо, затрепала что было сил:

— Пока вы тут в землю врастаете, к невесте вашей царевич появился. Так она на радостях из кожи и выпрыгнула, сама царевной стала!

— Как так? — обомлел Лесован. — И матушка-кикимора позволение свое дала?

— Так матушка вас-то не видела, — объяснила Сорока. — Кваки Мора и сказала ей, что царевич — первый, кто свататься пришел! И лягушки отчего-то не наябедничали...

— Ай-ай, как нехорошо, — покачал головой одноглаз-шурале. — Всех обманула красавица! А ты-то куда смотрела, птица любопытная?

— А что я?! — возмутилась Сорока и возмущенно крылья растопырила. — Я за вами присматривала! Не могу ж я везде поспеть!

Помчались-поскакали хозяева лесные на болото к Кваке Море, а там... а там!

Стоит среди кочек страшилище нелепое: кожа белая, гладкая, на голове мох тонкий да длинный, руки короткие, в одном месте лишь гнутся; спина, как палка, прямая...

— Ай, шайтан! — вскрикнул шурале и руками замахал.

— Ох, черт лысый! — присел Лесован и по коленкам себя шлепнул.

— Да нет же, царевич это! — гаркнула Сорока. — Людей, что ль, вблизи не видали?

— Видать-то видали, — Лесован отвечает. — Да ей-то такой зачем?! Неужто и впрямь нравится?

— Кто их, кикимор, поймет? — Урманхужа вздыхает.

А лягушки из болота мордахи блестящие высунули — хохочут:

— Ква-ква-ква!

— Что говорят-то они? — повернулись лешаки к Сороке: не очень хорошо они лопотуний этих болотных понимали.

— А говорят, — чернохвостая перевела, — что в голос кикиморка голосила, как шкуру старую сбрасывала, на все болото крики-причитанья стояли. Знать, непросто это, больнехонько...

— Ква-ква-ква! — снова закатились лягушки, иные аж над водой подпрыгнули.

— Чего ж они смеются-то? — нахмурился Лесован.

— Нешто злые такие? — добавил шурале. Жалко ему кикиморку стало.

Послушала Сорока, что скакухи лопочут — и сама от смеха зачиркала-затренькала:

— Чир-чир-чир! Да царевич, говорят они, не настоящий! Не человеческий царевич-то — водянистый! Чир-чир-чир! Водяной Тристон это с речки ближней: он-то тоже по Кваки Море вашей страдал давно, а как услышал от лягушек, что за царевича лишь она выйти согласна, сам ради нее из кожи вон вылез! Чир-чир-чир! Да только от царевича-то у него наружность одна, а внутри как был водяным, так и остался и, кроме речки своей, ничем не владеет.

Глядят лешаки: навстречу первому страшилищу второе с кочки подымается — такое же гладкое, белое... А само подвывает, по щекам плоским мокроту размазывает!

Ахнули лешаки в единый голос и друг к дружке со страху придвинулись. И это их красавица-кикиморка, пучеглазка зеленоволосая?!

— Ква-ква-ква! — заливаются лягухи-насмешницы.

— Так что жить капризнице не в людском дворце, а в речке соседней, — Сорока закончила. — Не хочет она туда идти, упирается. А матушка ее от стыдобы такой на дне болота спряталась, пузыри пускает.

Постояли Лесован с Урманхужой, подождали немного. Кваки Мора их заметила — волосами жиденькими лицо закрыла. А потом царевич водянистый ее за руку взял и под хихиканье квакушечье заковыляли они вместе куда-то — шлеп, шлеп...

А лешаки друг к другу повернулись. «Уж в сравненье с царевичами шурале-то совсем не страшный! — думает Лесован. — Пупай и одноглаз, а все ж таки свой брат, лесовик». А Урманхужа размышляет: «Подумаешь, нога липняя! Невелика беда. Да и глаз второй дружбе не помеха, ежели прямо в корни заглянуть: сколько б глаз у кого ни было, а лешак лешака увидит издадека!»

— Ну, шурале, прости, коль что не так! — говорит с поклоном Лесован.

— И ты, брат лешак, — отвечает ему Урманхужа, — не поминай лихом! Пойду-ка я домой: лес-то мой заждался, поди...

— И меня с собой возьми! — голос вдруг раздался, и из-за куста ракитового диво дивное вышло. Да такое, что даже Сорока клюв разинула!

Волосы зеленую молодой выютя, до самых колен спадают, руки-ноги красоты неописуемой — чисто коряги! А глаза круглые, светлые, с ресницами, как лютики болотные, желтыми. Прежние глаза-то.

По ним и узнал ее шурале:

— Квакша-кикиморка! Ты ли это? — воскликнул. И вдруг заходило сердце ходуном у него, а по всему телу соки, как у дерева весной, забродили.

— Это я раньше кикиморкой была, — робко объяснила Квакша, — а теперь вот лесовичкой стала. Не нужна мне больше жижа болотная — в лесу с тобой жить хочу.

— Так ты что ж, — еще пуще поразился шурале, — кожу собственную ради меня сбросила?! Как же решилась ты на дело такое нелегкое?

Потушилась лесовичка-кикиморка:

— А чего ее жалеть, кожу-то старую? Да и не сложно это совсем, коли по любви: шкурка ведь тогда сама сбрасывается. Только вот ноги две у меня осталось и глаза два... — добавила она виновато.

— Э-эх, да ты что! — шурале воскликнул. — Ты и такая — красавица, каких лес не видывал!

Посмотрел он еще раз на Квакшу новую — и почуял, как на маковке у него листочки зеленые пробиваться начали... а еще... а еще!..

— Урманхужа я! — объявил он громко (Сорока аж с плеча его брякнулась!). — Теперь-то уж не забуду!

— Ну, а коли забудешь, — подошла к нему Квакша, взяла за руку, — я напому.

Глядя на них, вздохнул Лесован горько:

— Когда ж и я жену себе найду, лесу хозяйку?

— А ты возьми ожерелье мое, — предложил ему Урманхужа, — все одно мне теперь без надобности. Оно счастье разглядеть помогает!

— Тогда и ты мое возьми, — Лесован отвечает и свое ожерелье шурале протягивает. — Оно хозяина хитрей сделает и бойкости ему придаст!

Помогла обоим Квакша Лесовичка перья журавлиные вкрут шеи наматывать, а потом решили все вместе:

— Будем теперь лесами дружить! — и в гости друг к другу ходить уговорились.

Только прощаться начали — шум раздался: выбегает к болоту Волк, Урманхужин друг, перед собой тулпара, скакуна быстрого, гонит.

— Хозяин! Урманхужа! — завыв еще издали зверь мохнатый. — Совсем без тебя лесу житья не стало! Древорубы распоясались, бортики всякий страх потеряли! А недавно и того хуже — захватчик-шурале из лесу соседнего появился, порядки свои наводить взялся: деревья пересаживает, зверей да птиц переселяет! Скачи скорей, чужака выгони!

— Ай, беда! — вскочил Урманхужа на тулпара, и Квакшу за собой посадил. — Спешить надо!

— Вот что, брат шурале, — говорит тут Лесован, — с тобой я поеду, помогу с чужаком справиться! — и на Волка сел.

Понеслись они во весь дух! Только и мелькали мимо березняки светлые, стройные; дубравы веселые, кудрявые; боры строгие, колючие... За один день до родных мест шурале доскакали.

Отпустили Волка на опушке, велели ему тулпара в родной табун отогнать. Заходят в лес — а деревья-то повyrублены, опушки затоптаны, гнезда птичьих на землю сброшены!

— А ну, чужак, а ну, разбойник, кто б ты ни был, выходи на бой! — взревел шурале, кулаками затряс. И откуда только бойкость взялась...

— Эй-ей, как нехорошо говоришь! — слышался голос из-за вяза могучего. — Я, значит, твой лес защищаю, врагов пугаю, деревья лечу, а ты мне в ответ — «на бой»?!

И показался захватчик из-за ствола...

— Э-эх! — Урманхужа выдохнул, Квакша смолчала, а с Лесованом что-то странное твориться начало: сперва одеревенел весь, затем дрожь по нему прошла, а потом так и сел лешак на дерево сваленное!

Стоит пред ними лесная красавица: сама, как осинка, тонкая, волосья упругие, как молодые веточки, хвоями в стороны топорщатся; нога единственная крепко в землю упирается, а глаз изумрудом горит-мерцает.

— Шуралня! — воскликнул Урманхужа, когда слова к нему вернулись. — Кто ты, девица? Откуда?

— Кто я да откуда, спрашиваешь? — полыхнула на него глазом красавица. — А что ж сначала-то, соседка, спросить не подумал?

— Соседка? — Урманхужа задумался.

— Уж сколько лет мы соседи, — совсем разошлась шуралня, — а он и не знал! Из ельника я ближнего! А сюда меня дружок твой, Пэрей, на помощь позвал, как люди лес разорять начали, а ветер сам их дело продолжил!

Тут сверху шелест какой-то слышался. Поднял шурале глаз — а это Пэрей, ветра дух, в кроне бьется! Подслушивал, значит, за лешаками да подглядывал, а как самого помянули, улизнуть решил! Да вяз могучий его поймал: ветвями захватил, листочками запутал.

— Э-эй! — шурале возмутился. — А ну спускайся сюда, ответ держать будешь!

— Всю правду она говорит! — ветер сверху пропел. — Только и я ведь не ради себя старался — ради леса твоего! Ну, не получилось что — так на то я и Пэрей, а не шурале! Ты сам-то где был-пропадал столько времени? Побыстрей обернуться не мог?!

— И то верно, — говорит Урманхужа. — Мог бы раньше управиться — да не на то болото смотрел, не те песни слушал! Я ведь, друг Пэрей, согласишься ли, чуть на царевне плосколицей не женился. У-ух! Едва невесту свою настоящую не проглядел...

Неизвестно, сколько бы шураля с Пэреем еще ругался-мирился, но только Квакша его за руку тронула: на шуралино указала.

А та к Лесовану взглядом приковалась. Да и немудрено: отродясь небось подобного не видывала! Опал трухлявый мох с лешака — новым, зелененьким ноги-коряги обрастать начали... спина распрямилась — горб из старой коры пропал куда-то... А по рукам и вовсе цветочки липовые распускаться пошли... Зацвел лешак. Наполнился воздух ароматом нежным — даже пчелы на запах липы слетаться начали!

А шуралини-то липовый цвет в диковинку. Стоит красавица, словыми шишечками в ушах поигрывает, единственным глазом лешака буравит. А Лесован-храбрец смешался вдруг, будто язык к небу прилип...

Смекнул шураля, что если сосватать за друга соседку, то ельничек за ним, Урманхужой, останется, — ожерелье хитрости, видать, дело свое делало.

— Уж прости, что обидел, соседка! — не откладывая на потом, начал он. — Урманхужа меня зовут, а это Квакша, невестушка моя. А твое имя, красавица, как?

Насупилась снова шураля, молчит. Лишь волосы-иголки еще больше топорщатся.

— Ширшикыз она, — просвистел Пэрей, опускаясь в траву. — Ведь «ширши» — ель, а «кыз» — девушка!

— Привел я тебе из края дальнего, — торопливо продолжал шураля, чтоб не успела рассердиться красавица на вопрос грубый, — из леса зажиточного жениха завидного... — тут он глянул на Лесована: не теряйся, мол, подхватывай!

Лесован благодарно моргнул шураля и, откашлявшись, продолжил:

— Много-много лет я живу, красавица, но, как увидел тебя, понял: одному мне отныне не житье, сон не в сон и радость не в радость! Пропу...

Посмотрела шураля на лешака странно, а Урманхужа сообразил: языка-то она не понимает! Не успел еще Лесован в чужом лесу поганок поесть!

— Полюбил он тебя и жениться хочет! — перевел он поскорее речь друга. — Приглашает в свой лес...

— Эй-ей! — перебила шураля и единственную бровь изогнула нахмурила. — Экой он скорый! Что два глаза у него, то ладно. Но нешто он думает, что я так вот просто возьму и выйду замуж за первого встречного-поперечного? — Оглядела она Лесована с головы до пят, полыхнула изумрудным оком: — Пусть он меня хоть удивит чем-нибудь, что ли, за сердце тронет — там и посмотрим! — Обернулась она грибочком упругим и в землю ушла.

Сник Лесован, даже цвет липовый с него опадать начал.

— Не печалься! — говорит ему шурале хитрый. — Придумаем что-нибудь. Помогу я тебе до сердечка красавицы достучаться...

— И я! — шелестит Пэрей.

— И я! — Это Сорока на ветку плюхнулась. Только-только подоспела, а уже все новости знает!

— И я помогу, — говорит Лесовану Квакша. — Я-то понимаю, каково тебе сейчас. Вот что: вы тут пока лес лечите, а мы с Сорокой к шуралии пойдем!

Так и сделали.

Пришла Квакша в ельник, нашла елку, в которую шуралия обратилась (самую ладную да зеленую), села в ее корнях и давай рассуждать:

— Скоро замуж выйду за шурале. Ничего нет лучше, чем любовь найти! По мне, так жениха сразу видать — плох или хорош. А а испытания всякие — это когда сама не знаешь, в какой шкурке жить хочешь...

А Сорока сверху на ветке пристроилась и трещит в ответ:

— Да! Что за невесты ныне пошли?! Подай — принеси, найди — подай, удиви — докажи... А чем таких удивить-то? Другой и мох новый вырастит, и спину разогнет — шкуру, можно сказать, старую сбросит! — и даже зацветет не по сезону, а им все не так, все не нравится!

— Точно, точно, — вторит ей Квакша. — Вот подружка моя, Кваки Мора — первая красавица на болоте была. Женихов все перебирала: мечтала, что царевич за ней придет...

— И что? — Сорока подпрыгивает. — Довыбиралась! Докочевряжилась! Допрыгалась — до того, что мать родная не узнала!

— Тристана жалко, — вздыхает Квакша. — Царевичем ради Кваки стал, а ей и того оказалось мало!

Так сидели они и болтали, пока ель Квакшу иголками не засыпала, а Сороку с ветки не спихнула.

Тем временем шурале и Лесован порядок в лесу навели: кусты вылечили, полянки травой заростили, деревья молодые заново укоренили.

А потом Лесован дуду себе вырезал, как в его родных лесах делали, и лицом к ельнику на пенё уселся.

Не сразу у него дело заладилось: долго не слушалась дуда, не стибались пальцы. Но не сдавался лешак, старался изо всех сил... Урманхужа советом помогал, подсказывал...

И ночью понес прямо к ельнику песню Пэрей:

Тучи в небе громоздились,

Ветры по земле стелились...

Там, где стаяли снега,

Вмиг проклюнулась трава.

Аопались, трещали почки —

Лезли клейкие листочки...

А поутру Сорока новость принесла: у главной-то елки лапки зазеленели!

И всю вторую ночь лилась песня под звездами:

*Птицы, звери — все по парам
Не теряя вдоха даром,
Норы для потомства рыли;
Гнезда на деревьях вили...
Пробудился лес от сна —
Крылья вскинула Весна!*

Принесла на хвосте Сорока: радуется ельник за хозяйку — имя свое
Ширшикыз вспомнила!

И на третью ночь Пэрей по окрестным лесам песню нес:

*Травы разошлись ковром,
Взвились пчелы над дуплом.
Воротилась в жилы новь,
Пробуждается... Любовь!*

А еще через месяц играли в лесах сразу две свадьбы лешаковых... Такой тарарам устроили, что даже папоротник расцвел. У людей, что в лесу разбойничали, шурале лошадок угнал — три ночи с Лесованом гостей катали, по полянкам да по опушкам носились под свиное уханье, под волчьи песни.

Гостей-то много набралось: всех пригласили, даже Кваки Мору с Тристоном. А как не пригласить? Подружкой все ж таки была она Квакше... Наревела на свадьбе царевна Кваки море слез, то ли чужому счастьем завидуя, то ли себя жалеючи. Остался подарочек от нее — озерцо. Только воду из него пить не мог никто: слишком соленая была; а вскорости и вода ушла, одна соль осталась. Раскидал Пэрей пригоршнями ту соль по округе — до сих пор находят... Тристон камушков речных надарил. И сейчас они на дне горных речек лежат, под хрустальной водой призывно переливаются.

А как журавушки танцевали на свадьбе той! Танцем своим говорили-рассказывали: коли есть любовь, ни к чему и перья менять, незачем кожу сбрасывать! Каким уродился суженый, таким и люби... Приглянулись птицам серым края башкирские, стали с тех дней они на водоемы залетать, хариусом лакомиться...

Как в лесу Урманхужи нагулялись — к Лесовану отправились. Да не поехали — полетели: Пэрей постарался, донес молодых на саних воздушных, со всеми гостями вместе.

Встретил их хор лягушек болотных во главе со старой кикиморой, кваки-мориной матушкой... Лягушки-то совсем не насмешницы, просто не со всеми кикиморами дружат. Спели и они молодым свою песню — о том, как настоящую любовь распознать: так она переполняет, что в шкурке старой тесно становится...

Говорят, в том месте, где капризница Кваки Мора самоцветы в воду скинула, зеленые огоньки появляться начали. Видать, дух болотный, без

песенок ее скучая, по-своему забавляется: с путниками легковерными играет, кладами манит богатыми... Да только никому не даются «сокровища» те.

Раздались с тех пор леса на южных склонах Уральских гор и на равнинах русских — смешались. Пополнились молодняком и там и тут: деревьями и кустарниками, цветами и грибами, которых раньше в краях тех не видывали. То подарками обменялись шурале и лепшак. А песни, рожденные кураем и дудой, и поныне блуждают меж сосен и елей, меж дубов и березок — вслушайтесь!

ЮЛИАНА ЛЕБЕДИНСКАЯ

КОТЕНОК И СНЕЖНЫЙ ФЕЙ

Котенок был пушистый, игривый и абсолютно черный. От усов до хвоста. Семилетний Лесь Нявчика очень любил. Они подружились с первой минуты знакомства — котенок сидел под заснеженным кустом, а мальчик возвращался из школы. Домой пришли вместе. Мама удивилась, но пушистого гостя не выгнала.

Нявчику новое жилье понравилось. Еще бы! Вместо холодного снега — мягкий ковер. На обед — вкусная сметанка. После обеда — веселые забавы с Лесем. Но... Временами котик вспоминал уличную жизнь, и ему становилось немного грустно. Тогда пушистик прыгал на подоконник и мечтательно смотрел в окно — на кружащиеся снежинки, на выпагивающих по снегу ворон... В тот день Нявчик тоже выглянул в окно и страшно обрадовался! Напротив него на лавочке сидела хорошенькая белая кошечка. Казалось, она сделана из чистейшего снега.

— Мур! — сказал котик.

— Выходи гулять! — вильнула хвостом кошечка.

— Я... Я не могу... — растерялся Нявчик. — Если я уйду, Лесю будет скучно!

— Ерунда! — пискнула киса. — Кто может скучать по черному коту?

— Мявк! — только и смог ответить обиженный котик. — Это как?

— А вот так! Если ты сейчас выпрыгнешь, тебя даже искать никто не станет! Не веришь? Давай-ка проверим!

— Никуда я не собираюсь прыгать, — черный котенок на всякий случай попятился. — И вообще, окно закрыто! Захотел бы — не выпрыгнул!

Вместо ответа кошка дернула хвостом, в ярко-зеленых глазах танцевали хитрющие огоньки. Миг — и ветер швырнул в окно горсть серебристых снежинок, застучали ледяные красавицы в стекло, клацнуло что-то над ухом и... открылось окошко.

— Ну что, прыгаешь или испугался?

— Кто? Я?

Прежде чем Нявчик успел придумать достойный ответ, его лапки оттолкнулись от подоконника, и котик полетел вниз.

— Догоняй! — крикнула кошка, едва он успел приземлиться.

Черный котенок мигом забыл про обидные слова и помчал следом. Они гонялись друг за другом до темноты, а потом Нявчик вспомнил про Лесья.

— Видишь, — белоснежная подруга словно прочитала его мысли, — никто тебя не ищет.

— А как же... А Лесь... Мне холодно, и я хочу домой!

— Люди не любят черных котов! Им нравятся беленькие кошечки. Так ты говоришь, у тебя дома сметанка была?

— Была, а что?

— Ничего. Прощай!

И исчезла. Просто растаяла в воздухе, будто и не было никакой кошки.

— Мям! — грустно сказал Нявчик, но ему никто не ответил.

Лесь не находил себе места. Как? Как вышло так, что окно осталось открытым?! Где теперь Нявчика искать? Вчера мальчик трижды обошел вокруг дома, заглянул в соседние дворы — увы. Черного пушистого комочка не было нигде. Родители утешали его, обещали купить нового котенка, но... Что они вообще понимают? Нявчик был другом! Друзей не покупают!

— Мям! — пискнуло под дверью. Неужели? Лесь помчался к выходу, но — нет. На пороге сидел не Нявчик, а какая-то незнакомая белая кошка.

— Ой, смотри! — воскликнула мама. — Вот и новая киса для тебя!

— Это — не Нявчик! — всхлипнул Лесь.

— Да, но... Она даже лучше — такая беленькая. Назовем Маркизой!

Лесь молча вернулся в комнату.

К утру черный котенок вконец замерз и окончательно заблудился. Ни белой кошки, ни Лесь, только какие-то враждебные коты и равнодушные люди.

— Маяя! — жалобно протянул Нявчик и уткнулся носом в холодный сугроб.

Вдруг кто-то прикоснулся к спине. Котенок поднял голову. Перед ним стоял мальчик-подросток, весь белый, словно из снега вылеплен, с хитрющими — почти такими же, как у дерзкой Нявчиковой подруги — зелеными глазами и почему-то с хвостом. Впрочем, именно хвост и прибавил доверия к незнакомцу.

— Вы кто? — котик поднялся на ноги.

— Я — Снежный Фей, — юноша прищурился. — А ты случайно мою кошку не видел?

— Она такая же белая, как вы? — быстро спросил котенок. — Видел. Но куда исчезла — не знаю.

— Понятно, — Фей задумался, — а где твой дом?

— Кажется, уже нигде, — мрачно проворчал котенок.

Фей задумался еще глубже.

— Понятно. Хочешь пойти со мной? Я творю зимние чудеса, и мне нужен помощник. Обязательно с хвостом!

— Чудеса? Даже не знаю... — Нявчик внимательно изучал собственный след на снегу. — Я Лесь люблю...

— Понятно, — снова проговорил Фей, и котик подумал, что снежный пан, наверное, очень умный — все ему «понятно», и хвост опять же есть. — Что ж, пойдем!

— Куда? — мявкнул котенок. Вместо ответа Фей подхватил его на руки, и тот же миг свет закружился в безумном хороводе, и стало заметно теплее.

Лесь с грустью смотрел на Маркизу. Родители оставили белоснежную гостью. Лесь тоже не хотел выставлять ее на мороз, но... Что-то в ней было не так. Будто не настоящая кошка, а снежная скульптура. Играть не хочет, ласково мурлыкать — тоже, как, впрочем, и неласково... Только сметану ей подавай. А родители заладили: «Красивая, красивая!» Разве же это главное?

За спиной что-то клацнуло. В комнату ворвался снежный вихрь. Лесь подскочил со стула и замер — окно открыто, на подоконник старательно вскарабкивается странный юноша с огромными зелеными глазами и дурацким белым хвостом.

— Это еще что такое?! — закричал Лесь.

Непрошенный гость прыгнул на пол, вздохнул.

— Наверное, пора повесить на грудь табличку: «Снежный Фей»!

— На хвост повесь! Шел бы ты... Фей... А то родителей позову!

— Сейчас уйду, — незнакомец и не подумал обижаться, — а ты почему друзьями разбрасываешься? — он развернул белоснежный плащ, выпуская черного котенка.

— НЯВЧИК!!! — мальчик схватил пушистого друга, прижал к груди. — Где ты пропадал? Ты, — он повернулся к гостю, — ты и правда Фей!

— Не стоит благодарностей. Просто верни мне *мою* кошку!

— Маркизу? Конечно! Вы даже похожи! Такие замороженные... Ой, то есть, вот ваша киска!

— Не пойду с ним! — Маркиза выгнулась дугой, а Лесь открыл рот от неожиданности. — У него сметаны нет!

— Негодная кошка! — Фей дернул хвостом. — Сбежала от меня, разлучила друзей — и все из-за какой-то негодной сметаны?

Киса понуро опустила голову.

— Не такая она и «негодная». Сметана, в смысле, — промурчал Нявчик, который уже успел согреться и простить все обиды.

— Нявчик! Ты тоже умеешь разговаривать?

— Они все умеют, — сказал Фей, — но слышать их можно только в присутствии Фея. Хотя некоторым и перевод не нужен. Ну, нам пора.

— Подождите! — Лесь молнией выбежал из комнаты и вернулся с баночкой сметаны в руках. — Вот! Это Маркизе! На память!

— О да! Надолго ей хватит той «памяти», — фыркнул Фей. Впрочем, сметану взял.

— Спасибо! И... простите меня! — белая кошка сидела на плече у Фея и пыталась схватить его за кончик торчащего трубой хвоста.

— Ерунда! — муркнул Нявчик. — Заходите в гости!

Мальчик с котенком стояли возле окошка и смотрели вслед хвостатому Фею и его непокорной кошке. За окном кружились серебристые снежинки.

07.12.08

ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ, АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ БЕСЕДЫ

Материалы литературного семинара в Парентите
(май 2009 г.)

ЗАНЯТИЕ СЕДЬМОЕ

Олег Ладыженский: Продолжим наши литературные игры. Хотелось бы прояснить: мы сейчас говорим откровенно, не кокетничая и не боясь называть фамилии. Мы имеем полное право на ошибку, на неправильное понимание литературного процесса и отдельных его личностей. Это — совсем не повод завтра же выскочить в Интернет и начать сплетничать. Да, такое поведение свойственно богеме, безусловно. Кроме того, ваши ЖЖ еще и усиливают «громкость сплетни» в несколько раз. Но пользы от этого не будет. Вреда тоже не будет, потому что такого рода сплетни гуляют все время. Но лучше попробуйте понять, зачем мы все это говорим. Мы же, общаясь с вами, точно так же учимся!

Голос из зала: Любой пиар хорош, кроме некролога.

А. Бор: Хочу уточнить такой момент: когда вы говорите о тех товарищах, которые ради денег пишут всякую фигню...

Олег Ладыженский: Почему фигню! (*Когем*) Чувствуете, как нас сразу переверали?

Андрей Валентинов (*демонически улыбаясь*): И это будет все записано!

А. Бор: Я другое хочу сказать. Этих людей можно понять, они зарабатывают деньги. Причем зарабатывают честно, не воруют. Никого не убивают.

Владимирский: А Олди и Валентинов пишут бесплатно.

Олег Ладыженский: И Олди с Валентиновым зарабатывают деньги. Нормальный процесс.

А. Бор: Понятно, что вы тоже зарабатываете, причем достаточно, чтобы жить.

Олег Ладыженский: Минус появляется тогда, когда не фигню, как вы выразились, а нормальную ремесленную работу выдают за произведения искусства.

А. Бор: За гениальное причем!

Олег Ладыженский: И снова — нет. Просто за произведение искусства, не обязательно гениальное. Тут возникает подмена понятий. Мы не успеваем опомниться, как из фантастики получается паралитература, область развлекательной индустрии.

Андрей Валентинов: Я рискну дать такое сравнение: писатель — архитектор. Я часто для себя, когда пишу, сравниваю книжку с домом. Это удобно представить: я построил одно крыло, осталось восемь крыльев. А те писатели, о которых Алекс сказал — они собирают готовые конструкции по чужим чертежам, и конструкция тоже чужая. Быстро подлатать, чуть-чуть подкрасить...

Дмитрий Громов: И цветочек нарисовать. Цветочка еще ни у кого не было!

Андрей Валентинов: Сборные домики нужны, полезны, необходимы. Но никто не скажет, что сборщик — архитектор, понимаете?

Владимирский: Можно еще одно слово в защиту мимикрантов? Которых Алекс назвал халтурщиками. Суть в том, что эта литература, на мой субъективный взгляд, является зеркалом общества, социума в гораздо большей степени, чем творчество Логинова, Валентинова. Она отражает процессы, которые происходят в обществе, потому что система «запрос — ответ» там действует гораздо жестче.

Андрей Валентинов: И провоцирует процессы!

Владимирский: Да. Как социальное явление, как явление истории культуры, это — гораздо интереснее.

Олег Ладыженский: Не как история культуры. Что из продуктов питания самое востребованное?

Голос из зала: Водка.

Голос из зала: Картошка.

Олег Ладыженский: Совершенно верно: водка, картошка, хлеб и так далее. Говорить о том, что это является отражением процессов мировой кулинарии — невозможно.

Владимирский: Экономики.

Олег Ладыженский: Произведения из области развлекательной индустрии отражают процессы, происходящие там. А Логинов — процессы, происходящие в литературе.

Владимирский: Процессы, происходящие в Логинове. Здесь, на мой взгляд, является отчасти соавтором читатель, который говорит: «Нет, вы мне, сегодня, пожалуйста, про ведьмочку, завтра про Царя Гороха».

Олег Ладыженский: Не соавтор. Заказчиком.

Андрей Валентинов: Совершенно верно.

Владимирский: Это безумно интересно, только анализировать надо с другой точки зрения.

Дмитрий Громов: Это интересно с точки зрения социальной психологии, экономических процессов, происходящих в обществе, развития упомянутой индустрии...

Владимирский: Огромный материал.

Андрей Валентинов: Ты сам прекрасно охарактеризовал индустрию развлечений, сколь она важна для изучения общества. Но это — не литература.

Владимирский: С этим я не спору.

Олег Ладыженский: Мы двадцать раз сказали, что это не плохо.

Андрей Валентинов: Ты — критик, ты и изучай.

Дмитрий Громов: Хочется самонадеянно присоединиться к Николаю Васильевичу Гоголю на предмет того, что, как он говорил, настоящую фантастику надо писать хорошо. Мы подписываемся под этими словами всеми конечностями, какие у нас есть. Поэтому и завели разговор про мимикрантов, которых фантастикой не считаем. Они на данный момент перехватили бренд «фантастика» на себя. И сейчас под брендом «фантастика» подразумевается именно конструктор «Лего», мимикранты. Фантастика — это фантазия. Где фантазия, где творчество?

Директор: Мы назвали это антуражной фантастикой...

Дмитрий Громов: Терминология может быть разной. Я понимаю, что я немножко идеалист. Задача или трудновыполнимая, или невыполнимая, но очень хотелось бы вернуть термину «фантастика» его изначальное значение. Литература мечты, литература фантазии. В первую очередь — литература. Мечты, фантазии, а не конструктора. Чтобы фантастика ассоциировалась именно с литературой, а не с потоком коммерческого производства.

Андрей Валентинов: Получается, что это — фантастика-комиксы, это — фантастика-кино, это — фантастика-pulp fiction, а это — фантастика-литература.

Владимирский: Дэшил Хэммет — это pulp fiction. Писал по заказу.

Андрей Валентинов: Чтобы хотя бы один сектор фантастики получил право называться литературой. Это было бы хорошо, но я в это мало верю. У меня такой пример: поминали Брамбеуса, поминали Гоголя. В эти же времена в России появлялся массовый детектив. Книжки без обложки по одной копейке, злодеи в основном были поляки. Страшный польский злодей обворовал графиню, похитил юную красавицу, украл военный план, разбрасывает белый порошок по Петербургу с целью массового отравления... Одновременно Достоевский пишет «Преступление и наказание», которое по форме — детектив. Но началось с того, что детектив — это книга-копейка. Потом появилась классика в виде сыщика Путилина, приключения Шерлока Холмса в России и тому подобное. Вот так скомпрометировали детектив. Который в Англии дошел до уровня Конан Дойля, Диккенса, а у нас остался книжкой-копейкой. С фантастикой та же история.

Олег Ладыженский: Просто мы полагаем, что фантастика в правильном понимании этого слова — литература плюс фантастическое допущение, а наши оппоненты понимают, что фантастика — фантастическое допущение минус литература.

Владимирский: Фантастика ради фантастики.

Андрей Валентинов: И литература только мешает. Я знаю такие мнения. Так считали и в детективе.

Дмитрий Громов: Она отвлекает от восприятия фантастической идеи, отвлекает от восприятия научно-технических приквэмов или мироздательских концепций. Все литературные изыски этому только мешают.

Андрей Валентинов: Эта точка зрения не только сто лет назад существовала или, допустим, в тридцатые годы. Она есть и сейчас. Некоторые кланы Интернет-субстанции это провозглашают. Например, железячники. «Главное — точное описание техники, а литературные заморочки лишь мешают. Язык должен быть точный, описание шестеренки должно быть шестеренчатое». То же самое у эльфов и ведьмочек — форма ушей у эльфов должна быть правильная, количество ног у хоббита должно быть точное. Система магии! О! Система магии должна быть совершенной. А литература — зачем? Синонимы, понимаете! Слово должно быть точное, как инструкция.

Голос из зала (Председатель): Я хочу вернуть дискуссию туда, где мы остановились до перерыва. Что фантастом стало быть стыдно, все сбегали — и сейчас мы имеем то, что имеем. А какой вы видите выход из этой ситуации?

Андрей Валентинов: Я не вижу выхода...

Председатель: Кроме того, чтобы замочить всех МТА!

Андрей Валентинов (*с ужасом*): Этого я никогда не говорил!

Председатель: Это я говорю!

Дмитрий Громов (*смеясь*): Пусть живут и мучаются!

Андрей Валентинов: Более того, я считаю, что сто цветов — это лучше, чем красные цветы и красные реки. Лучше! Выхода я иного не вижу, кроме как писать хорошие книги, чем воспитывать читателя и держать ту самую планку, которая все норовит упасть ниже уровня грунта. Поэтому — только поддерживая планку и показывая пример, можно держать уровень фантастики. В успех я не очень верю, потому что сейчас — эпоха массовой культуры, эпоха заимствования не лучших примеров западной цивилизации, в том числе, pulp fiction. Приходится держаться. До заката, до прихода Блюхера — как повезет.

Олег Ладыженский: Я не идеалист. Выход, не выход, но способы противодействия я вижу. Другое дело, что я не верю, будто оно сработает. Я об этом говорил с Лукиным, с Логиновым, со многими. Не получается. Меня уже и здесь, в частных разговорах, опровергали. Я говорю прекрасным писателям — Лукину, Логинову, Лазарчуку и далее по списку — пишите книги! А они мне приводят тысячи причин, по которым они книги писать не могут. У них огород, депрессия, семья-дела, у них «Икс-файлы» и беллетризации... Куча причин, из-за которых прекрасные авторы пишут исчезающе мало. В сознании окружающих складывается: «Он — великий писатель, он очень много работает над книгой». Ничего подобного! Он не работает над книгой! Слава Рыбаков говорит: «Чтобы поработать над книгой, мне надо бросить мою основную работу, забыть про бухгалтерский

кодекс династии Тан, уехать на месяц в Коктебель — и я напишу книгу!» Чувствуете? Он пишет мало не потому, что много работает над книгой, а потому, что у него просто нет этого месяца. Приехать и написать. Жизнь засосала, рыцари фантастики практически ничего не пишут. Если бы писали, если бы книги выходили в достаточном количестве... Это — те имена, которые примет и выпустит издательство — пусть не очень большим тиражом, пусть это будет пять-десять тысяч. Но чем больше таких книг будет заполнять рынок (хоть слово это дико...), тем больше нашего читателя на рынке останется.

Дмитрий Громов: На такие имена хорошо клюют критики и рецензенты. В принципе, эти рецензии нормально публикуют хоть «Если», хоть «Мир Фантастики»...

Владимирский: Хоть «Новый мир»

Дмитрий Громов: Кстати, да. В итоге, идет довольно мощный информационный фон. Гораздо больше, чем на очередной конструктор «Лего».

Голос из зала (Эрик): Если они — вы — будете писать больше, издатель будет вынужден раздвинуть нишу для этих авторов. Соответственно, те, кто по краям, отвалятся. Плохой, слабой литературы станет меньше. Вот меня спрашивают: «А почему ты не хочешь меня издать?» Я говорю: «Ты сам подумай: у меня на очереди Буркин, Трусиновская, два шикарных сборника. Я жду, когда у меня возникнут деньги, и начну это выпускать. Зачем я буду двигать и издавать тебя?»

Дмитрий Громов: Более того, под новые книги, выходи они в большем количестве, пошли бы переиздания старых книг того же Лукина, Логинова, Рыбакова, Лазарчука... Дополнительный конгломерат, и книги дошли бы до нового читателя. Зацепили бы дополнительную часть «ниши». Тому, кто уже читает фантастику, чуть-чуть приподняли бы планку восприятия...

Директор: И молодые бы подтянулись.

Дмитрий Громов: Когда ориентиром для начинающих писателей будет не привычный вал, а что-то совсем другое. Некоторые ведь ничего другого не видят!

Олег Ладыженский: Ты затронул сложную проблему литературного менеджмента. Легко валить все на издателя. Нам легче об этом говорить — мы, кроме того, что писатели, еще и неплохие литературные менеджеры. Так получилось.

Дмитрий Громов: Нас никто не продвигал, приходилось самим. Натренировались на себе, стали другим помогать.

Олег Ладыженский: Да, мы кругу близких друзей помогаем в качестве литературных представителей, потому что мы знаем ряд механизмов лучше, чем они. Самый простой пример — невероятно талантливые Дяченко. Специалисты не дадут соврать, в последние годы Дяченко по тиражам идут на взлет. Почему? Безусловно, девяносто пять процентов — это талант Дяченко. Но это еще и точно выстроенная рыночная

стратегия продвижения бренда «Дяченко» на рынке. Когда мы начали работать с Дяченко, помогать им, у них был период, когда два года у авторов не выходило ни одной книги.

Дмитрий Громов: И они связались с нами. Говорят: «Ребята, помогите — мы пишем, а никто не берет. Мы не коммерческие писатели!»

Олег Ладыженский: Оказалось, что вполне коммерческие. «ЭКСМО нас никогда не возьмет, мы — не коммерческие авторы». Будете слушаться — возьмет. Слушаться — не в творческом смысле, ясное дело.

Дмитрий Громов: Пишите что хотите!

Директор: Детали интересны...

Олег Ладыженский: Нет, детали мы раскрывать не будем. Дело не в них. Но кое-что проясним. Первое обязательное условие, которое мы поставили — одна книга в год. Роман, сборник рассказов, но одна книга в год должна быть. Без нее мы не можем организовать переиздания и допечатки. Когда подходил Слава Логинов или Женя Лукин с вопросом: «Как нам подняться?», мы отвечали: «Одна книга в год! Минимум!». Лукин говорит: «Это невозможно!» Мы отвечаем: «Значит, разговор невозможен. Без одной новой книги в год мы не в состоянии организовать тебе трамплин допечаток». Логинов говорит: «Ну, одну книгу в год я, может быть, наскребу — десять авторских листов микрорассказов, по три строчки каждый». Не годится! Под это ничего нельзя организовать... Писатель должен понимать специфику происходящего в издательстве и на литературном рынке.

Дмитрий Громов: Писатель должен писать, как это ни банально.

Олег Ладыженский: Если правильно расставить приоритеты, то можно из некоммерческого автора, пишущего то, что ему хочется, сделать достаточно коммерческого автора. Подчеркиваю: достаточно.

Дмитрий Громов: Может быть, он не станет суперзвездой. Но он будет нормально издаваться, переиздаваться и допечатываться.

Олег Ладыженский: Тот же Валентиныч не даст соврать — при каждой встрече с ним мы, как попугай, повторяем: «Валентиныч, где твоя новая книга? У тебя же были такие замечательные задумки! Разработанные, тематически интереснейшие!» Зачем это надо? Мы все понимаем, что это в какой-то мере игра — но, тем не менее, капанье на мозги очень хорошо способствует тому, что Валентинов все-таки сядет за стол и напишет еще одну замечательную книгу. А под эту книгу в издательстве можно будет сделать то-то, то-то и то-то. И на выходе получить результат. Я правильно говорю?

Андрей Валентинов (*зрустно*): Абсолютно правильно.

Владимирский: Я одной вещи не понимаю, уточните. Я понимаю, зачем пишутся новеллизации, беллетризации...

Олег Ладыженский (*смеется*): Ух, как тебя эта тема зацепила!

Владимирский: Я другого не понимаю: зачем нужны они в нашей ситуации и в наше время, когда есть огромное количество замечательных

квестов с эльфами и гномами, компьютерных игрушек, стрелялок с разветвленным сюжетом... Почему они пользуются спросом, эти вещи, собранные из конструкторов «Лего»? Кому они нужны?

Олег Ладыженский: Потребитель чистой компьютерной игры — геймер — не читатель. Он зачастую вообще не читает, это человек другой формы потребления. Он потребляет без участия воображения. Ему заранее дана картинка, условия, набор кнопок, исходные данные, звукоряд. Участие личности минимально. Геймер, который покупает книгу за книгой из серии «Сталкер», такой ситуацией не удовлетворен. Он не понимает этого осознанно, но ему хочется большего. Ему хочется соавторства.

Владимирский: А книги, которые к «Сталкеру»...

Олег Ладыженский: Когда он берет книгу из «Сталкера», он попадает в родную стихию. Видеоряд, звукоряд, персонажи, ситуации...

Дмитрий Громов: Он все это себе уже представляет из игры. Общий антураж.

Директор: Усилия прилагать не надо.

Олег Ладыженский: Но раз нарисовано словами, он вынужден частично включить воображение. Картинку леса себе представить, дорисовать героя. Минимальное усилие воображения, но он его получает.

Дмитрий Громов: На такое он, в принципе, способен.

Олег Ладыженский: И он рад, он счастлив этому простенькому сотворчеству. И потребляет серию большими тиражами. Далее: берем книгу «Приключения десантника Пупкина в открытом космосе». Ее читатель точно так же не удовлетворен, как геймер, только он не удовлетворен своей личной жизнью, которая скучна, фильмами, которые не требуют его участия...

Дмитрий Громов: Он посмотрел «Звездные войны», поиграл в несколько космических стрелялок...

Олег Ладыженский: ...посмотрел «Терминатора» и в школе научился читать. Ему дают книгу, собранную из его стереотипов: какими должны быть космические похождения десантника Пупкина, какой должен быть звездолет, какие должны быть приключения. Злой император, губящий галактику. Читателю надо по минимуму включить воображение, задействовать собственную личность и творческие способности. Ему все-таки хочется сотворчества.

Дмитрий Громов: Я с такими товарищами не часто общаюсь, но иногда бывает. Помню, прозвучала четкая фраза от одного из них: «Это то же самое, только на бумаге».

Олег Ладыженский: Он себя чувствует соавтором, сотворцом. Грубо говоря, он проявляет в себе божественную сущность на два с половиной процента. И этим ужасно доволен, потому что чувствует себя не обезьяной.

Дмитрий Громов: «Я — культурный человек, я книжки читаю».

Голос из зала: Тут еще играет роль интернет-зависимость и зависимость от игрушек. Книжка — очередная доза, потому что человек не может при

всем желании сидеть все время за компьютером. А так он в метро книжку откроет, а эффект тот же.

Андрей Валентинов: Есть стереотип, пока еще не умерший: культурные люди читают книги. Книга — лучший подарок.

Олег Ладыженский: Книга, даже самая «не-книжная», позволяет чувствовать себя чуть-чуть сотворцом. Кстати, хорошая книга позволяет себя чувствовать сотворцом в полной мере. Читатель, читая хорошую книгу, творит весь мир заново, а не потребляет.

Дмитрий Громов: Разыгрывает спектакль внутри себя по пьесе, которая дана в книге.

Олег Ладыженский: Он в меру своего читательского таланта сам себе и режиссер, и актер, и осветитель, и композитор... Он поет все партии в этой опере. Потребность быть творцом. Поэтому настоящего читателя есть за что уважать. Даже если он не слишком талантлив, как читатель, но он прилагает усилия. Это — процесс развития.

Кстати, собирали однажды буддийский Собор (я знаю, у буддистов Собор иначе называется) и решали очень важный вопрос: приводят ли наркотики к просветлению? Существенный вопрос для буддизма. Потому что если приводят, то ширнулся, грибка покушал и говоришь: «Слушай, у меня такое расширение сознания и сплошное просветление!» Пойди докажи, что это не так. Они долго думали, почему «да», почему — «нет»... И пришли к выводу что нет, не приводят. Почему? Наркотик не сопряжен с развитием личности. Вопрос потребления и развития. Медитация развивает личность, изучение сутр развивает личность... А наркотик — нет. Та же разница между потребителем и читателем.

Голос из зала: Можно вопрос из другой области? По писательской кухне. Вы говорите, что каждый роман нужно начинать с подготовки, с продумывания сюжетных линий. Понятно, что если это исторический роман — с изучения литературы. Нужно ли рисовать схемки для себя, не включая в книгу, рисовать подробные карты; нужна ли внутренняя детализация? Полная прописанность мира, даже если это не будет играть в книге?

Дмитрий Громов: Это зависит от внутреннего устройства головы, психики, души писателя. Кто-то себе и так это представляет, ему не нужно рисовать карту, набрасывать схемы. У него это все в голове. А кому-то проще, удобнее, комфортнее работать с зарисовками. Если это поможет лучше осознать пространство романа и место действия — пожалуйста!

Андрей Валентинов: Иногда совершенно необходимо. В тех случаях, о которых говорите вы — совершенно необходимо. Мне приходилось писать роман один... Там треть повествования была в городе Севилья пятнадцатого века. Герой должен бегать по улицам, герой должен заходить в кабаčky, герой должен идти на встречу, герой должен прятаться. Героя нужно посадить в тюрьму. Севилья! Даже современная Севилья отличается

от Севильи пятнадцатого века. И стал я эту Севилью пятнадцатого века рисовать. Потратил очень много времени. Могу рассказать методику. Ну откуда я знаю, какая Севилья была в пятнадцатом веке? Это и сами испанцы не очень-то знают. Взял я современную Севилью, это нетрудно. Взял я произведения классической испанской литературы золотого века — шестнадцатого, начала семнадцатого. Стал прослеживать Севилью по комментариям, «вычитая» все здания, которые построены, условно говоря, после Колумба. Все, что осталось — оказались улицы, известные строения, известные кабачки. Если там сказано: «Этот кабачок существует уже больше двухсот лет» — годится. Большая работа. В результате у меня была Севилья: герой бегал, прыгал, попадал в тюрьму, убегал из тюрьмы, выходил на набережную... Мне было легко. Когда я выдумывал страну И, я тоже рисовал карту, хотя две трети того, что я придумал, не вошло в роман. Это просто удобно. Но я уже говорил своей группе, что сейчас прищипливать карту к тексту — расписаться, что это фэнтези для самых маленьких. Моветон.

Олег Ладыженский: Стоит разделить материал, нужный для работы, и чистый план текста. Материал каждый собирает, как ему удобнее и легче. У нас, как правило, есть несколько сотен ссылок на различные интернет-ресурсы. Эти материалы я уже прочитал и, когда прихожу по ссылке, сразу знаю, где что искать. Плюс — штабель книжек, плюс — отдельный файл, где мы пишем «название произведения — материалы». Туда сбрасываются краткие информационные заметки.

Дмитрий Громов: А у меня еще лежит несколько листов выписок из книг. Фактаж по ходу дела.

Олег Ладыженский (улыбаясь): Я заранее предвосхищаю, как будет весело, когда выйдет в свет третий том «Алюмена». Действие происходит в Санкт-Петербурге первой трети восемнадцатого века. Заранее предвижу ряд воплей, потому что в 1832 году в центре Петербурга ряд улиц назывался точно так же, как сейчас, только это были совсем другие улицы. Вот вам и материал для книги.

План произведения — это, как правило, действенный план, по событиям и главам. Что происходит и куда приводит. У нас это есть почти всегда и почти до конца. Мы знаем финал заранее, но сознательно там оставляем паузу для себя. Итак, действенный планчик плюс ряд коротеньких эмоциональных фраз. Самое главное, когда у вас есть план — это потом писать по плану, но не «писать план». Когда вы начинаете эпизод, надо начинать не с того, что прописано в плане, а с того, чего в плане нет. Иначе полезет схема.

Андрей Валентинов: Я начинаю с того, что рисую квадратики. Хочу представить себе структуру будущей вещи. Это индивидуально. У меня блокнот на столе, там на новый роман нарисовано несколько квадратиков. Вначале просто квадратики — хочу представить общую структуру, потом начинаю коротко заполнять...

Олег Ладыженский (*смеясь*): Ты только объясни, что это — восемь глав, а не просто квадратики!

Андрей Валентинов: Да, квадратики могут обозначать главы. Если намечаю две линии, я строю две линии квадратики. Для себя я нашел такой способ и всегда его применяю.

Дмитрий Громов: А потом еще рисуешь связи между ними.

Андрей Валентинов: Да, а потом я расписываю более подробный план, если это требуется. На отдельном листочке я придумываю героев. Смотрю, чтобы не повторялись: если этот — блондин, то этот — заикается. И так далее. Расписывать можно, нужно и лучше, потому что, как объясняют любому студенту на первом курсе, записанная информация усиливается для запоминания. Лучше не держать в голове, а набрасывать на бумаге, но это — вспомогательный материал...

Олег Ладыженский: Делая это, вы начинаете страшно злиться, потому что вам хочется писать книгу, а надо записывать кучу вроде бы лабуды. Да я ее удержу в голове! Ничего подобного, не удержите. Поймите, это как тренировки бегуна. По стадиону наворачиваете круги, чтобы укрепились ноги, появилось дыхание. Тяжелые и не очень приятные тренировки. Без них на книгу не хватит дыхания. Они вас поддержат, когда у вас будет провал. Вы тогда полезли в план, почитали, что-то вспомнили, оживили в душе.

Еще очень важно название книги. Поиск названия — мощнейший, труднейший пласт работы. Название должно быть интересным, должно отражать содержание, привлекать к себе внимание; название — квинтэссенция всего романа. Пока его не придумаешь, ни черта не получается. Впрочем, его иногда придумываешь окончательно в конце работы.

Дмитрий Громов: У нас часто бывает, что сначала ставится рабочее название, которое несовершенно, а потом, в процессе работы возникает настоящее.

Андрей Валентинов: А потом издательство подскажет...

Вопрос из зала: Как можно избежать молодому автору диктата издательства в плане смены названия?

Андрей Валентинов: Очень трудно.

Олег Ладыженский: Мы не можем давать рецептов по одной простой причине: у нас у всех троих очень вредный характер. Вы, наверное, успели это заметить. Мы плохо относимся к тому, что нас пытаются поставить углом и изнасиловать. Мы начинаем нервничать и, вместо того, чтобы подороже, злимся и лезем в драку. Да, иногда проигрываем. В деньгах, тиражах. Но самоуважение — штука дорогая. В девяносто втором году нам сказали, что, если в романе «Дорога» выбросить третью часть, переписать ряд сюжетных линий, а героя женить на принцессе (хотя они перестают видаться в самом начале романа, и она не принцесса), то его издадут.

Дмитрий Громов: Причем было сказано: издаем быстро, хорошим тиражом, платим приличный гонорар.

Олег Ладыженский: Мы отказались. И вместо того, чтобы издаться авторской книгой впервые в девяносто втором, вышли в свет в девяносто шестом. Это к вопросу, как работать. В девяносто четвертом нам хотели издать двухтомник. Не издали. Мы приехали в Питер согласовывать ряд правок. И когда увидели, что редактор вычеркнул из текста все эпиграфы... Вместо того, чтобы согласиться, мы рассказали все, что думаем по этому поводу. Интересное дело: вроде бы проиграли. Ничего, издались в девяносто шестом. Вас могут и не издать, но вас начнут уважать. Это очень поможет, когда вы придете во второй или в третий раз. Или в другое издательство...

Владимирский: Я знаю противоположный пример — Павел Шумил.

Андрей Валентинов: Хочу дополнить. Мой вам совет: в тексте не давайте менять ничего существенного. Это — плоть ваша. Насчет названия — соглашайтесь. Черт с ним! Честно скажу.

Дмитрий Громов: Но тогда сами придумайте другие варианты названия и предложите издателю.

Андрей Валентинов: Я два раза по просьбе издательства менял название, и не считаю это грехом.

Директор: Кстати, у вас никогда не было, что вы видите, что редактор предлагает что-то дельное?

Андрей Валентинов: У меня редакторов не было...

Дмитрий Громов: Было в рассказах. Там редактор поменял совсем чуть-чуть — Алексей Корепанов нас редактировал для печати в «Пороге», в первой половине девяностых. Корепанов присылает авторские экземпляры, я открываю рассказ — и понимаю, что здесь что-то не так, как у нас. Я — человек дотошный. Я нашел, что он поменял, но ни к чему придраться не смог. Ни одна правка не сделала текст хуже, а некоторые сделали лучше.

Андрей Валентинов: У меня небольшой опыт работы с редакторами. В первом случае мой девятитомник «Око Силы» редактировал Андрей Чертков. Мне не понравилась его редактура, я потом сделал свою. Он со мной ничего не согласовывал, так получилось — тогда еще не было Интернета, Петербург и Харьков далеко. Второй опыт работы был в Харькове — редактор профессиональный, немолодая женщина. Я был не против редактуры, редактировала она «Овернского клирика». Но я потом все равно сделал свою редактуру. Уже позже. И начались некоторые странности: у меня заканчивается книга датой, когда я закончил работу, и упоминанием Великого Поста. Я закончил книгу в Великий Пост. «Только деятели церкви, говорит редактор, — могут ставить в дате упоминание о церковных праздниках». Я запомнил это требование, но упоминания не снял.

Короче, одно издательство требует, чтобы Бог везде был с большой буквы, другое — чтобы с маленькой. Загибы бывают даже у хороших редакторов. Если можно — спорьте, не давайте уродовать книжку. Но иногда можно пойти на компромисс.

Олег Ладыженский: Собственно, я и не имел в виду, что ни на что не надо принципиально соглашаться. Вот как раз принципиальные вещи — тут соглашаться нельзя. Это сломает хребет вашей книги, и вы потом читателю не объясните на просторах Интернета, что это не вы виноваты. В мелочах — уступки допустимы. Название предлагают поменять — предложите сами десять вариантов. Потому что там сидят ленивые редактора, им лень выдумывать. Мы сами предлагали изменения в свое время. Роман Дяченко «Долина Совесть» — название предложено нами, потому что роман назывался «Узы». Название «Узы» на обложке не воспринимается никак. Или как автомат «Узи». Уды, узы... Ассоциативный ряд — никуда! Возникла «Долина Совесть»...

Дмитрий Громов: Более того, это название есть внутри текста — и оно совершенно четко отражает суть романа.

Олег Ладыженский: Изменение было принято с радостью. Роман «Армагед-Дом» в оригинале назывался «Волнорез».

Дмитрий Громов: Роман «Казнь» назывался «Моделятор». Первая ассоциация — модератор.

Андрей Валентинов: «Серый Коршун» первоначально назывался «Я, Клеотер, ванакт». Когда сказали, что неплохо бы поменять, я подумал — «Серый Коршун» отражает суть произведения.

Олег Ладыженский: Иначе из трех слов два — неизвестных.

Андрей Валентинов: Так что иногда заносит...

Олег Ладыженский: Редакторские правки обязательно смотрите. Там нарулят много интересного.

Андрей Валентинов: Вкусовщина пойдет.

Владимирский: Первущин всегда требует от издателей.pdf со всеми внесенными исправлениями. И потом, когда книга вышла, он еще раз вычитывает текст. И, если он выкладывает, он вносит еще одну правку.

Олег Ладыженский: Скажу крамолу: книгу можно править бесконечно. Это — как ремонт, его закончить нельзя.

Дмитрий Громов: Можно только прекратить.

Олег Ладыженский: С какого-то момента надо понимать: все остальные правки — это легкая косметика и бездарная трата времени. Именно потому, что это можно делать хоть сто лет подряд.

Дмитрий Громов: За это время вы другую книжку напишете!

Олег Ладыженский: Надо четко понимать, где остановиться: «Все, я больше книгу не правлю!»

Андрей Валентинов: Напомню один исторический эпизод. Все прекрасно знали, что Репин переделками способен довести картину до нерабочего состояния. Отбирали силой и вешали в галерею. Повесили «Иоанна Грозного и сына его Ивана». Репин бесился. Ночью в галерею влез Репин! И такого намалевал! Утром срочно смыли и едва спасли картину. А вот последнюю картину, которую он писал двенадцать лет — «Гопака» — он довел

до такого состояния, что сейчас ее, в принципе, можно рассматривать, но с большим трудом. Слишком долго работать над произведением нельзя. Тут наши учителя нас дезинформировали. В свое время Борис Натанович Стругацкий говорил такое: «Молодежь, вы как кролики, книжки рождаете, а книгу надо писать так:

ККК72

ФАНТАСМАГОРИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

Владимир Березин.

Путевые знаки. —

Астрель, АСТ, 2010. — 272 с.

Должен признаться, долго сомневался, стоит ли вообще эта книга внимания. С одной стороны, я убежденный противник таких проектов, считаю их литературой низкого уровня, а порой откровенной халтурой. С другой стороны, Владимир Березин — один из самых интересных авторов рассказов в современной литературе. Да и развернувшаяся вокруг книги дискуссия с ее неоднозначными оценками

лишь подстегнула мое любопытство. Так что в этот раз я оказался в положении игрока в покер. У меня на руках четверка (мое отношение к проекту в целом) и джокер (непредсказуемый талант Березина). И все же, после долгих раздумий вступаю в игру.

А теперь посмотрим, что же мне в итоге пришло.

Первая карта — тройка. Да-да, тот читатель, который хотел прочесть крепкий динамичный боевичок, несомненно будет жестоко разочарован и обманут. В этом качестве роман Березина совершенно не смотрится. Множество размышлений главного героя, отсутствие динамичного сюжета, всего несколько перестрелок за весь роман. И пусть вас не обманут валяющиеся тут и там скелеты, слоняющиеся без дела причудливые монстры, постоянные упоминания радиационного фона и даже людоед (одна штука). Для Березина это всего лишь антураж, причем не боевика, а чего-то совсем другого.

Вторая карта — двойка. Хотя книгу «Метро 2033» я лишь бегло пролистал, этого достаточно, чтобы понять: мир Березина совершенно не совпадает с миром Глуховского. Пусть Березин и пытался давать подробные ссылки на роман Глуховского, упоминал происходящие в нем события и описывал порядки, царящие на разных станциях московского метро, очевидно, что в мире после ядерной катастрофы совершенно невозможны

ни полеты на случайно сохранившемся самолете, ни прогулки по Питеру, ни разномастные колонии выживших под открытым небом. Сам дух, атмосфера «Путевых знаков» совершенно другие. Так что подражателя крепенькому боевичку из Березина не вышло.

Третья карта — король. А что же получилось у автора? Не могу не процитировать Борхеса:

«Историй всего четыре. Одна, самая старая — об укрепленном городе, который штурмуют и обороняют герои...

Вторая, связанная с первой, — о возвращении. Об Улиссе, после десяти лет скитаний по грозным морям и остановок на зачарованных островах приплывшем к родной Итаке, и о северных богах, вслед за уничтожением земли видящих, как она, зеленея и лучась, вновь восстает из моря, и находящих в траве шахматные фигуры, которыми сражались накануне.

Третья история — о поиске. Можно считать ее вариантом предыдущей. Это Ясон, плывущий за золотым руном, и тридцать персидских птиц, пересекающих горы и моря, чтобы увидеть лик своего бога — Симурга, который есть каждая из них и все они разом. В прошлом любое начинание завершалось удачей. Один герой похищал в итоге золотые яблоки, другому в итоге удавалось захватить Грааль. Теперь поиски обречены на провал. Капитан Ахав попадает в кита, но кит его все-таки уничтожает; героев Джеймса и Кафки может ждать только поражение. Мы так бедны отвагой и верой, что видим в счастливом конце лишь грубо сфабрикованное потворство массовым вкусам. Мы не способны верить в рай и еще меньше — в ад.

Последняя история — о самоубийстве бога. Атис во Фригии калечит и убивает себя; Один жертвует собой Одину, самому себе, девять дней висит на дереве, пригвожденный копьем; Христа распинают римские legionеры.

Историй всего четыре. И сколько бы времени нам ни осталось, мы будем пересказывать их — в том или ином виде».

Вот именно второй и третий сюжеты сильнее всего ощущаются в этой странной, наполненной образами и символами книге. Главный герой романа и впрямь напоминает то ли рыцаря, взыскующего некий таинственный, ему самому непонятный Грааль, то ли Одиссея, стремящегося все же добраться до родного островка сквозь все тяготы и опасности пути. Его путь наполнен не столько приключениями тела, сколько приключениями духа, становлением и изменением его личности. Различные события и сны выступают в роли неких мистических символов, «путевых знаков», по которым герой определяет правильность своих действий и поступков, свое приближение или удаление от цели. В этот странный поход отправляются четверо, и у каждого из них своя цель, но кто из них сможет вернуться назад? Весь роман построен на туманных намеках, на необычных образах, на странных аллюзиях. Не уверен, что мне удалось в полной мере понять все намеки автора и разгадать все его загадки, вникнуть в скрытый смысл всех эпизодов.

Четвертая карта — валет. Знаете, как приятно читать книги человека,

который в детстве любил и читал то же, что и ты? Как интересно выписывать в тексте намеки, шутки, аллюзии на самые разные книги, фильмы, песни и даже анекдоты? Как же я веселился, обнаружив таинственное божество Ежик, с пашен, живущее в болотах. Как стучал себя по лбу, пытаясь вспомнить, откуда мне так знакомо выражение «пороссячий слюняй». Как я не смог сдержать улыбку при виде фразы: «Эльфы были на свободе и с таким счастьем». Будда и Толкин, Сталин и мушкетеры, Одиссей и собаки Павлова — все это замешано в такой странный клубок, что копаться в нем было немалым удовольствием. Одни названия глав и эпиграфы могут дать богатый материал для размышления.

Пятая карта — дама. Достаточно жесткий по сюжету роман периодически оказывается на удивление лиричен. Уже первое же развернутое отступление — воспоминание героя о своем отце и об их совместном полете — просто-таки зацепило. Несмотря на все испытания, в душе героя всегда находится достаточно места для любви. Любви к женщине, с которой его разлучила судьба, и любви к отцу, которого он не видел долгие годы. В некоторые эпизоды автор действительно вложил частичку своей души, и это не может оставить равнодушным.

Итоговый расклад получился очень странным. Джокер, король, дама, валет, четверка, тройка и двойка. Эх, вместо одной бы слабой карты туза или десятку — и был бы ройал-флэш, сильнейшая комбинация в игре. А так приходится ограничиться парой королей. Неплохо, но могло быть гораздо лучше.

Роман Березина получился чудовищно неровным. Очень сильные эпизоды чередуются в нем со страницами совершенно пустого текста. Я рад, что автор не стал слепо копировать текст и Вселенную Глуховского, а создал совершенно самостоятельное и очень незаурядное произведение. Но та дань первоисточнику, которую пришлось отдать Березину для того, чтобы его роман все же как-то соответствовал серии, явно ослабило «Путевые знаки». К тому же у книги есть все шансы остаться незамеченной своей целевой аудиторией и быть раскритикованной любителями фантастического боевика.

Из всего прочитанного мной за последнее время роман Березина ближе всего ко второй части «Малой Глуши» Галиной — безумное путешествие по стране мертвых в поисках смысла жизни. Если вы любите подобную нестандартную литературу, обратите внимание на этот роман. Тем же, кто ценит динамичное действие и насыщенный приключениями сюжет, лучше прочесть что-то другое.

ИВАН ПОПОВ

ГОСПОДУ ВИДНЕЙ

Мэри Д. Расселл.
Птица малая. —
АСТ, АСТ Москва,
Транзиткнига, 2006. — 480 с.

Дебютный роман Мэри Расселл «Птица малая» — книга из тех, что после прочтения оставляют в горле ком боли. Напряженный эмоциональный фон вынуждает следить за событиями с пристальным вниманием, не дает пропустить ни слова. Казалось бы, одно слово — мелочь, ведь акцента на поэтике слов здесь нет, но убедительность подобных книг складывается именно из мелочей.

Первый контакт с инопланетной цивилизацией — одна из самых популярных тем в научной фантастике. Не останавливаясь сейчас на ироничном подходе к Контакту, отмечу, что вкупе с изначально серьезным отношением к теме достойное ее раскрытие позволяет многого добиться в познании чего бы то ни было. При этом фокус познания вовсе не обязательно должен приходиться на причудливую инопланетную цивилизацию либо на исследование самих по себе механизмов постижения нового. Через взаимодействие двух или более чуждых культур можно попытаться исследовать взаимосвязи между людьми, случаем и судьбой.

Контакт на религиозной основе существенно отличается от контакта обыкновенного, склоняясь к познанию внутреннего мира человека. Незримое присутствие третьей стороны контакта, стороны божественной, обогащает контекст произведения, придавая ему еще один смысловой пласт. Талантливо использованная религиозная проблематика помимо пищи для разума дает ту шероховатость, за которую цепляются чувства.

По странному стечению обстоятельств, все прочитанные мной фантастические романы, имеющие непосредственное отношение к религии, отличались остротой, болезненностью восприятия. Продуманно безыскусные слова талант обращает в нож острый, заставляя следить с болью и мукой за каждой фразой. Таким был знаковый роман Уолтера Миллера «Страсти

по Лейбовицу». Сходное чувство вызвали не имеющие отношения к фантастике романы из «Дептфордской трилогии» Дэвиса. «Птица малая» не стала исключением.

Вдумчивого анализа книги от меня ожидать не стоит. То, что цепляет чем-то необъяснимым, не может быть препарировано с бесстрастием. То, что очень нравится, не имеет смысла анализировать. Я не замечаю ляпы и нестыковки в НФ, смысл которой не в науке и не в технике. Смысл «Птицы малой» даже не в первом Контакте, который является лишь удобным и неизбежным для НФ фоном для контакта между людьми и рассуждений о пути к Богу.

Несмотря на неспешность и обстоятельность, которые являются отличительными чертами романа, ключевые события не теряются в общем потоке. Подача материала выстроена удачно. Вначале читатель получает краткие сведения об экспедиции на Ракхат, знакомится с неутешительными итогами, но понимание того, что же на самом деле случилось, придет к нему лишь в финале.

В 2019 году Джимми Квинн, астроном Аресибского радиотелескопа в Пуэрто-Рико, зафиксировал радиопередачу внеземной цивилизации. Передача производилась с планеты Ракхат в системе Альфа Центавра. Ко всеобщему удивлению, это была ни на что не похожая музыка. Спустя четыре года орден иезуитов послал на Ракхат исследовательскую экспедицию. Еще через четыре года ООН обнаружила, что из всех членов первой экспедиции в живых остался лишь отец Эмилио Сандос, специалист по лингвистике. И находился он в таком плачевном, непотребном состоянии, что это сильно повредило сложившейся за столетия доброй репутации ордена Иезуитов.

Что же произошло с Сандосом на Ракхате? Чтобы понять это, читатель погружается в прошлое, в те дни, которые позволяют ему ближе узнать всех членов экспедиции и настроиться на их волну. Но события прошлого перемежаются событиями настоящего, и вот уже на дворе 2060 год. Эмилио Сандос искалечен физически, дух его надломлен. Настоящее — это дни, полные непонимания, гнева и неподдельной муки. Это время ночей — схождения в Дантов ад, это время дней — поисков истины.

Прошлое на Земле — это психологически точные портреты героев и знакомство с интересными людьми, бездны живого юмора и остроумные шутки. Это будничная жизнь и простые человеческие чувства, это открытие первой внеземной цивилизации и подготовка к полету. Это истории тех, кто добровольно вошел в состав первой межзвездной экспедиции. Герои романа Расселл — не безликие функции вроде Доктора, Специалиста по Искусственному Интеллекту, Астронома, Лингвиста и так далее. В отличие от Лемовского «Эдема», прошлое Энн Эдвардс, Софии Мендес, Джимми Квинна, Эмилио Сандоса и других важно. Именно оно вело каждого из них к цели. А вот что вело весь проект в целом — случай

или божественное провидение? Вот вопрос, который стоило бы задать с горькой усмешкой.

Прошлое на Ракхате — это оставшиеся позади трудности перелета, это радость первооткрывателей, тяжелая работа и первые эксперименты, чудесные открытия, интуитивные решения и промахи. Смерть. Горе и разлука. Здесь дает о себе знать знакомая любителям фантастики специфика первого контакта, когда любой, самый безобидный на первый взгляд шаг рано или поздно приводит к провалу всей миссии. Первый контакт — это блуждание впотьмах, поиск наощупь в условиях полной неопределенности. Эмилио Сандос на Ракхате обрел чувство осмысленности всего своего жизненного пути и с небывалой яркостью ощутил Бога. Но однажды путеводная звезда привела его к перелому. Ступени лестницы в небо подломились, сквозь просвет показалась изнанка мира. Сладкоголосый Хлавин Китери, виртуозный певец Ракхата пел вовсе не о том, о чем так долго размышляла Сандос. О совершенно другом.

К сожалению, я не могу рассказать, в чем же смысл романа. Умелая работа Мэри Расселл с религиозной проблематикой делает перелом Сандоса ключевым, даже смыслоопределяющим моментом романа, но в произведении важна каждая социально-психологическая мелочь. Важны все люди, все жизни, все малые птицы этой вселенной. Если и не для главной коллизии романа, то для моего восприятия.

Выдержанный в единой тональности роман на удивление продуман, и ни одна часть не затмевает другую. Здесь ставятся вопросы, над которыми интересно поразмыслить, здесь есть и весьма интересная, не без изыска осуществленная реализация классической схемы контакта. Присутствуют искания Бога и достоверный эмоциональный план. А еще здесь есть острота происходящего, обнаженный нерв повествования, будоражащая сердце боль. Все для того, чтобы отказаться анализировать книгу и просто ее полюбить.

ЛЕВ ГУРСКИЙ

«НЕ СОВЕТУЮ, ГРАЖДАНИН... СЪЕДЯТ»

Когда любовь к ближнему — категория не этики, но гастрономии, быть беде. Бывает, что человек только похож на человека, а внутри его скрывается чудо-юдо, желающее подзакусить. Порой судьбами правит рок, и сам человек щепкой в бурном потоке мчится к своему расчеловечиванию, не в силах остановиться. Но иногда вдруг происходит и обратное: в не-человеке пробуждаются человеческие чувства, и это дает нам всем некую смутную надежду...

Кровавое метро

Российские прокатчики этого фильма изменили название, чтобы потенциальный зритель «Полуночного экспресса» (The Midnight Meat Train, США, 95 минут, «Мьюзик Трейд», 2009) чувствовал, будто он про этот фильм где-то слышал. И действительно: более тридцати лет назад Алан Паркер снял свой «Полуночный экспресс» — про побег из жуткой турецкой тюрьмы. Что же касается мистического ужастика Рьон Китамуры (это его дебют в Голливуде), то он снят по мотивам рассказа Клайва Баркера «Последний поезд с мясом» из первой «Книги Крови» — мрачной садистски-перверсивной новеллы, по духу близкой к рассказам Лавкрафта. По сюжету, главный герой фильма, фотохудожник Леон Кауфман (Бредли Купер), одержим своей профессией и мечтает выйти в люди, а не подрабатывать для криминальной хроники. Друг Леона, Юргис (Роджер Барт), и девушка Леона, Майя (Лесли Бибб), договариваются с хозяйкой модной галереи Сьюзен Хофф (Брук Шилдс). Та смотрит снимки, сделанные Леоном, и советует ему быть круче, брутальнее: в Нью-Йорке вполне можно найти кадры и помрачнее. В поисках фактуры Леон спускается в ночную подземку, становится свидетелем нападения хулиганов на японку-фотомодел,

спасает девушку, но утром узнает из новостей, что та все равно погибла. Самодеятельное расследование приводит героя в разделочную, где мясником трудится некто Махогони (Винни Джонс) — он-то и садится каждую ночь в последний поезд и забивает киянкой случайных пассажиров, чтобы потом разделать их, как мясные туши. Причем, действует он явно не по причине маньячества, а выполняет приказы неких сил, рупором которых является вагеновожатый (Тони Каррен). За 15 бюджетных миллионов Китамура снял вполне соответствующее первоисточнику тошнотворное кино: кровь льет ручьем, глаза вылетают из глазниц, головы раскалываются, как орехи. Бывший футболист Винни Джонс в качестве громилы, как обычно, достоверен. Прочие актеры, чувствуется, забежали к Китамуре на съемочную площадку в перерывах между съемками в сериалах — временами не только грим, но и типажки остаются те же. Купер играет примерно такого же дотошного журналюгу, как и в сериале «Шпионка», Барт — такой же скользкий тип, как и в «Потерянной комнате», исполнительница роли детектива Линн Хедли, Барбара Ив Харрис, выглядит точно так же, как агент Лэнг из сериала «Побег из тюрьмы», а Питер Джейкобсон, кажется, только на минуточку сменил белый врачебный халат из «Доктора Хауса» на белый передник хозяина закусочной Отто. Если бы автором рассказа-первоисточника был бы не Баркер, то финал можно было бы легко предугадать: мол, горожане не знают, что дефицит мяса власти Нью-Йорка восполняют таким вот ужасным способом, а посетители супермаркетов и закусочных не представляют, ЧТО они покупают (см. «Суини Тодд»). Однако такой легкой конспирологии Баркеру мало, поэтому потребителями человеческого мяса оказываются существа из потустороннего мира — на них-то, собственно, и работает Махогони. Это ведь только в обычных ужастиках монстры сами находят себе пропитание, а в ужастиках стильных они предпочитают прибегать к помощи людей-мясников. Трудно сказать, какую сверхзадачу держали в голове авторы фильма, но лучшего гимна вегетарианству, чем этот, трудно себе представить. После массовой расчлененки в кадре любой стейк будет долго вызывать стойкое отвращение...

Как убили Билла

Сорок с лишним лет назад Джордж Ромеро снял малобюджетный ужастик «Ночь живых мертвецов», где впервые вывел на киноэкраны человекоядных зомби — безмозглых, хищных и смертельно опасных (один укус — и жертва вскоре превращается в такого же монстра). За минувшие годы жанр zombie-триллера пережил взлет, падение и окончательно скатился бы в область дешевого трэша, кабы не Питер Джексон: будущий создатель «Властелина колец» выпустил в Новой Зеландии фильм «Мозг мертв» (1992), где с замечательным нахальством соединил ужастик с чернейшей комедией. Изобретение Джексона, однако, не было востребовано вплоть до 2004 года, когда британец Эдгар Райт снял ленту «Зомби по имени

Шон» — парадоксальную амальгаму тонкого английского юмора с кровавым «мочиловым». Постановщик фильма «Добро пожаловать в Зомбилэнд» (Zombieland, США, 2009, 84 минуты), практически дебютант Рубен Фляйшер добавил к традиционному фильму о живых мертвецах не только черного юмора в духе Джексона и Райта, но и традиционную для Америки «роуд-муви». Согласно сюжету, в Америке почти не осталось живых людей, которых скосила эпидемия зомбизма. Так что четверке героев — ботанику Коламбусу (Джесси Айзенберг), брутальному Таллахасси (Вуди Харрельсон), Уичите (Эмма Стоун) и ее малолетней сестрице Литтл-Рок (Эбигейл Бреслин) — приходится ехать по американским дорогам, отбиваясь от полчищ живых мертвецов и выясняя между собой отношения.

Режиссер чертовски изобретателен, придумывая бесконечно разнообразные способы уконтропупить живых мертвецов (от удара крышкой сливного бачка до сброшенного с высоты рояля), ну а когда герои прибывают в парк аттракционов, то к обычным приемам зомбиборьбы присовокупляются еще и совершенно экзотические. Для синефилов в этом фильме присутствует замечательный эпизод со знаменитым комиком Биллом Мюрреем, который тут играет самого себя и печально погибает от выстрела одного из героев, поскольку чересчур убедительно притворился зомби. Более десяти лет назад в фильме братьев Фарелли «Королевская кегля» («Заводиль») персонаж Мюррея уделал героя Харрельсона, и вот теперь Рубен Фляйшер позволил Вуди — то есть Таллахасси — взять реванш за былые обиды... Кстати, упомянутые имена персонажей нового фильма на самом деле вовсе не являются их именами: это населенные пункты на карте, места, где персонажи надеются обрести счастье. Понятно, что к финалу не только зрителям, но и самой четверке героев становится очевидно, что этим пилигримам умершего мира никогда не достичь их пункта назначения... «И, значит, остались только — иллюзия и дорога» (Иосиф Бродский).

Дьявол носит платице

В фильме режиссера Микки Лидделла «Призраки Молли Хартли» (The Haunting of Molly Hartley, США, 87 минут, «Видеосервис», 2009) заглавной школьнице Молли (Хейли Беннетт) скоро исполнится 18 лет. Она умна,

красива, но ей не позавидуешь: ее мама Джейн (Мэрин Хинкл) пыталась заколоть дочку ножом и сидит в психушке, ее папа Роберт (Джейк Уэбер) — противный тип с бегающими глазками (недаром ведь этого актера десять лет назад пригласили играть роль Дрю, мерзкого экс-жениха героини фильма «Знакомьтесь, Джо Блэк»), одна ее одноклассница, Алексис (Шанна Коллинс), — религиозная фанатичка, другая, Сьюзи (Анна-Линн МакКорд), — драчливая стерва, а у самой главной героини периодически идет кровь носом, болит голова, и ей слышатся голоса. Правда, за Молли приударяет самый красивый парень в классе, Джозеф Янг (Чейс Кроуфорд —

«Сделка с дьяволом»), однако зритель уже заранее подозревает в любом кинокрасавчике негодяя... Помните беднягу Эдипа? Сколько бы ни пытался этот древнегреческий персонаж обмануть судьбу, все равно вышло все так, как и предписано: Эдип убил папу, женился на маме, а, узнав правду, заработал еще и комплекс, позднее описанный доктором Фрейдом. Нечто подобное (я про судьбу, а не про комплекс — здесь, слава Богу, все без перверсий) происходит и с Молли. То, что сама героиня узнает ближе к финалу, зритель уже примерно знает к середине ленты. Оказывается, по достижении 18 лет душу девушки заберет Дьявол, и после календарного совершеннолетия Молли станет то ли дьяволицей, то ли главной проводницей дьявольской экспансии на Землю, то ли одной из многочисленной сатанинской армии (подробности грядущего кошмара так и не раскрыты). Героиня молит всех окружающих о спасении, но те, кто одержимы решимостью спасти душу девушки (мама или Алексис), пытаются укокошить ее физическое тело, а те, кто девушке помогают и покровительствуют — от упомянутого красавчика до школьной психологини доктора Эмерсон (Нина Семапко), — готовят ее к адскому предназначению. Затаив дыхание, зритель ждет, как выкрутятся сценаристы и режиссер в финале, но они и не думают выкручиваться: судьба есть судьба, душу девушки не спасти, зло проникнет в мир, ждите ужасов и кошмаров... Не то чтобы в каждом фильме непременно требуется хэппи-энд, однако для того, чтобы объявить человеческие усилия тщетными и возвестить о приходе Зверя, не надо особого ума и таланта. Мы и без вас знаем, что шансов выжить у человечества

немного. Вы лучше напрягитесь и предложите хоть какой-нибудь выход — кроме как закутаться в простыню и ползти в направлении кладбища.

Укусить или поцеловать?

И напоследок о вампирах. У девушки Изабеллы Свон (Кристен Стюарт) нелады в семье: мама (Сара Кларк) со своим новым мужем живет в солнечном Джексонвилле, а папа (Билли Берк) — в мрачноватом и сумеречном Форксе, где и работает местным шерифом. Пожив с мамой и несколько подустав от ее новой семьи, Белла решает пожить с папой. В Форксе у нее — отдельная комната в папином доме, машина-развалюха и куча новых школьных приятелей, большинство из которых производят впечатление либо «ботаников», либо идиотов, либо ботаников-идиотов. Но есть среди одноклассников один парень — Эдвард Каллен (Роберт Паттинсон — «Гарри Поттер и Кубок Огня»). Он нравится девушке, а почему? Потому что он бледный, высокий, похожий на молодого Сергея Безрукова, он очень сильный и способен на ходу остановить автомобиль. Правда, юноша ведет себя странно: он как будто западает на Беллу, но старательно ее избегает. Девушка подозревает, что с ее избранником — что-то не то. Она лезет в Google и довольно быстро обнаруживает то, о чем не догадываются глупые жители Форкса (кроме, конечно, проницательных индейцев). Оказывается, и Эдвард, и его приемный отец, доктор Каллен (Питер Факинелли), и все его — тоже приемные — детки на самом деле бессмертные кровососущие существа. Как только пелена тайны спадает, отношения Эда и Беллы сразу налаживаются. Конечно, и папе-Каллену, и прочим кровососам не очень нравится, что их старшенький в качестве подруги выбрал смертное существо, однако они готовы принять девушку в семью и даже не будут ее кусать. Ибо Каллены — вампиры-абстиненты: они себя строят, обуздывают в себе Дракулу и вместо человеческой крови пьют только кровь животных, а потому не конфликтуют с остальным населением Форкса. Беда, однако, в том, что на их территорию забредает троица «диких» вампирюг, и Калленам придется защищать от непрошенных гостей и Беллу, и весь Форкс... Картина Кэтрин Хардвик «Сумерки» (Twilight, США, 117 минут, «West Video», 2009), о которой идет речь, снята по одноименному роману Стефани Майер, очень популярному в США. Причина этой популярности несколько загадочна: особенными красотами слога роман не отличается (да и фильм отнюдь не принадлежит к шедеврам Голливуда). Однако и писательница, и постановщица фильм точно почувствовали аудиторию. Старших школьников, стоящих на пороге взросления, тянет к подобным сюжетам. Всегда приятно сознавать, что твой избранник — не просто Ваня (Джонни) из соседнего подъезда, но бессмертное существо, способное ради тебя на самую великую жертву. То есть на воздержание от укуса в шею. Чего не сделаешь ради любви?

ПАВЕЛ БОЙКО

ВОЗВРАЩЕНИЕ СО ЗВЕЗД

«Звёздный путь»

В ролях: Крис Пайн, Зои Салдана, Закари Куинто, Леонард Нимой, Антон Ельчин и другие

Режиссер: Дж. Дж. Абрамс

Производство: США

2009 год

Сразу оговорюсь, что вряд ли могу претендовать на объективность в оценке этой работы, так как с детства являюсь поклонником саги Джина Родденберри. Поэтому отключиться от старых картин при просмотре творения Абрамса у меня не получилось. И как итог — впечатления от фильма остались весьма противоречивые...

К его встрече начали готовиться заранее. Развешивали по стенам плакаты, начищали до зеркального блеска сапоги, разучивали с оркестром мелодию забытого гимна космических исследователей — ведь, не каждый день к тебе возвращаются подзабытые, но настоящие герои из детства. Капитан Кирк — настоящий космический волк, исследователь с обаятельной улыбкой, всегда готовый «смело идти туда, куда не ступала нога человека», объявил о своем возвращении на большой экран. Однако когда уже все было готово, в зал вместо прославленного звездолетчика, вдруг ворвался некий юнец с внешностью заправского тусовщика, который за рекордный срок ухитрился закинуть ноги на обеденный стол, сплюнуть на свежeweымытый пол и ущипнуть симпатичную барышню за филейную часть. А когда его уже собирались выводить, зашелся воплем: «Куда вы меня тащите, природы? Я же только, что вернулся»

Впервые звездолет «Энтерпрайз» под командованием капитана Джеймса Кирка пролетел по американским голубым экранам в 1966 году. А тринадцать лет спустя уже состоялся пробный полет в полнометражной киноэкранизации одноименного телесериала. Вместе с героями сериала — упомянутым

Кирком, невозмутимым вулканцем Споком, корабельным врачом Доком Маккоем — зритель пройдет долгий и полный опасностей путь, вплоть до экранной смерти самого Кирка, состоявшейся в 1994 году в фильме «Поколения». Много врагов придется побороть команде на своем пути (клингонов, ромулан), разгадать и уничтожить большое количество межзвездных аномалий. И лишь с самым страшным противником не смогла справиться дружная команда «Энтерпрайза» — с межзвездной аномалией, именуемой «перезапуском франшизы», которая накрыла всех старых героев, почище взрыва самого звездолета.

Дж. Дж. Абрамс — это такой общеголливудский человек-праздник, открывший секрет Полишинеля: как любую серьезную сагу превратить в усадлу для глаз гламурного поколения MTV. И весь его так называемый «перезапуск» творился по тому же подобию: взяв в руки объемное кино и теленаследие, праздничный человек выкинул из него все, что, по его мнению, не попадало в корень формата современного молодежного поколения. Первым полетел на помойку знаменитый кодекс этики Звездного флота: молодежь не любит правильных мальчиков, сейчас в моде раздолбан, нарушающие правила. Вскоре, на бреющем полете, в кодекс врезалась вся научно-исследовательская часть сериала. И то верно — зачем излишне напрягать мозг, когда все должно быть предельно просто: вот герой, там — враг, а потом между ними начинаются бесконечные п-шш, бз-иххх... Перестрелки, битвы — короче, круто, Бивис, круто.

Оригинал был интересен не спецэффектами и битвами, а в первую очередь — прекрасно переданной атмосферой мягкой американской гуманитарной фантастики 60—70-х годов. Когда в одном из фильмов капитана назвали воинном, он веско возражал: «я — не воин, я — исследователь». Главное — не уничтожить врага, не стереть его с лица галактики за причиненные обиды, а попытаться переубедить, установить контакт, решить конфликт мирным путем. Фразы вроде «я уничтожу его за то, что этот ублюдок сделал с моей планетой» из уст героев старой франшизы смотрятся так же дико, как если бы Андрей Болконский на дне рождения у Наташи Ростовой тяпнул самогонки собственного приготовления и пошел, у всех на виду, плясать гопака. Можно долго и нудно рассуждать о том, насколько современным зрителям интересны этические дилеммы и дух научного и гуманитарного познания из оригинальных серий, но если берешься кого-то вернуть к жизни, совсем необязательно при этом делать из пациента полного инвалида.

От абрамсовских заменителей оригинальных тем мужества, чести и долга, тоже исходит легкий душок чего-то прокисшего и изрядно перебродившего. В американскую школу приезжает полный оболтус, который мнит себя первым парнем на деревне. Естественно, территория уже оказывается помеченной другим вожаком стаи, и начинается долгая схватка за самоопределение. А теперь — поменяйте школу на звездолет «Энтерпрайз», замените местного крутого — на вулканца, и перед вами — фактически вся основная

сюжетная линия фильма «Звездный путь 90210» (цифры потом убрали, для краткости). Подобно нашему «солнышку» Федору Б., господин Абрамс тоже считает, будто знает, что нужно современному зрителю. Если он говорит, что «распальцовки» и драки на капитанском мостике в дословном пацанском стиле «ты чеее, а?» гораздо интереснее покорения новых миров, значит, так оно и есть. А кому не нравится, могут идти домой и рыдать в свои книжки.

Сценарий оставляет впечатление дико пересоленной каши. Все смешалось в бедном «Энтерпрайзе»: перемещения во времени, лютая месть, пространственные скачки, искусственные черные дыры, коллапс планет... Складывается впечатление, что авторам «Трансформеров» просто подsunули для наглядности ворох научно-фантастических книг, и они ими настолько увлеклись, что решили не мелочиться и сразу все запихать в несчастный двухчасовой фильм. В результате сюжет постоянно шатает в разные стороны, будто пьяного на дороге. По мысли авторов, в фантастике все должно выглядеть фантастично, однако дикий переизбыток фантастических допущений делает из сюжета тот тяжелый случай, который принято рассказывать знакомым мальчишкам на дворе, непременно размахивая руками: «А потом тот того — по морде, а второй в первого — из фазера». Одним словом, научной фантастикой здесь и не пахнет.

Безусловно, есть и свои плюсы. На экране все красиво взлетает, переворачивается, взрывается, втягивается, расширяется, сужается, сверкает, потом — опять взлетает, опять переворачивается — и так все два часа экранного времени. Кроме того, все это сопровождается очень неплохой музыкой Майкла Джиаццино, это, вероятно, лучший саундтрек в его карьере. Из актеров очень радует появление главного британского «типа крутого легавого по имени Шон», Саймона Пегга, который привносит на экран свою жизнерадостность и пару отличных шуток. Однако когда на экране появляется старый Спок в исполнении Леонарда Нимога, снова становится грустно, потому что разница между актерами «Трека» и их новыми воплощениями сразу же расширяется до размеров Маракотовой бездны.

Вместо перезапуска Абрамс выкопал для всего сериала просторную могилу, на которой попытался сплясать нечто совсем иное, по духу — более глянцевоe и шумное, но менее интеллектуальное и гуманное. Его детище напоминает яркую и сладкую жвачку, почувствовать вкус которой можно, лишь придерживаясь нехитрых правил по ее применению: жевать только в кинотеатре под оглушающий рев стереозффектов, запивать — только колой, закусывать — только поп-корном. А когда послевкусие жвачки пропадет, пойти домой, найти старый DVD и вновь вернуться со знакомыми героями туда, где не ступала нога человека. Ведь, согласно новым «модным» тенденциям, повторное возвращение в те края из удобного кресла кинотеатра в ближайшие годы нам точно не светит.

OPUS MIXTUM

Потери

7 февраля на 90-м году жизни от сердечной недостаточности скончался американский писатель-фантаст Филипп Класс, прекрасно известный нашим читателям под псевдонимом «Уильям Тенн». Он родился в Лондоне в 1920 году, с самого раннего детства жил в Америке и начал публиковать фантастику в 1946 году. «Срок авансом», «Балдежный критерий», «Плоскоглазое чудовище», «Таки у нас на Венере есть рабби!» и многие другие рассказы стали безусловной классикой жанра. С 1966 года Тенн преподавал литературу в университете штата Пенсильвания.

В середине 1990-х годов Тенн отошел от литературной деятельности. В 1999 году он получил специальную премию «Небьюла» как «заслуженный автор» (Author Emeritus), а в 2004 году стал почетным гостем Worldcon'a.

Светлая память.

Право на смерть

И перед лицом смерти сохранять мужество — таков принцип Терри Пратчетта, писателя, который не нуждается в представлениях. 1 февраля он прочитал на телеканале BBC так называемую «лекцию Димблби»: с 1972 года известные ученые, политики и бизнесмены обсуждают в ней самые актуальные темы. Пратчетт — первый из литераторов, удостоенный такой чести. Свое выступление он назвал «Пожимая руку Смерти». Оно посвящено защите права на легальную эвтаназию; для писателя, страдающего болезнью Альцгеймера, это острая и, к сожалению, актуальная проблема.

Долгих лет ему жизни. Напомним, что осенью выходит очередной, 38-й роман о Плоском мире — «Я буду носить полночное».

«Аватар» в Британии

На вручении «британского Оскара», премии BAFTA (The British Academy Film Awards), нашумевший фильм Джеймса Кэмерона стартовал с восьмью номинациями, а получил только две — за дизайн и спецэффекты.

А награды за лучший фильм, сценарий, режиссуру, операторскую работу, монтаж и звук получил военный триллер «Повелитель бурь», снятый Кэтрин Бигелоу, бывшей женой Кэмерона (если быть точной, то третьей женой из пяти). Вот так-то.

Книжные новинки

Есть, что почитать, есть!

Большой том рассказов Айзека Азимова «Путь марсиан» в серии «Отцы-основатели» («Эксмо»), и в ней же — «Таинственный остров» Жюль Верна, «Голова профессора Доуэля» Александра Беляева. Тем временем двухтомное собрание сочинений Беляева выпустили «Престиж Бук», «Армада-Арбалет» и «Литература».

К грядущей экранизации Роберта Говарда и «Азбука», и «Эксмо» выпустили в свет сборники рассказов о Соломоне Кейне. Рекомендуются издание «Эксмо» как более полное и лучше подготовленное.

В серии «Мастера Меча и Магии» («Эксмо» — «Домино») вышли последний роман Андрэ Нортон «Три руки для Скорпиона» и заслуживший восторженные отзывы дебют Патрика Ротфусса «Имя ветра».

«Азбука» пополнила серию «Лучшее» переводной антологией Джона Джексона Адамса с грозным названием «Апокалипсис»: Джордж Мартин, Орсон Скотт Кард, Конни Уиллис и многие другие славные имена. У кого лучшее, а у кого и шедевры: в серии «Шедевры фантастики» («Эксмо») вышла антология Джека Данна и Гарднера Дозуа «Черная магия», содержащая 18 рассказов, сами понимаете, о магии (Питер Бигл, Тед Уильямс, Нил Гейман, Кейдж Беркер, Джин Вулф...)

Что и о вампирах можно писать хорошо, доказывает «Азбука», опубликовавшая роман шведского писателя Йона Айвида Линдквиста «Впусти меня». Вполне вероятно, представляет интерес и роман Джемса Риза «Досье Дракулы» («Эксмо», «Проект Бестселлер») — лауреат «Премии лорда Рутвена» за лучший роман о кровососах.

«Дневник черной смерти» Энн Бенсон — третья часть научно-фантастической «Чумной трилогии» («Книга-загадка, книга-бестселлер»; «Эксмо» — «Домино»). А в серии «Книга-загадка, книга-бестселлер» переиздали «Галили» Клайва Баркера.

В новом переводе (и в мягкой обложке) вышел сборник Нила Геймана «Хрупкие вещи» («АСТ»). Это всегда приятно. Точно так же и там же переиздана геймановская «Коралина». Перевод прежний, т. е. плохой. Это неприятно.

Интересную русскоязычную фантастику выпускало в этом месяце, кажется, только «Эксмо».

В серии «Русская фантастика» вышел традиционный уже сборник «Городская фэнтези-2010» (Олди, Логинов, Резанова и другие известные читателям «РФ» авторы). В серии «Проект Fiction» увидел свет сборник повестей и рассказов Михаила Успенского «Чугунный всадник», в серии «Русские звезды» — omnibus Андрея Валентинова «Точка Омега» (романы «Омега», «Даймон», «Капитан Филибер»). К «Лучшей женской современной прозе» был справедливо причислен новый сборник Марии Галиной «Красные волки, красные гуси». В серии «Русская фантастика» вышел второй (первый сольный) роман Юлии Зонис «Дети богов».

Главный редактор: Ираклий Вахтангшвили

Редакционная коллегия:

Генри Лайон Олди (г. Харьков, Украина)
Владимир Ларионов (г. Санкт-Петербург, Россия)
Сергей Пальцун (г. Киев, Украина)
Сергей Лапач (г. Киев, Украина)
Михаил Назаренко (г. Киев, Украина)
Борис Сидюк (г. Киев, Украина)
Мария Комиссаренко (г. Киев, Украина)
Григорий Панченко (г. Ганновер, Германия)
Мария Галина (г. Москва, Россия)
Аркадий Штыпель (г. Москва, Россия)
Эллен Детлоу (г. Нью-Йорк, США)

© «Реальность фантастики»
№ 2 (78), 2010.

Интернет: www.rf.com.ua
E-mail: rf@rf.com.ua

Для писем: Украина, 03005, г. Киев-5, а/я 5

Подписной индекс
в каталоге «Укрпочта» — 08219

Издатель: © Издательский дом СофтПресс

Издатели: Эллина Шнурко-Табакова,
Михаил Литвинюк

Редакционный директор:
Владимир Табаков

Производство:
Дмитрий Берестян, Олег Чернявский

Корректор: Елена Харитоненко

Директор по маркетингу и рекламе:
Евгений Шнурко

Маркетинг, распространение:
Ирина Савиченко, Екатерина Островская

Руководитель отдела рекламы:
Нина Вертебная

Региональные представительства:

Днепропетровск: Игорь Малахов,
тел.: (056) 233-52-68, 724-72-42,
e-mail: malakhov@hi-tech.ua

Донецк: Begemot Systems, Олег Калашник,
тел.: (062) 312-55-49, факс: (062) 304-41-58,
e-mail: kalashnik@hi-tech.ua

Львов: Андрей Мандич,
тел.: (067) 499-51-53,
e-mail: mandych@mail.lviv.ua

Харьков: Вячеслав Белов,
e-mail: viacheslavb@ua.fm

Тираж — 5 тыс. экземпляров
Цена договорная

Регистрационное свидетельство:
КВ # 7600 от 22.07.2003.

Адрес редакции и издателя:
г. Киев, ул. Героев Севастополя, 10
телефон: 585-82-82 (многоканальный)
факс: (044) 585-82-85

Полное или частичное воспроизведение или
размножение каким бы то ни было способом
материалов, опубликованных в настоящем издании,
допускается только с письменного разрешения
ИД СофтПресс.

Все упомянутые в данном издании товарные знаки
и марки принадлежат их законным владельцам.

Редакция не использует в материалах стандартные
обозначения зарегистрированных прав.

За содержание рекламных материалов ответственность
несет рекламодатель.